Александр Дунаевский

Жанна Лябурб — знакомая и незнакомая

Александр Дунаевский

Жанна Лябурб — знакомая и незнакомая

Издательство
политической
литературы
Москва · 1976

Дунаевский А. М.

Д83 Жанна Лябурб — знакомая и незнакомая. М., Политиздат, 1976.

167 с. с ил.

Писатель Александр Дунаевский известен читателю поисковыми книгами «Олеко Дундич», «Иду за Гашеком», «По следам Гая», «Подлинная история Кароя Лигети», «Платтен — известный и неизвестный», посвященными людям высокого интернационального долга.

Новая художественно-документальная повесть — о Жанне Лябурб, чье имя, по определению В. И. Ленина, в годы военной интервенции «стало лозунгом борьбы»,— написана в том же поисковом ключе.

Идя по следам первой французской коммунистки, расстрелянной интервентами в Одессе, автор восстанавливает забытые, а часто неизвестные страницы жизни пламенной Жанны.

Д $\frac{10604-071}{079(02)-76}$ 221—76 9(С)22

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Француженка с русской фамилией.— Чей портрет срисовал школьный «Репин»? — Слово для внеочередного заявления имеет капитан Жак Садуль.— Слезы Александры Коллонтай.— Встреча с автором «Красного дьявола».

I

Потускневшие от времени буковки мартовского номера «Правды» за девятнадцатый год. Аккуратно наложенные на газетные листы белые бумажные полоски, словно бинты на ранах.

В обильной внутренней и международной информации обнаруживаю крохотную заметку, переданную из оккупированной интервентами Одессы, сначала в Киев, а потом в Москву: «Киев, 18 марта. По полученным в Киеве сведениям, среди расстрелянных в Одессе членов французской коллегии пропагандистов при Одесском комитете коммунистической партии находятся тов. Мишель, Жак и Миронова, приехавшая в Одессу из Харькова».

Расстреляны в Одессе... Три французских коммуниста... Среди них — женщина...

И сразу встало множество вопросов: кто она, эта француженка с русской фамилией. Как оказалась в Одессе? Не Жанной ли ее звали?

Где, когда и от кого я впервые услышал это имя?

Стоило только напрячь память, как передо мной сразу возник тихий, уютный город на Ворскле, весь в вишневых садах... Начало 20-х годов. Массивное здание трудовой школы, знакомые ребячьи лица из кружка МОПРа [1]. У каждого была маленькая книжица — первое удостоверение в жизни. На обложке — черная решетка, сквозь которую высунута мускулистая рука с платком — такого же цвета, как наши галстуки.

За решетками, в застенках, томились тогда герои Венгерской и Баварской советских республик, борцы

---

[1] МОПР — Международная организация помощи борцам революции.

за народную власть в Польше, французские матросы, восставшие на Черном море. Мы знали: они — за нас, за нашу революцию, за свой народ. Сами они, их семьи нуждались в помощи. И мы помогали. Всем, чем могли. Ежемесячно в мопровскую книжицу уполномоченная приклеивала по двухкопеечной марке. Но были и другие взносы. Дадут родители пятак на кино или мороженое, а ты его — в кассу МОПРа. После уроков бегали по городу с цинковыми кружками и радовались, когда они тяжелели от медяков.

Из копеек складывались рубли, и мы гордились: наша, ребячья, помощь пройдет через все кордоны, сквозь тюремные стены и решетки, и узники капитала узнают, что о них помнят где-то в Полтаве, заботятся и взрослые, и дети.

Именно тогда, в школьные годы, овеянные дымом, опаленные огнем гражданской войны, я узнал о гибели Жанны.

У нас в школе чтили французских революционеров, многие носили их имена. У нас были свои Мараты, Робеспьеры, Дантоны...

Этими именами нарекали моих товарищей на пионерских сборах, посвященных революционным праздникам. Так было и со мной.

В день празднования Парижской коммуны пионервожатый пригласил меня к столу, покрытому кумачом.

— Объясни, Шура, почему ты отказываешься от своего прежнего имени?

Я ответил, что родители назвали меня Александром. А Александры, как известно из истории, были царями, угнетателями... Поэтому прошу дать мне другое имя, настоящее, революционное.

— Какое? — послышалось с разных сторон.

— Коммунар!

В знак согласия ребята трижды прокричали: «Да здравствует Коммунар, Коммунар, Коммунар!»

Гордый и взволнованный, не иду, а лечу домой. Только раскрыл рот, чтобы сообщить матери о состоявшемся «крещении», а она с порога:

— Скоро вечер, а ты целый день ничего не ел. Быстрее, Шура, мой руки! Обед на столе.

— Шуры теперь, мама, нет,— решительно заявил я.— Твоего сына отныне зовут Коммунар.

— Кто такое придумал?

— Не придумал, а постановил. Единогласно, наш пионерский отряд. Так и ты называй меня.

Но она не признала пионерского «крещения»: первое время никак не называла. Говорила просто: «Мой руки», «Садись за стол», «Как дела в школе?»...

Сначала обижалась, сердилась, как это я — ее сын — посмел отказаться от имени, данного родителями, променять его на другое.

Мать говорила и за себя, и за отца: он первые дни не вмешивался, молчал. К концу недели отрезал:

— Пусть в школе его называют как хотят. А дома,— он повернулся ко мне,— будешь по-прежнему Шуркой!

На компромисс я не пошел: и в школе, и дома я — Коммунар! Для всех!

Постепенно родители стали привыкать к новому имени. Мать окончательно смирилась с ним, когда узнала, что моя сверстница соседская Галя стала Интерной, а ее брат Николай, по той же причине, что и я, стал гордо именоваться Маратом. Их родители не только не возражают, а одобряют это.

За Галю-Интерну проголосовали на пионерском сборе тоже дружно. Все кричали: «Ура Интерне и нашему школьному Интернационалу!»

В трудшколе дорожили памятью иностранных пролетариев, погибших за власть Советов. В зале, где обычно проходили торжественные пионерские сборы, висело десять их портретов: девять мужчин и одна женщина. С большими добрыми глазами, темными завитками коротко стриженых волос, в черном строгом платье с ажурным кружевным воротничком.

Под каждым срисованным из журнала или газеты портретом стояли имя, фамилия. Лишь под одним, женским, Костя, наш школьный «Репин», размашисто написал: «Жанна».

В Полтаву, расположенную на пути из Харькова в Киев, нередко приезжали по разным делам ответственные партийные и государственные работники. Некоторые из них заглядывали в школу.

Встречались с ребятами и наш знаменитый земляк, первый нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский, и старый коммунист Иван Евдокимович Клименко. Ему — гостю из Киева — Полтава тоже была знакома.

Первый раз он попал в наш город не по своей воле. До Полтавы Клименко работал в Киеве учеником наборщика. Опытный мастер научил Ваню не только, как набирать и верстать газету, но и преподал азы коммунизма. Юноша вместе с другими участвовал в забастовках, распространял большевистскую «Правду», писал заметки, корреспонденции. Одну из них не успел отправить. Жандармы при аресте приобщили к делу как вещественное доказательство причастности его к большевикам.

Не имея других, более веских улик, киевские власти ограничились высылкой Клименко в Ростов-на-Дону. И здесь молодой революционер не склонил головы: создал в типографии большевистскую ячейку. И снова арест. Несколько месяцев тюрьмы, и высылка на три года в Полтаву, под гласный надзор полиции. Потом он тайно вернулся в Киев, где его ждали товарищи, чтобы продолжать борьбу. Составляет и печатает антивоенные прокламации, выступает на тайных сходках. И опять — тюрьма, а за ней и ссылка в Нарымский край. Свободу принесла Февральская революция.

В 20-е годы Клименко работал на Украине, занимал ответственные посты: был наркомом земледелия, избирался секретарем ЦК КП(б)У.

Посещая Полтаву, Иван Евдокимович при всей своей занятости выкраивал час-другой, чтобы встретиться с «третьим поколением», как называл он нас, юных ленинцев.

— Что вы, дети, знаете про эту революционерку? — спросил гость, задерживаясь у женского портрета.

— Это Жанна д'Арк! — выпалила бойкая Интерна.— Только она не такая, как в книге: без шлема, без щита и знамени, без коня, на котором ворвалась в город, осажденный врагом. Жанну схватили и сожгли на костре. Это была женщина-воин, а вот он,—кивок в сторону Кости,— совсем мирной ее изобразил.

— Изобрази-и-ил!..— отпарировал Костя.— Я ее, если хочешь знать, точь-в-точь с московского журнала срисовал. Слышала звон... Говоришь совсем о другой Жанне. Ту враги в самом деле на костре сожгли, а эту... Эту,— повторил он,— интервенты расстреляли. В Одессе, у самого Черного моря.

— Точно! — подтвердил Иван Евдокимович.— Ты молодчага, парень. Здорово срисовал. Именно такой

Жанна запомнилась мне. В ту пору я работал в Одесском подпольном ревкоме. Родом Жанна из маленького французского городка. Бедность погнала ее в царскую Россию. Учила детей французскому языку, а потом сама брала уроки у русских товарищей: как делать революцию, как защищать ее. Без огнестрельного оружия, одним правдивым словом сумела сагитировать сотни французских солдат и матросов, а сама погибла...

Не все тогда услышанное сохранилось в моей памяти. Но главное запомнилось. На всю жизнь!..

Запомнилось, что француженку расстреляли враги в Одессе, что она тоже была учительницей — такой же, как наша любимая историчка Лидия Ивановна Прохорова.

Уроки истории назывались тогда обществоведением. Проходили они всегда интересно. Нередко после звонка мы оставались в классе, чтобы дослушать до конца рассказ Лидии Ивановны. Она привила нам любовь к истории Родины, уважение к фактам, умение самостоятельно оценивать и осмысливать их.

Однажды — это было накануне дня Парижской коммуны — Лидия Ивановна принесла на урок успевший пожелтеть номер полтавской газеты и, развернув ее, прочла вслух заметку о кровавой расправе, учиненной в Одессе. Здесь без суда и следствия интервенты и белогвардейцы в один час расстреляли шесть женщин и пять мужчин.

Лидия Ивановна прочитала заметку и пристально посмотрела на нас. Мы сидели притихшие, захваченные только что услышанным.

Одиннадцать убитых, и среди них женщина, француженка. Погибла вдали от родины, на Украине, защищая пролетарскую революцию, которая продолжила дело Парижской коммуны.

Не была ли Жанна дочерью или внучкой парижского коммунара? А может быть, родственницей бесстрашного Гавроша, погибшего на баррикаде?

Много таких «может быть» вызвала в наших ребячьих головах женщина, отважившаяся выступить в Одессе против «своих» же, французских генералов, и погибшая от рук интервентов и белогвардейцев.

Не помню, называл ли фамилию французской коммунистки Иван Евдокимович, когда беседовал с нами, или ограничился одним лишь именем — Жанна.

Листая страницы «Голоса коммуниста» уже в зрелом возрасте, я не нашел ответа на свои «может быть». Газета под таким названием просуществовала недолго и к погибшей француженке больше не возвращалась.

II

Учительницу из Москвы, приехавшую для работы в одесском подполье, звали Жанной. Это факт. Француженку, прибывшую из Харькова и расстрелянную в Одессе,— Мироновой. Имя последней неизвестно. Вероятно, их было две — учительница Жанна и француженка с русской фамилией.

С надеждой получить ответ на этот вопрос вновь берусь за мартовские страницы «Правды» девятнадцатого года.

Город у Черного моря упоминается в газете довольно часто. В номере за двадцать третье число ему почти целиком посвящена передовая «Плоды победы».

«Одесса стала в последние дни центром всеобщего внимания,— отмечалось в статье.— Последняя твердыня контрреволюции! Главный опорный пункт мирового империализма, ополчающегося против мировой революции!.. В ближайшие дни следует ожидать развития крупных событий на одесском направлении; через несколько дней Одесса будет взята.

Это будет, несомненно, самая крупная из всех побед, доселе одержанных нашей Красной Армией».

Это обнадеживающее известие напечатано на первой странице шестиполосного номера газеты. А на внутренней полосе я увидел дважды повторенное извещение в траурной рамке. И тоже из Одессы.

Подобные горестные сообщения в те дни появлялись в «Правде» довольно часто. Страна была охвачена пламенем гражданской войны. На Юге, Крайнем Севере и Дальнем Востоке хозяйничали войска интервентов. Каждый день на разных фронтах гибли воины революции, лучшие сыны и дочери народа.

Но это траурное извещение отличалось ото всех предыдущих: оно было напечатано на русском и французском языках. Французская коммунистическая группа РКП извещала о трагической смерти своего секретаря Жанны Лябурб, расстрелянной 2 марта девятнадцатого года наемниками французского капитала: «Вечная па-

мять славному товарищу, погибшему на революционном посту!»

Печатая извещение на двух языках, редакция «Правды» хотела, чтобы каждый, кто читает только по-французски, смог узнать о гибели своего товарища. В отношении же Мироновой редакция ограничилась почему-то однострочным сообщением. Между тем обе француженки прибыли в Одессу в одно время, но из разных мест: Лябурб — из Москвы, Миронова — из Харькова.

Возможно, там и по сей день живет кто-нибудь из ее родных или близких? Написал своему товарищу — Григорию Александровичу Григоренко, бывшему корреспонденту «Правды» по Харьковской области.

«Получил твою открытку и сразу же отправился в адресное бюро,— ответил он.— Там мне сообщили, что в Харькове в настоящее время проживает 1700 Мироновых. Если исключить всех обладателей этой фамилии, родившихся после семнадцатого года, то останется более 200 человек. Чтобы побывать у каждого из них, понадобится не один месяц.

Кроме того, работникам адресного бюро нужны некоторые биографические данные: имя, отчество, год и место рождения. Если ты располагаешь ими, то срочно пришли. Тогда будет легче установить, с кем интересующая тебя Миронова состояла в родстве».

Увы, никакими дополнительными сведениями о Мироновой, нужными для харьковского адресного стола, я тогда не располагал.

В том же номере «Правды», где помещено траурное извещение, редакция опубликовала отчет о работе проходившего в Москве VIII съезда Российской Коммунистической партии (большевиков).

«Не говорилось ли на съезде о подвиге французской коммунистки, не воздавали ли ей должное делегаты?» — подумалось мне.

Газета печатала доклады и прения в сокращенном виде. Ни Миронова, ни Лябурб в них не упоминались.

Если на съезде что-нибудь и говорилось, то должно найти отражение в протоколах съезда. Получаю их в Государственной публичной исторической библиотеке. Издан в том же девятнадцатом году на серой бумаге. Лучшей тогда не было.

Съезд открылся 18 марта — в годовщину рождения Парижской коммуны. И в Москве, и прежде, в эмигра-

ции, Владимир Ильич Ленин и его соратники всегда помнили этот день, считая, что дело Парижской коммуны не умерло: оно до сих пор живет в каждом из нас.

Вчитываюсь в отчеты, которые печатались в «Правде». В первый, второй, третий и четвертый дни работы партийного форума ни имя, ни фамилия французской коммунистки с трибуны не произносились.

Последний день был для его делегатов самым насыщенным. На вечернем заседании несколько раз выступал В. И. Ленин. Затем говорил А. В. Луначарский. После его выступления председательствующий объявил:

— Слово для внеочередного заявления предоставляется представителю секции французских коммунистов товарищу Садулю.

Он сообщил, что получена трагическая весть, которая должна отдаться болью и горечью в сердцах всех присутствующих: 2 марта в Одессе расстреляны французскими генералами три французских коммуниста. Личности двух из них не установлены еще. Но не остается никакого сомнения, что товарищ Жанна Лябурб находится в числе расстрелянных.

— Жанна Лябурб,— заявил Садуль,— поехала в Одессу по поручению фракции французских коммунистов на трудную, ответственную работу — для пропаганды среди французских войск. Поехала она всего несколько недель тому назад. И вот она расстреляна. Мы,— говорит тов. Садуль,— не возмущаемся свирепостью французских генералов. Но мы знаем их имена и в нужный момент вспомним, как нам нужно будет поступить с теми людьми, которые так жестоко расправились с нашими товарищами.

Жанна Лябурб не первая жертва французских империалистов. Но для нас важно отметить, что Жанна Лябурб является первой французской коммунисткой, которая погибла во имя и во славу только что возникшего III, Коммунистического Интернационала. Жанна Лябурб жила в Москве. Она была учительницей, но все свое свободное время и все свои силы она отдавала пропаганде среди французов, проживающих в Москве, стремясь в них посеять семена коммунистических идеалов. Она являлась олицетворением неутомимости, искренности и преданности нашему великому делу. Она всегда воодушевляла группу, и в моменты, когда мы падали духом или когда перед нами вставали какие-ни-

будь препятствия, группа черпала новое вдохновение и новую энергию, глядя на неутомимую работу погибшего нашего товарища.

Жанна Лябурб, по определению капитана Садуля, была необыкновенно мужественна. И отличалась большой скромностью. Отправляясь из Москвы на подпольную работу, она не боялась того, что ее ожидало. Накануне отъезда Жак посоветовал Жанне: «Будьте осторожны, товарищ». Лябурб ответила: «Умирают ведь только один раз!»

— Товарищ Лябурб погибла на посту,— сказал в заключение Садуль.— Она сражена контрреволюционным залпом, но мы, оплакивая ее кончину, вспоминаем ее великий пример — пример ее жизни, ее смерти... Кровь Жанны Лябурб теснее спаяла французских коммунистов с коммунистами России.

В выступлении Жака нет необходимых подробностей, деталей.

В секретарскую запись могли вкрасться неточности. Обращаю внимание на небольшие расхождения между тем, что говорил оратор на партийном съезде, и заметкой, напечатанной в «Правде». В ней сообщалось, что в Одессе расстреляны три французских коммуниста — Миронова, Жак и Мишель. Садуль назвал эту же цифру, предупредив, что личности двух из них пока не установлены. Может быть, француженка Миронова также относится к неустановленным?

Садуль отметил, что Жанна «всегда воодушевляла группу, и в моменты, когда мы падали духом или когда перед нами вставали какие-нибудь препятствия, группа черпала новое вдохновение и новую энергию...».

Так мог сказать человек, который не просто состоял в одной коммунистической группе с Жанной, а в многотрудные дни делил с ней и радости и печали.

Прежде чем стать последовательным интернационалистом, капитан Садуль прошел сложный путь. Социалист, близко стоявший к министру вооружения Альберу Тома, Жак по его рекомендации был послан в Петроград в составе военной миссии. Садуль обязан был наблюдать и информировать свое правительство о делах его русского партнера по империалистической войне. Он выполнял свои обязанности честно, не подтасовывая факты. Французскую военную миссию возглавляли типичные буржуа, чуждые тому, что происходило в Рос-

сии. Жак же смолоду воспитывался по-иному. Его мать защищала на баррикадах Парижскую коммуну. Родители мечтали вырастить из сына борца. Но во Франции он им не стал. Его порывы сковывали груз длительного пребывания в социалистической партии. Решительный шаг к разрыву он сделал в России.

В конце концов французская военная миссия вынуждена была покинуть Советскую Россию. Капитан Садуль остался в Москве. Он стал коммунистом и публично объявил, что вступает добровольцем в ряды Красной Армии.

Это событие в жизни Садуля не прошло мимо Владимира Ильича. Выступая на собрании партийных работников Москвы в ноябре 1918 года, Ленин сообщил, что капитан Садуль «присоединился к большевизму».

...Вскоре после VIII съезда партии Садуль уехал на фронт. В Киеве он выпускал журнал «Красное знамя» на французском языке и в первом же номере поместил статью о той, кто показала пример, как «надо жить и умирать».

Вот все то немногое, что мне было известно, когда я впервые прикоснулся к страницам жизни Лябурб. А пополнить эти сведения с помощью Жака Садуля не пришлось: он умер в пятьдесят шестом году в Париже, в тот год, когда я стал накапливать материалы о Жанне.

III

Очень хотелось узнать, как реагировали делегаты партийного съезда на сообщение Садуля о гибели Жанны.

К печатному отчету о партийном съезде приложен список его делегатов с решающим и совещательным голосами. Много известных имен. Кое с кем я встречался в разное время. С Яковом Аркадьевичем Яковлевым виделся несколько раз, в служебной и домашней обстановке. В 30-е годы Яковлев был народным комиссаром земледелия. Я же в ту пору работал в сельскохозяйственном отделе «Правды» и, естественно, был связан с Наркомземом.

Знал и жену наркома — Елену Кирилловну Соколовскую, опытного партийного пропагандиста, хорошего организатора. В довоенные годы она возглавляла лучшую киностудию страны — нынешний «Мосфильм».

Однажды по рассеянности я назвал ее Еленой Ивановной, но тут же спохватился, стал извиняться.

— Да что вы? — остановила меня Соколовская.— Улыбка расплылась по ее, не утратившему прежней красоты, лицу.— Я, голубчик, к таким неточностям привыкла: по церковной метрике я — Софья Ивановна, дочь присяжного поверенного при Одесском судебном округе Ивана Николаевича Соколовского и врача-бактериолога Людмилы Ивановны Лысенко. А в гражданскую войну меня величали по-разному: в Чернигове — Ольгой Мрийской, в Одессе — Еленой Светловой. В родном мне городе меня не только «перекрестили». В девятнадцатом году, во время деникинщины, заживо похоронили. И знаете, кто написал некролог? — Соколовская рассмеялась.— Известный вам Яков Аркадьевич... Сначала похоронил, потом воскресил, а когда гражданская война кончилась, предложил стать его женой.

— Почти как в сказке?..

— Да. В гражданскую бывало и такое...

В девятнадцатом году, только не в марте, когда была расстреляна Жанна, а позже, буржуазный «Одесский листок», ликуя, сообщил, что при проведенных арестах не смогли уцелеть Соколовская и другие видные коммунисты и, мол, «с большевиками в Одессе покончено». Через несколько дней в харьковской газете появилась заметка о гибели Соколовской.

Выступая на заседании Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, Григорий Иванович Петровский предложил почтить память Соколовской вставанием. Тогда же Яковлеву, члену ЦК КП(б)У, было поручено написать о ней некролог. Позже с газетных страниц эта статья попала в сборник «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.». Вот что там говорилось: «Соколовская Соня (Елена) — захвачена и расстреляна белыми при занятии ими Одессы в конце августа 1919 г. Она была одной из лучших, если не лучшей работницей украинского подполья...

Маленькая, изящная, хрупкая, с всегда смеющимися лукавыми зеленовато-карими глазами, по внешнему виду так не похожая на стойкого революционера. Но какое мужественное, какое героически-самоотверженное сердце скрывалось под этой внешностью! Всегда на

посту, всегда спокойная, в любой момент готовая взять на себя самую трудную, самую опасную работу... Ей было только 24 года».

Только двадцать четыре!.. В киевском большевистском подполье Соколовская была известна как Мрийская, что в переводе с украинского означает Мечтающая.

Не меньше подходила ей и вторая партийная кличка, которую она с гордостью носила в Одессе,— Светлова. В мрачные дни интервенции из глубокого подполья «маленькая, изящная, хрупкая» Елена несла свет правды и надежды.

В некрологе многое соответствовало действительности. Лишь в одном автор допустил, мягко говоря, ошибку: Соколовскую-Светлову, как уже знает читатель, белогвардейцам расстрелять не удалось. Ее спасли одесские рабочие.

Позже я не раз журил себя, почему не расспросил Соколовскую о Жанне Лябурб, о расстрелянных интервентами трех французских коммунистах — Мироновой, Жаке и Мишеле. Сколько интересного, ценного могла бы рассказать бывший секретарь подпольного обкома об Иностранной коллегии, о тех, кто работал в ней, и как потом все услышанное пригодилось бы для книги.

В те годы я, признаться, и не мечтал стать писателем, не думал о «фактозаготовках» — основном строительном материале книги, способном придать произведению неотразимую убедительность. Сотрудник сельскохозяйственного отдела «Правды», я целиком был поглощен другими заготовками: хлебозаготовками, мясозаготовками, кормозаготовками...

Впрочем, после смерти Соколовской могли остаться ее воспоминания об одесском подполье, об Иностранной коллегии. Но где их искать? В архивах? В старых газетных подшивках? У родственников или товарищей по партии?

IV

Не зря русская пословица гласит: на ловца и зверь бежит. Именно в минуты раздумья, куда лучше направить свои стопы, позвонил мой старый товарищ, полковник милиции Иосиф Коваль, много лет возглавлявший уголовный розыск Московской области.

— Ну как Жанна? Уж сколько лет прошло... Должно быть, изменил ей, увлекся новой героиней? Признайся, не скрывай.

Я ответил, что по-прежнему верен Лябурб, но попутно интересуюсь и другой француженкой — Мироновой, погибшей в одно время с Жанной в Одессе.

— Про Миронову ничего не слышал,— ответил Коваль,— а про Лябурб, помнится, что-то рассказывал Юра Козловский, однокурсник по университету. Да ты его знаешь!.. Журналист-международник, сын покойного председателя Малого Совнаркома Мечислава Козловского, прожившего в Париже не один год.

— В Париже? — нетерпеливо перебил я.— А не мог ли Козловский знать моих героинь по Франции?

— По теории вероятности, мог. Но лучше ты поговори с Юрием. Вот его телефон.

Выяснилось, что отец Юрия не был знаком ни с Мироновой, ни с Лябурб. А слышать Жанну слышал. Правда, не в Париже, а в Москве. Было это летом восемнадцатого года. Отмечали годовщину создания Социал-демократии Польши и Литвы. На торжественном собрании, как рассказывал Козловский-старший, выступали Яков Михайлович Свердлов, Феликс Дзержинский, Юлиан Мархлевский, а также французская коммунистка. Говорила так горячо, так взволнованно, что буквально покорила всех. И отца тоже. Он хотел пригласить ее домой, познакомить с семьей.

— И Лябурб была вашей гостьей?

— Нет, знакомство не состоялось. Отец вскоре по делам Совнаркома уехал в командировку, а Лябурб направили в Одессу. О ее гибели Мечислав Юльевич узнал на VIII съезде партии, делегатом которого был.

— Впрочем, о Жанне Лябурб я слышал не только от отца,— добавил Козловский.

— От кого еще?

— Камрада Мориса...

— Тореза?

— Вы угадали.

С руководителем Коммунистической партии Франции Юрий Козловский познакомился на московском радио, в его французской редакции. Когда Париж оккупировали гитлеровцы, Морису Торезу пришлось уехать в Москву. В 1944 году раз в неделю, по четвергам, он выступал перед микрофоном. Накануне народного восстания

в Париже Торез призвал всех французов и француженок:

— Пробил час великой битвы за освобождение родины... Будем помнить, что наши предки в 1792 году, когда им пришлось громить предателей и изгонять захватчиков, шли в бой под лозунгом: «Смелость, еще раз смелость, смелость до конца — и Франция спасена».

О Жанне не раз с восхищением вспоминал Морис Торез в те военные дни, говоря о подлинном пролетарском интернационализме. Генсек обещал, что, когда закончится война и ему доведется побывать в Одессе, он непременно посетит могилу Жанны, поклонится ее праху.

Встреча с Козловским надоумила меня еще раз просмотреть список делегатов VIII партийного съезда. Смотрю: Гурген Айкуни. Бог мой! Да это же автор нашумевшей в свое время поэмы «Красный дьявол». Живет в Ереване. Значит, надо ехать в Армению.

Айкуни сохранил в памяти многое из того, что видел и слышал на партийном съезде. Ему запомнилось, как Владимир Ильич пригласил участников конгресса Коминтерна и Жака Садуля, присутствовавших в зале, в президиум.

Было время, когда Владимир Ильич резко критиковал Жака. И как тот был опечален, когда августовским утром 1918 года, раскрыв «Правду», он в письме Ленина к американским рабочим обнаружил несколько горьких слов о себе.

Владимир Ильич в этом документе упомянул, что капитан Садуль, только на словах сочувствуя большевикам, на деле служил верой и правдой французскому империализму.

Огорченный Садуль решил объясниться с Лениным. Собрав копии всех своих писем, посланных из России французскому правительству и отдельным влиятельным лицам в Париже, он отправил их Владимиру Ильичу, просил ознакомиться с его перепиской: «Я ждал 2—3 дня. Я буквально не спал по ночам... По телефону секретариат Ленина сообщил мне, что он меня ждет. Пришел к нему. Ильич меня встретил с улыбкой и, подавши мне руку, сказал: «Вы не думайте, что я жалею о написанном... Я имел удовольствие прочесть ваши письма и надеюсь, что вы поняли, что вам надо порвать как с правительством, так и с вашей партией, а письма надо опубликовать. Вы же должны перейти в коммунистическую партию»».

Одно из этих писем было обнародовано на съезде французской социалистической партии. Об этом сказано в тезисах к докладу В. И. Ленина на московском партийном активе, напечатанных в тридцать седьмом томе: «Митинг в 2000 человек в Париже (и чтение письма Садуля на съезде)».

Какого, не сказано. Возможно, это было открытое письмо к Ромен Роллану, обошедшее советскую и французскую печать?

Да, именно это! И оглашено оно было на конгрессе французской социалистической партии, состоявшемся в октябре восемнадцатого года [1]...

Айкуни познакомился с Садулем на учредительном конгрессе III, Коммунистического Интернационала, в котором они оба участвовали: Айкуни представлял компартию Армении, Садуль — французскую коммунистическую группу в Москве.

В те часы, когда участники конгресса изо всех стран мира пробивались через «санитарные кордоны» и полицейские засады в Москву на конгресс, Жанна Лябурб совершала свой последний путь — ее везли на расстрел.

Теперь понятно, почему Садуль на VIII съезде говорил, что «Жанна Лябурб является первой французской коммунисткой, которая погибла во имя и во славу

---

[1] «Гражданин Ромен Роллан!

В час, когда республиканцы всего мира, отмечая годовщину взятия Бастилии, обращаются со словами признательности к французской революции и провозглашают свою непоколебимую веру в близкое братство людей, телеграф принес нам весть о том, что правительства Антанты решили раздавить Русскую революцию...

Неужели свободные люди Европы, те, кто еще сохранил способность ясно мыслить среди всеобщего смятения, кто знает или угадывает огромное общечеловеческое значение коммунистического опыта, начатого русским пролетариатом, допустят, чтобы свершилось это гнусное злодеяние?

...Министры Антанты, сами обманутые своими слепыми осведомителями, легко могли обмануть трудящиеся массы и бросить их против Советов. Но настанет день, когда ложь рассыплется в прах, а истина восторжествует.

...Люди, подобные Вам, столько сделавшие для духовного и нравственного формирования моего поколения, в состоянии помешать этому. Это их долг».

Съезд бурно реагировал на обращение. По свидетельству женевского корреспондента «Правды», «это письмо произвело колоссальное впечатление. Слева кричали: «Да здравствует Советская республика!»»

только что возникшего III, Коммунистического Интернационала».

...Гурген Сергеевич находился неподалеку от президиума съезда, отчетливо видел Ленина. Слегка склонив голову в сторону Садуля, он напряженно слушал его. Рядом с капитаном на трибуне стояла подтянутая, элегантная Александра Михайловна Коллонтай и тут же переводила все, произнесенное им.

Держалась Коллонтай спокойно, не давая волю нервам. До тех пор, пока Жак не произнес, «оплакивая ее кончину, вспоминаем ее великий пример,— пример ее жизни, ее смерти»... На слове «оплакивая» голос Александры Михайловны дрогнул, на глазах появились слезы. После короткой паузы она быстро смахнула их платком и перевела всю фразу.

Когда Садуль закончил речь, Владимир Ильич, целиком поглощенный услышанным, встал из-за стола. Поднялся весь зал и запел на разных языках:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу!

В многоголосом хоре слились русские и французские слова похоронного марша, воздававшие должное героической дочери Франции.

Потом в зале снова воцарилась тишина. Провожаемый сочувственными взглядами, Садуль сошел с трибуны и занял свое место за столом президиума.

Пристально следивший за Лениным Гурген Сергеевич заметил, как Владимир Ильич что-то записал на лежавшем перед ним листке бумаги. Что он взял на карандаш, какую пометку сделал, Айкуни не знал, да и знать едва ли мог. Вероятнее всего, Владимир Ильич что-то записал для памяти.

От событий, происходивших в марте девятнадцатого года, Айкуни вернул меня в восемнадцатый. В первую годовщину великого праздника Гурген Сергеевич присутствовал на Красной площади при открытии мемориальной доски борцам Октябрьской революции. Слышал, как, выступая на митинге по этому случаю, Ленин напомнил о долге перед погибшими: «...дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму».

Айкуни помолчал, а потом повторил:

— Подражать их бесстрашию, их героизму,— и, сняв с полки томик стихов Дмитрия Кедрина, прочел: «Откройте тем, кто будет после нас, как мы боролись, гибли и любили».

И открывали. Айкуни помнил, как после расстрела Жанны в советской печати появилось несколько статей, написанных теми, кто боролся рядом с ней. Коллонтай, например, предложила редакции одной военной газеты занести Лябурб на Золотую доску.

— На какую?

— Нет, нет, я не ошибся: были в те годы и такие. Имя Жанны занесли на Золотую доску в том номере, в котором Коллонтай опубликовала статью о ней.

— В какой же красноармейской газете?

Гурген Сергеевич задумался. Должно быть, он пытался вспомнить ее название:

— Не вся история в архивных документах, старых газетных подшивках, она и в людской памяти, памяти ветеранов, в каждом из нас.

Мне показалось, что это было сказано на случай, если не удастся разыскать тот запомнившийся ему номер красноармейской газеты.

Айкуни был убежден, что Жанна Лябурб заслуживает такого же признания, как и Жанна д'Арк, хотя жили и боролись они в разные эпохи, в разных условиях.

— Эх, вернуть бы мне прежние силы, скинуть бы десяток годков,— со вздохом произнес Айкуни,— я бы написал поэму о том, как боролась, как погибла Жанна! Но врачи, к сожалению, долголетия не обещают. Вы — моложе.— Гурген Сергеевич повернулся всем корпусом ко мне.

Сильный приступ кашля прервал наш разговор. Немного отдышавшись, он продолжал:

— У французского народа были две легендарные Жанны. Об одной знает весь мир. О другой знают до обидного мало. Надо рассказать всем.

Старый литератор посмотрел на меня мудрыми, добрыми глазами человека, помнящего свой долг перед погибшими товарищами, перед историей.

Отрывистый звонок в дверь: пришел доктор. Он увел Гургена Сергеевича в другую комнату. Я остался один на добрых полчаса.

Меня потянуло к ленинским томам. Беру один из них. В нем — несколько разноцветных закладок. Останавливаюсь на розовой. Читаю вновь и будто впервые.

2 декабря девятнадцатого года Владимир Ильич выступал с политическим докладом ЦК на VIII Всероссийской партийной конференции. Он заявил, что высадка французских войск на юге России кончилась рядом восстаний матросов на французских кораблях, и что, несмотря на свирепые действия военной цензуры, эти сведения проникли в рабочую прессу, и что об осуждении передовых французских матросов на каторгу стало известно во Франции. Далее несколько строк посвящено Лябурб:

«...имя тов. Жанны Лябурб, которую французы расстреляли в Одессе за большевистскую агитацию, стало лозунгом для французской социалистической рабочей печати не только коммунистического крыла... Поэтому нам ясно, что здесь действительно произошел величайший сдвиг, на который мы раньше всегда указывали, на который глубоко надеялись и который хотя и с необычайной медленностью, но, несомненно, стал за последнее время фактом».

Ленин говорил о Жанне и на VII Всероссийском съезде Советов, который состоялся через несколько дней:

— Мы знаем, что имя француженки, тов. Жанны Лябурб, которая поехала работать в коммунистическом духе среди французских рабочих и солдат и была расстреляна в Одессе,— это имя стало известно всему французскому пролетариату и стало лозунгом борьбы, стало тем именем, вокруг которого все французские рабочие, без различия казавшихся столь трудно преодолимыми фракционных течений синдикализма,— все объединились для выступления против международного империализма.

Выступая на съездах и пленумах ЦК, Ленин обычно не читал заранее написанных докладов. На листках бумаги он лишь намечал тезисы, называя их «планом доклада».

Коль Владимир Ильич говорил о Жанне Лябурб, он мог и в набросках к своему докладу внести ее фамилию.

Забегая несколько вперед, скажу, что позже я получил в Центральном партийном архиве ИМЛ фотоко-

пию такого плана. На нем — резолюция Владимира Ильича: «В архив (доклад 5/XII на 7 с-де Сов.)».

Стремительный, размашистый, знакомый по многим историческим документам почерк. С заметками на полях, энергичными подчеркиваниями отдельных мест. Всего шестнадцать пунктов. Первый относится к вводной части доклада на VII Всероссийском съезде Советов. Второй сразу заинтересовал меня:

«...Французские матросы (Labourbe)».

Фамилия Жанны написана по-французски. Вероятно, Ленину запомнились слова Садуля на VIII съезде партии, проходившем в том же девятнадцатом году, что и съезд Советов. Значит, у Айкуни глаз наметанный.

...Врач ушел. За ним появился улыбающийся Гурген Сергеевич. Сказал, что дело идет на поправку и скоро ему разрешат выходить.

С открытым ленинским томом садимся за стол. Айкуни знает почти все наизусть, что говорил о Жанне Лябурб Владимир Ильич.

— А как точно сказано! Ее имя стало лозунгом борьбы, стало тем именем, вокруг которого объединились французские рабочие. И сказано не кем-нибудь, а самим Лениным. И, заметьте, сказано дважды: на всю Россию, на весь мир!

Глаза моего собеседника заблестели, на лице появился румянец. Почудилось, что передо мной не отягощенный годами старик, а молодой задорный Гурген — народный учитель из горной Армении, воспевший ее в своих книгах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Заботы парикмахера из Лапалиса.— Густав Перро уточняет.— Копия метрики, присланная из Парижа.— Исправленному верить.— Когда Мари стала Жанной? — Нераспечатанный конверт.— Случай в гостинице «Дрезден».— Женатый холостяк.

I

В нестареющей пьесе Льва Славина «Интервенция», посвященной одесским большевикам, их борьбе с иноземными захватчиками, драматург вывел Лябурб под именем Жанны Барбье.

В других печатных трудах, построенных на документальных материалах, она фигурирует под собственной фамилией.

Проштудировал монографию А. Гуковского «Французская интервенция на Юге России», статьи историков Л. Зак, Г. Исаевой, книгу об Иностранной коллегии В. Коновалова, воспоминания ветеранов одесского подполья — те, что писались по горячим следам, и те, что появились «через годы, через расстоянья».

В публикациях много ценных сведений, немало и противоречивых. И это понятно. Те, кто первыми прикоснулся к благородной теме, возможно, многого не знали, а кое в чем просто не разобрались. В разных статьях назывались разные даты рождения героини. Одни авторы утверждали, что Жанна была дочерью парижского коммунара, другие об этом почему-то умалчивали. Одни заявляли, что она была многодетной, другие, наоборот, говорили о ее бездетности, утверждая, что «ни во Франции, ни в СССР никаких сведений о детях Жанны до сих пор не имеется».

О времени отъезда Жанны из Москвы и начале ее кипучей деятельности в одесском большевистском подполье — полная разноголосица. Неясно, сколько времени она боролась с интервентами.

Ни в одном из исследований нет упоминания о француженке с русской фамилией, расстрелянной в Одессе. Газета «Правда» назвала ее Мироновой. А что, если это не настоящая фамилия, а партийная кличка?

Раскрываю том Большой Советской Энциклопедии (в то время было еще только 2-е издание). О Мироновой ничего нет. Досадно. А о Жанне Лябурб есть. Родилась она во Франции, в местечке Лапалис, в 1879 году, в семье крестьянина, участника Парижской коммуны.

Интересно, очень интересно! Придется просмотреть всю литературу, изданную на русском языке о Парижской коммуне и коммунарах, искать в ней фамилию Лябурб. Уже само по себе напрашивается название будущей книги — «По следам дочери коммунара»...

И пожалуй, я так бы и поступил, если бы в новом, последнем, издании БСЭ не появились несколько другие биографические данные: возраст Жанны увеличен на два года; днем ее гибели названо 1, а не 2 марта; об участии отца в Парижской коммуне — ни слова. Пожалел, но от названия книги пришлось отказаться.

Противоречивые сведения еще более усилили желание докопаться до истины. После Большой Советской Энциклопедии беру многотомную французскую, выпущенную издательством «Лярус». Но увы, для первой французской коммунистки в ней не нашлось и строчки. До предела сжато сообщается о Лапалисе, где родилась Лябурб. В городке всего лишь 3182 жителя. Еще в XV веке здесь был воздвигнут замок в стиле ренессанса. Есть и два небольших предприятия — кожевенное и шелкопрядное.

На карте Франции Лапалис отмечен еле заметной точкой. Он расположен на пути из Парижа в Марсель, близ знаменитого курорта Виши, кормившего многих бедняков из Лапалиса. Скорее всего, здесь Жанна могла познакомиться с зажиточной польской семьей и уехать с ней в чужую страну.

А что, если обратиться к старожилам? Может, в Лапалисе найдутся люди, помнящие Жанну, ее родителей. Но кому адресовать письмо? Не писать же «на деревню дедушке»? А если через «Юманите»? В Москве у центрального органа французской компартии есть постоянный корреспондент Макс Леон, чью фамилию я не раз встречал в наших газетах.

Леон охотно снесся с редакцией, передал мое обращение в Париж. Но вскоре случилось так, что мы разъехались в разные стороны. И я долгое время не знал, напечатала ли «Юманите» обращение.

Как всегда, после дальней поездки начинаю разби-

рать скопившуюся читательскую почту. Среди конвертов попадаются и зарубежные: продолговатые, разноцветные.

Стоп! В правом нижнем углу голубого конверта читаю: «Лапалис. А. Лябурб»! Мелькнула надежда: значит, не перевелся род Лябурбов. Но кто мой корреспондент, мужчина или женщина, брат или сестра Жанны? Откуда ему (ей) ведом московский адрес? Из услышанного моего выступления по радио на Францию, или из открытого письма в газету «Юманите», или...

Моих познаний французского языка хватило, лишь чтобы прочесть название населенного пункта и фамилию адресата. Звоню знакомым переводчикам, телефоны молчат: время летнее, отпускное. Ничего не поделаешь. Мчусь во французскую редакцию московского радио, пусть и там порадуются первому отклику.

И письмо «заговорило». Номер «Юманите» с обращением к тем, кто знал, видел или слышал Жанну, попало в Лапалис, к коммунисту Пьеру Вейону, местному парикмахеру. Он поднял на ноги всю свою клиентуру, а у него ее — почти полгорода. Показывая газету, Пьер не без гордости говорил:

— Про нашу Лябурб пишут. С самой Орлеанской девой сравнивают! Москва все о Лябурб хочет знать, ищет людей, помнящих о ней хоть что-нибудь.

По совету одного из клиентов Пьер направился к Антуану Лябурбу, искусному маляру, живущему на проспекте Шарля де Голля.

Здесь и родилось письмо, взволновавшее меня. Антуан Лябурб сообщал, что его дедушка был родным братом отца Жанны, завзятого охотника, получившего прозвище Фанфан.

Когда дочь Клода уехала из Лапалиса, как ждали в семье ее письма! Приходили они редко. О чем писала девушка с чужбины, какими радостями и тревогами делилась с родителями, Антуану неизвестно. Единственный человек, что-то знающий,— это родственница Лябурб, мадам Мари Перро. Живет она не в Лапалисе, а в пригороде Парижа.

Написал и получил ответ. Но не от Мари, а от Густава Перро. Он сообщил, что его жена действительно состояла в близком родстве с семьей Лябурб.

Густав Перро перечислил имена всех детей старого Лябурба: Клод, Мари и Антуанетта.

«А где же Жанна?» — подумал я.

Перро объяснил: девушку в семье так никто не называл. В акте о рождении она записана как Мари. Вероятнее всего, позже к имени Мари прибавилось новое — Жанна.

И еще на одну неточность обратил мое внимание Перро — на несовпадение года рождения: Лябурб появилась на свет не в 1879-м, как об этом было сказано во втором издании БСЭ, а в 1877 году.

Добавлю от себя, что семьдесят девятый год высечен на мемориальной доске, установленной в Одессе.

Я уже собрался было написать председателю Одесского горисполкома, попросить исправить допущенную ошибку, если бы Перро не сделал к своему сообщению небольшую приписку: «Все биографические данные, которые я Вам сообщаю, мы с супругой слышали от людей, знавших семью Лябурб, и которые, к сожалению, уже находятся на том свете».

«Слышали» и остановило меня. Слышали — это не доказательство. Пришлось обратиться в Институт истории Компартии Франции. И все образовалось, когда из Парижа пришел ответ, точнее, акт о рождении Лябурб за № 22. В нем сказано:

«Год тысяча восемьсот семьдесят седьмой, десятого апреля, в девять часов утра, передо мной, Жаком Эженом Сонье, заместителем, исполняющим, по поручению мэра, обязанности заведующего отделом актов гражданского состояния коммуны и кантона Лапалис (департамент Аллиэ), предстал Клод Лябурб, 37 лет, батрак, проживающий в этом городе, предъявивший ребенка женского пола, родившегося восьмого числа текущего месяца в восемь часов вечера, по его заявлению, в его доме, от него и Мари Лабли, 31 года, не имеющей профессии, его супруги.

Новорожденной, по желанию родителей, дано имя Мари.

Указанные заявление и предъявление ребенка сделаны в присутствии Монтагю Александра, 28 лет, сельского полицейского, и Клода Бийара, 39 лет, столяра, проживающих в этом городе».

Документ как документ: с круглой гербовой печатью и подписями официальных лиц. Год указан тот, что и в третьем издании БСЭ.

II

Тем временем от Перро пришло новое сообщение. Ему и его супруге очень хотелось собрать сведения о детских и юношеских годах Мари-Жанны. С этой целью ездили в Лапалис, но, к сожалению, им не удалось разыскать тех, с кем девочка росла, найти дом, в котором жила ее семья.

Начальная школа, где училась Мари-Жанна, стоит на том же месте, на бывшем Вокзальном проспекте, носящем теперь имя генерала де Голля. Кто-то в шутку из старожилов сказал Перро, что Мари должна была родиться мальчишкой: такие у нее были замашки — и мадам Лябурб совершила-де ошибку, произведя на свет девочку.

Как явствует из метрической записи, Лябурб родилась через шесть лет после того, как реакция потопила в крови Парижскую коммуну. Конечно, она могла слышать от взрослых, как дружно восстали против буржуазии парижские рабочие, как образовали они первое в истории народное правительство, как в течение семидесяти двух дней не только мужчины, но женщины и дети защищали Коммуну.

Конечно, она читала о легендарной Жанне, публично сожженной на площади Старого рынка в Руане. Не раз думала о ней, когда была такой же пастушкой, какой Жанна д'Арк.

Юная Мари мечтала повторить подвиг Жанны, как мечтали об этом во все времена тысячи и тысячи девчонок, живущих в разных концах мира, как грезила об этом и московская школьница Таня Кузовлева, ставшая впоследствии советской поэтессой:

> Революция. Баррикады.
> Гильотины и трубачи.
> Революция, если надо,
> Ты стрелять меня научи!
> Позови меня — стану Жанной,
> За тобой на костер пойду.
> Босоногою парижанкой
> Я на камни твои упаду.

И революция позвала девушку из Лапалиса: к имени Мари прибавилось новое — Жанна. Жанна — боец революции. И стала она бойцом не во Франции, а в Польше.

В незнакомую страну девушка отправилась «в поисках счастья».

В тихом польском городке, расположенном у границы с Германией, Жанна познакомилась с местными революционерами и оказалась в водовороте событий девятьсот пятого года. Она стала посещать тайные сходки, распространять революционные листовки.

Из России через Томашов в Германию и обратно в Россию переправлялись люди, спасавшиеся от тюрем и каторги. С паспортом Мари Лябурб — подданной французского государства.

Революция была подавлена, верх взяла реакция. Жанну как политически неблагонадежную выслали из Царства Польского во Францию. Там, сдав экзамен на аттестат зрелости и получив диплом на право преподавания французского языка, Лябурб вернулась в Польшу. Высылка «по высочайшему повелению» не сломила ее воли к борьбе, не остудила революционного пыла.

Вот все, что мне было известно о польском периоде жизни Лябурб. Мало, очень мало.

А что сохранилось в архиве Польской объединенной рабочей партии? Послал запрос в Варшаву.

Прошел месяц, другой, третий... Ответа нет. Напоминать неловко. Надеялся: если найдут документы, пришлют, не найдут — тоже сообщат. И не ошибся.

Письмо из Варшавы гласило:

«Центральный архив ЦК ПОРП сообщает, что в польских архивах после долгих поисков не обнаружено сведений о французской коммунистке Жанне Лябурб».

Возможно, материалы о Жанне Лябурб были затеряны либо уничтожены во время второй мировой войны, и восстановить их невозможно.

Как же восполнить этот пробел в биографии Жанны? Как восстановить еще одну страницу ее жизни?

Опыт подсказывал: надо обратиться через газету к живой человеческой памяти. Срочно отправляю открытое письмо с портретом Жанны в газету «Трибуна люду»:

«Уважаемый товарищ редактор!

Эта женщина, чей портрет к Вам посылаю, отдала свою жизнь за светлые идеалы человечества, за свободу и счастье наших народов — Мари-Жанна Лябурб, уроженка французского города Лапалис, погибла в марте девятнадцатого года в Одессе от рук интервентов.

На француженку, поселившуюся в начале двадцатого века в городке Томашов, большое влияние оказали польские революционеры. За участие в революционном движении Жанну Лябург выслали из Российской империи.

Буду рад, если те, кому адресованы эти строки, отзовутся и помогут восстановить польскую страницу жизни героической дочери Франции».

А пока уточнил, на каком торжественном собрании выступала представительница англо-французских коммунистов, какой годовщине Социал-демократии королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) оно было посвящено.

Отчет о собрании мог быть напечатан в газете «Трибуна», выходившей в Москве на польском языке.

В газетном хранилище Государственной библиотеки имени В. И. Ленина комплекта за 1918 год не оказалось. Зато в отделе редких книг той же библиотеки, как выяснилось, хранятся не только книги, но и ставшие редкими газетные подшивки, в том числе и «Трибуна».

В августовских номерах печаталось на видном месте объявление, набранное крупным шрифтом, извещающее о том, что 25 августа 1918 года в Москве состоится торжественное собрание, посвященное 25-й годовщине СДКПиЛ.

А через два номера «Трибуна» поместила подробный отчет. Открыл собрание и сделал доклад Юлиан Мархлевский. Выступали Яков Свердлов, представители зарубежных партий Феликс Дзержинский, а за ним — Жанна Лябург.

Жанна говорила последней. Возможно, по этой причине репортер, дававший отчет в газету, не записал ее речь: торопился в типографию, чтобы не задержать номер, и потому ограничился лишь упоминанием ее фамилии.

О выступлении Лябург на этом вечере сообщала «Правда»: «В конце собрания берет слово представительница англо-французских коммунистов тов. Лябург, которая указывает, что хотя англо-французские империалисты и напали теперь на революционную Россию на Мурмане, но английские и французские рабочие всей душой вместе с революционными российскими рабочими».

Всей душой! В этих словах вся Жанна.

III

Представительница англо-французских коммунистов! Нет ли в ленинских трудах упоминания об этой организации? Открываю тридцать седьмой том. В разделе «Даты жизни и деятельности В. И. Ленина» отмечено, что 19 августа 1918 года Владимир Ильич беседовал с Лябурб. О чем? О создании организации английских и французских коммунистов и о задачах их деятельности на территории Советской России.

В тот же день на бланке Председателя Совнаркома Ленин написал наркому по иностранным делам следующую записку:

«Тов. Чичерин!

Подательница la camarade Jeanne Labourbe, о которой я с Вами говорил.

Примите, пожалуйста, ее и поговорите подробно.

Ваш *Ленин*».

Встреча в Кремле состоялась 19 августа, а через три дня Лябурб был вручен мандат. Ей поручалась организация англо-французской группы в Москве.

Кем был подписан мандат — неизвестно. Возможно, Владимиром Ильичем. Уцелела лишь расписка о том, что мандат получен. Так я впервые увидел собственноручную подпись Лябурб [1].

30 августа в «Правде», в разделе «Партийная жизнь», появилось обращение инициативной группы: «В то время, когда англо-французские бандиты нападают на пролетарскую революцию,— говорилось в документе,— долг каждого честного социалиста собрать все революционные силы для того, чтобы открыть глаза здесь живущим английским и французским гражданам на ложь и клевету, распространяемую провокаторами и шпионами, а также защитниками капиталистического строя; не меньший долг — известить одураченных солдат Англии и Франции, с какими целями и против кого они в действительности обнажают свой меч на Мурмане».

Инициативная группа приглашала «всех товарищей, говорящих на французском и английском языках и со-

---

[1] В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится ее расписка от 22 августа 1918 г.: «Я получила мандат, уполномочивающий меня организовать англо-французскую группу. Жанна Лябурб».

чувствующих нашим идеалам... явиться на собрание в субботу, 30 августа, в 7 часов вечера, на Воздвиженку, 20, квартира 21 (вход с Н. Кисловского пер.)».

Объявлена и повестка дня: доклад по текущему моменту. Названы фамилии выступающих: на английском языке будут говорить тт. Прейс, Морган, Филлипс. На французском — тт. Лябурб, Жанн.

При первом чтении показалось, что это обычная типографская опечатка: выпала последняя буква и вместо Жанны появился Жанн, отделенный от Лябурб запятой. Так могло произойти в спешке в типографии. Но вот книга учета членов РКП(б) Краснопресненского района города Москвы. Там Лябурб Жан.

Не внесет ли ясность отчет о собрании, опубликованный в той же «Правде» через несколько дней?

После англичанина, сообщалось в информации, выступил товарищ на французском языке (его имя и фамилия в газете не названы).

«В настоящее время,— сказал он,— на Мурмане высадились англо-французы. Разумеется, французские и английские солдаты не знают, что происходит в России. Если бы они узнали, то революционное движение во Франции пошло бы несравненно более быстрыми шагами. Мы должны повести агитацию, чтобы довести до сознания западноевропейского рабочего класса, что такое большевики. Если бы рабочие Запада знали это достаточно ясно, то они никогда не позволили бы душить русскую революцию».

Выходит, выступала не она, а он. А как, признаться, мне хотелось, чтобы это была она, Жанна, избранная на этом собрании секретарем англо-французской коммунистической группы!

Укрепил мою позицию протокол собрания от 30 августа 1918 года. В нем было четко сказано, что в тот день выступала Лябурб. Не Жанн, а Жанна!

Вскоре объединенная группа разделилась на две самостоятельные: английскую и французскую, во главе которой встала Жанна. Ее деятельность получила высокую оценку в годичном отчете французской группы, составленном после гибели Лябурб.

О своей работе она рассказывала в письмах. Их выявлено только два, написаны на французском, даты отправки нет. Однако содержание подсказывает, что написаны они были вскоре после избрания Жанны

Лябурб на пост секретаря коммунистической группы.

Первое письмо адресовано товарищу Ленину: «После целого ряда бесплодных ходатайств мы решили просить Вас проявить к нам интерес.

Я могу представить Вам сейчас же некоторые свидетельства относительно литературных сил, которые мы можем поставить на службу делу, которому мы горячо желаем служить.

Я уже представила Комиссариату иностранных дел оттиск воззвания к солдатам в Мурмане.

Среди нас есть пропагандисты. Повсюду, где я появлялась, меня уверяли в том, что мы можем быть полезны, но это все, чего я при этом добилась.

Я могу еще работать без вознаграждения три недели, и именно это вынуждает меня обратиться непосредственно к Вам, чтобы избежать напрасной потери времени, которой от меня потребовали бы формальности.

Будьте любезны сообщить, желательно ли, чтобы я продолжала обращаться с ходатайствами, или надо просто-напросто отказаться от наших попыток принести пользу.

Мы не можем довольствоваться той пропагандой, которую проводим среди посетителей клуба. К тому, все мы весьма убежденные люди» [1].

Нетрудно понять, почему Жанна не удовлетворена той пропагандой, что велась в стенах клуба. Сюда по вечерам, как правило, собирались ее единомышленники. Народ сознательный. Что их агитировать? Да и клубное поле — ограниченное, узкое. Такому пламенному трибуну, как она, негде было по-настоящему развернуться. Положительная заметка в «Известиях ВЦИК» о деятельности французской коммунистической группы в Москве еще более укрепила ее позицию: «Сфера влияния французских коммунистов в самой Москве невелика,— говорилось в газете,— и потому деятельность группы сводится, главным образом, к литературно-агитационной работе в целях пропаганды идей революционного интернационализма во Франции, посильного воздействия на брошенных французским правительством солдат против революционной России».

---

[1] После повторного просмотра писем Ж. Лябурб уточненный текст перевода сделан старшим научным сотрудником ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС тов. Г. Ковганкиным.

Кипучая, неуемная натура Жанны требовала большего, чем «посильное воздействие» на французских солдат и матросов. А большее — это не только литературно-агитационная работа в Москве. Это поездки на север, где находились войска интервентов. Это опасно, но опасности она не боялась, шла ей навстречу.

Тон второго письма поначалу деловой. «Наше воззвание появится сегодня. Завтра у нас будет собрание. В понедельник мы начинаем преподавание французского, немецкого и английского языков».

А потом — полная неожиданность. Лябурб заявляет: «Если Вы лишите меня своего доверия, мне больше нечего будет делать. Даю честное слово, что я неповинна ни в какой оплошности».

Слово Жанны, по свидетельству ее товарищей, всегда было веским, правдивым. Если она утверждает, что никакой оплошности не допускала, то это так и было.

И лишать ее доверия Центральный Комитет партии не собирался: она — признанный руководитель коммунистической группы, на Жанниных плечах держался клуб на Воздвиженке, ей и Инессе Арманд партия поручала создать газету на французском языке.

О каком же доверии толкует Жанна? Ключ к этой загадке, как мне сдается, в сноске к письму: «Пять пропагандистов из нашей группы уехали в Мурман». Все — мужчины. А Лябурб не пустили, хотя она рвалась туда, и, ой, как рвалась.

Желание немедля отправиться за Полярный круг возникло сразу после того, как Жанна побывала на митинге в Бутырском районе. Там из уст Ленина она услышала о том, что путем обмана и лжи англо-французские интервенты захватили Мурманск с его незамерзающим портом, Кемь и продолжают занимать один за другим населенные пункты по линии Мурманской железной дороги.

Вместе с французскими и английскими коммунистами она публично осудила организаторов интервенции, заявив со страниц «Правды» о своем прямом долге «известить одураченных солдат Англии и Франции, с какими целями и против кого они в действительности обнажают свой меч на Мурмане».

Известить! Какими средствами? Уже написаны и отпечатаны листовки-воззвания, уже подготовлен первый номер коммунистического еженедельника на француз-

ском языке. Все это полезная, нужная работа, но она не может заменить живого общения с солдатами и матросами интервентов.

Жанна была уверена, что ее место — не в Москве, а в Мурманске. Там она сумеет просто, доходчиво объяснить своим соотечественникам, кто их настоящий враг, убедить, что искать его надо не в Заполярье, а у себя в Париже.

Кого-кого, а ее, свою землячку, обманутые французские солдаты и матросы послушают.

Только бы поскорее вырваться на Мурман!

Перечитал, и не один раз, письма Жанны. Первое начинается с прямого обращения к товарищу Ленину, второе — без адреса. И не полное, а только выдержка из документа. Кому направила его Жанна? Неизвестно. Несомненно, что письмо было прочитано, и на нем даже сделаны две карандашные пометки: сверху — Воздвиженка, кв. 20, клуб «III Интернационал», сбоку — как пройти в этот клуб: «Ход с Нижней Кисловки».

Кто же взял на заметку адрес клуба «III Интернационал» и подчеркнул его пунктиром? Партийные архивисты — знатоки ленинского почерка — установили, что обе пометки сделаны рукой Владимира Ильича. Возможно, он собирался посетить клуб на Воздвиженке, встретиться с французскими коммунистами, поговорить с Жанной?

Если взять на вооружение версию, что письмо было отправлено во второй половине 1918 года, то Ленин не мог посетить клуб из-за ранения, а потом из-за большой занятости и, вероятно, перенес встречу с интернационалистами на более поздний срок.

Воздвиженка, 20! Адрес, написанный рукой Ильича, указан и в объявлении, напечатанном в «Правде».

Воздвиженки давно уже нет. Улица теперь называется по-другому — проспект Калинина. Иду по людному проспекту не спеша. А вот и двадцатый номер. Захожу в дом с Калашного переулка, и сразу же начинают одолевать меня сомнения: в «Правде» сказано, вход в клуб с Н. Кисловского.

Я к управдому. По его сведениям, в Москве в восемнадцатом году было четыре Кисловских: Малый, Нижний, Средний, Большой. Малый переименован в переулок Собинова, Большой — в Семашко, Нижний и Средний сохранились. Кисловскими они именовались по-

тому, что здесь проживали искусные мастера разносолов для царского двора.

— А вам какой Кисловский?

— Нижний...

— Он у нас два названия имеет. Если вы шли от центра по левой стороне, то зовется Калашным, если по правой — Нижне-Кисловским.

Но с какой бы стороны я ни входил в дом 20, сохранивший свою прежнюю нумерацию, жильцы его утверждали, что никакого клуба здесь не было. Указывали на другие, более подходящие: Дом дружбы с народами зарубежных стран, на бывший доходный дом, принадлежавший некогда фон Брискорн, на массивное здание Военторга, где в восемнадцатом году жил и работал председатель Федерации иностранных коммунистов Бела Кун.

Я бы запутался окончательно, если бы на помощь не пришел директор Музея истории и реконструкции Москвы Лев Андреевич Ястржембский. Техник по образованию, он в молодости изменил точным наукам. С тех пор главной его заботой стали революционные памятники. Однажды на Ваганьковском кладбище Лев Андреевич обнаружил всеми забытую могилу героя гражданской войны матроса Железнякова. Чтобы поставить надгробие, требовались средства. Банковские работники колебались:

— Это точно? Вы не ошибаетесь? Всем известно, что прославленный матрос погиб на Украине. И в песне поется: «В степи под Херсоном...» Сказано определенно «лежит под курганом, заросшим бурьяном, матрос партизан Железняк». При чем здесь Ваганьковское кладбище?

— Песня песней, а факты фактами,— не сдавался молодой краевед. И он их предъявил: веские, убедительные. Могила была приведена в порядок, надгробье установлено.

— Воздвиженка, 20? — повторил Лев Андреевич, когда я заглянул к нему.— Это, пожалуй, то самое, длиннющее, здание, что стоит спиной к Центральному Дому журналистов.

— Я там был, но...

И что же?

— Типичный жилой дом, с небольшими комнатами. Где там мог разместиться клуб?

— Посмотрим, кому этот дом принадлежал до революции? — Ястржембский раскрыл книгу-путеводитель по Москве и сразу установил, что владельцем его был директор императорских театров Ф. Кокошкин. В советское время в доме жили пролеткультовцы. Самую большую квартиру занимал известный артист Михаил Чехов, племянник Антона Павловича.

— Надо посмотреть все на месте,— предложил Лев Андреевич.

И мы отправились на бывшую Воздвиженку. В «Правде» сообщалось, что собрание англо-французской группы состоится в двадцать первой квартире. Входим в нее. Тесная, узкая комната, которую мы втроем с радушной хозяйкой сразу заполнили. Ничего похожего на клуб. Осматриваем стены, потолок. Наметанный глаз Льва Андреевича определяет: квартира лишь часть большого зала. При посещении соседней квартиры убеждаемся в этом. Все, кто занимают бывшую двадцать первую квартиру, поселились после восемнадцатого года. Нас интересуют те, кто жил здесь до.

Многие получили новые, просторные квартиры, расселились по всей Москве. Кое-кто помнит, что в двадцать первой собирались французы и запевалой у них была красивая динамическая женщина.

Итак, бесспорно: клуб «III Интернационал» помещался на проспекте Калинина, 20. Вот откуда разносился боевой призыв Жанны «довести до сознания западноевропейского рабочего класса, что такое большевики». Она не сомневалась, что если рабочие Запада узнают правду о них, то никогда не позволят душить русскую революцию.

IV

Из кого же состояла французская коммунистическая группа? Кто собирался в клубе «III Интернационал»?

В руках список, помеченный восемнадцатым годом. Против каждой фамилии — профессия: учительница, наборщик, инженер, капитан, солдат. В группу также входили и русские коммунисты, родившиеся во Франции или долгие годы жившие там в эмиграции.

Список открывается Инессой Арманд, видной деятельницей международного рабочего движения. Инесса была старше Жанны на три года. Обе родились весной.

Обе приехали в Россию из Франции. Одна из тихого провинциального городка, другая из шумного Парижа. Жанна родилась в семье батрака, Инесса — в семье оперного певца Теодора Стефана, известного под именем Пеше Эрбанвиль, и учительницы пения Натали Вильд.

После внезапной смерти мужа Натали осталась с тремя детьми; младшую, Инессу, взяла к себе ее тетя и увезла в Москву, где давала уроки французского языка в семье Арманд — богатого промышленника, владельца текстильных фабрик в Подмосковье. Когда Инесса подросла, стала миловидной девушкой, старший сын хозяина, Александр Арманд, сделал ей предложение. Они поженились. Но вскоре молодая женщина не только отказалась от роскоши, но и порвала с буржуазным обществом, связав свою судьбу с пролетариатом, с большевиками.

Началась тяжелая, полная опасностей жизнь профессиональной революционерки.

Позже Надежда Константиновна Крупская с большой теплотой вспоминала об Инессе: «Она была очень горячей большевичкой, и очень быстро около нее стала группироваться наша парижская публика».

Так было в Париже. Так было и в Москве.

Вновь и вновь просматриваю список членов французской коммунистической секции, группировавшихся около горячих большевичек, какими были Инесса и Жанна. Задерживаюсь на фамилиях Пети. Их две, а домашний адрес один. Профессии разные: Мари-Луиз — учительница, Робер — солдат, служащий французской военной миссии в Москве. Кем же они приходятся друг другу? Братом или сестрой? Мужем или женой?

Как-то в «Ведомостях Президиума Верховного Совета СССР», в которых публикуются указы, среди граждан других стран, награжденных советскими орденами, я увидел фамилию Пети. Неужели та самая Мари-Луиз?

В наградном отделе узнаю адрес: Мезон-Альфор, под Парижем. Направляю туда письмо. Прошу Пети, кавалера советского ордена Красной Звезды, подтвердить, что она «та самая», и сообщить все, что ей известно о Жанне Лябурб.

Из Парижа письмо вернулось... нераспечатанным. Должно быть, я по рассеянности написал на конверте

неточный адрес. Такое со мной уже бывало. И письмо, естественно, не попало в нужные руки.

Товарищи из иностранного отдела «Правды» посоветовали обратиться к их парижскому корреспонденту Волеславу Седых, попросить его разыскать Пети и передать ей письмо. Я так и поступил.

Прошел год, начался новый. А ответа все нет и нет. Мне не представлялось, чтобы Волеслав Николаевич при всей своей занятости не откликнулся на мою просьбу. Значит, что-то случилось с Пети?

А что, если повторить запрос? Только собрался это сделать, как пришел долгожданный ответ.

С Жанной Мари-Луиз познакомилась в Москве, еще до Февральской революции. Познакомились случайно, в библиотеке при книжном магазине, который держал Тастевен на Кузнецком мосту, торговавший литературой на французском языке.

Нелегко жилось Мари-Луиз. Вконец уставшая от повседневных волнений и тревог, вызванных войной, она думала о том, как поскорее вернуться на родину. Из-за транспортных и других неурядиц уехать из России было непросто. Знакомые советовали переждать бурю, не вмешиваться в русские дела.

Неожиданная встреча с землячкой, для которой жизнь без борьбы не жизнь, для которой человек тогда человек, если он борец, нарушила, изменила все планы.

Из бесед с Жанной Мари-Луиз поняла, что дело, за которое борется Лябурб, вовсе не чужое, а общее, рабочее, пролетарское. Что русские стремятся сделать то, что не смогла, не успела осуществить Парижская коммуна.

И Пети решила не отсиживаться, не выжидать в московской комнатушке, когда утихнет буря, а идти за Жанной наперекор всем ветрам.

«Я никогда не забуду то время,— вспоминала она,— мы были молоды, у нас было необыкновенное ощущение свободы, сознание того, что в жизни произошло нечто великое, перевернувшее весь мир. Мы не ходили по земле, а летали».

Мы — это и Робер Пети, ставший в Москве мужем Мари-Луиз. Еще до письма из Мезон-Альфора мне было известно, что французский солдат Пети отстучал по телеграфу обращение «Всем, всем, всем!», призывающее пролетариев Франции и других стран оказывать всяче-

скую поддержку молодой Советской республике. Он был заочно осужден французским трибуналом.

Только через несколько лет он был оправдан.

V

В работу коммунистической группы Жанна вносила живую струю. Это ей принадлежала мысль об издании в России первой коммунистической газеты на французском языке.

Москва тогда испытывала бумажный голод. Газеты печатались малыми тиражами, да к тому же нередко на оберточной бумаге. Казалось, в этих условиях добиваться издания французской газеты — дело почти нереальное. Многие считали, что из этой затеи ничего не выйдет.

— Как не выйдет?! — горячилась Лябурб.— Выходят же в России газеты на венгерском, чешском, сербско-хорватском. Будет и большевистская французская! Будет! Мы с Инессой Арманд добьемся!

И добилась. В сборнике «Интернационалисты в боях за власть Советов» Жанна Лябурб отнесена к организаторам и руководителям интернационалистической печати, поставлена в один ряд с Бела Куном, Ярославом Гашеком, Юлианом Лещиньским, Тибором Самуэли.

В сборнике названа газета «Социалистическая революция» — орган французской группы РКП(б), перечислены фамилии членов редакции, и среди них Жанна. Приведены и другие данные: место и время издания — Москва, не ранее мая 1918 года; периодичность — раз в неделю; тираж — десять тысяч экземпляров. Почти все сведения о еженедельнике есть, за исключением одного: где хранятся номера «Социалистической революции»?

Ищу их в архивах Москвы, запрашиваю библиотеки Ленинграда, Одессы, Киева. Ответ стандартный: «Номерами газеты «Социалистическая революция» библиотека не располагает».

Обращаю внимание на одно несоответствие: в сборнике сказано, что газета выходила «не ранее мая», являлась органом французской коммунистической группы. Но весной такой группы в Москве не существовало, она была создана лишь в сентябре. Возможно, «Социалистическая революция» была органом не этой, а другой коммунистической группы? В ту пору с подобными назва-

ниями в Москве выходило несколько газет: «Социальная революция» — на венгерском языке, «Мировая революция» — на немецком, «Всемирная революция» — на сербскохорватском и болгарском.

Ясность внесла Инесса Арманд, точнее, ее записка в ЦК РКП(б), объяснившая, что издание газеты «Социалистическая революция» было задержано «по причинам технического характера. Материал для очередного номера и вся подготовительная работа сделаны. Газета переименована в «III Интернационал»».

Заглянул в автобиографию Арманд. Новое подтверждение того, что газета называлась «III Интернационал» и что Инесса помогала в создании ее.

Кому помогала, догадаться нетрудно, если заглянуть в годовой отчет французской группы, составленный уже после гибели Жанны. В разделе, где говорится о еженедельнике, работа Лябурб оценивается так: «Именно благодаря ее энергии, настойчивости и активности удалось привлечь работников, найти бумагу, типографию, установить связь с Наркоматом иностранных дел. Она лично, с присущей ей энергией, выполняла всепоглощающую кропотливую работу». И проводилась, как сказано в этом документе, с одной целью — «добраться до французского пролетариата повсюду, где бы ни находились его представители — в Москве, в армиях интервентов и, наконец, во Франции».

Одна-единственная подшивка еженедельника «III Интернационал» уцелела в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Это подтвердил Ленинград. Радоваться бы такому сообщению, если бы в ответном письме не было несколько огорчительных для меня строк: «С приездом в Ленинград повремените: здание, в котором расположен газетный зал, в аварийном состоянии. Для читателей оно закрыто. Ждите окончания капитального ремонта».

Ждать невмоготу. Не терпелось поскорее увидеть плоды «всепоглощающей работы» Жанны, ознакомиться с ее статьями, заметками.

Ранним утром, прямо со «стрелы», направляюсь в «Салтыковку», в газетное хранилище.

Как самую большую драгоценность держу в руках пятнадцать номеров «III Интернационала». Первый, четырехполосный вышел 20 октября 1918 года. Открывается он обращением редакции к трудящимся Фран-

ции: «Алчные капиталисты Антанты стремятся послать своих солдат к самому сердцу России, чтобы уничтожить русскую революцию. Надо, чтобы крестьяне и рабочие отказались быть убийцами своих братьев — крестьян и рабочих России».

Газета не только призывала, но и рассказывала. Рассказывала, как правда, пробиваясь сквозь завесу лжи, постепенно доходит до французских и английских солдат и матросов, какие она вызывает отклики в их сердцах. В Архангельске девяносто английских солдат отказались быть убийцами своих русских братьев и тут же попали за решетку. Помещая письмо восставших, газета призывала всех французских солдат и матросов последовать их примеру. Вскоре подразделение французской пехоты снялось с позиций, дружно скандируя: «Домой, домой, домой!..»

Газета публиковала материалы не только своих авторов, но и перепечатывала отдельные статьи из французских буржуазных газет. Как правило, они замалчивали подлинные намерения Антанты, но иногда говорили правду. Так случилось с парижской «Эко де Пари» — «Парижское эхо», раскрывшей зловещие планы империалистов.

На эту перепечатку обратил внимание Ленин.

«...Нет-нет,— говорил Владимир Ильич, выступая на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов,— и прорываются откровенные признаки того, что эти господа империалисты не могут чувствовать себя прочно. «Эко де Пари» делает признание: «Мы идем в Россию, чтобы сломить власть большевиков».

— ...И разумеется,— продолжал Ленин,— сотни тысяч французских рабочих эту маленькую цитату знают, и не одну эту, и видят, что все заявления их правителей, их буржуазии сплошная ложь».

Ленин отметил большое значение подобных публикаций, разоблачающих истинные цели империалистов, и тут же сообщил, что выдержку из «Эко де Пари» он взял из газеты «III Интернационал», которую выпускают в Москве «наши французские интернационалисты».

Как было приятно Лябурб и ее друзьям, присутствовавшим на съезде Советов, услышать, что сам Ленин одобрил их деятельность, назвав «нашими французскими интернационалистами».

Еженедельник информировал читателей о событиях, происходивших в Советской России. Задерживаюсь на статье «Годовщина Октября» с подзаголовком «Москва, 8 ноября». Обращаю внимание на подпись «Ж. Л.»:

«После того, как гигантские колонны прошли почти по всему городу, они вступили на Красную площадь, где под стенами многовекового Кремля похоронены мужественные люди, которые год тому назад пали в бою с защитниками старого режима, проклятого многими поколениями.

Мы все — французы, немцы, латиноамериканцы, объединенные единым чувством, вдохновленные их примером, готовились к тем дням, когда мы будем вести те же бои.

В тот час, когда со всех сторон нависает опасность и горизонт закрыт грозовыми облаками, создается угроза независимости русского народа. Подобная гигантская манифестация, не имеющая примеров в прошлом, напоминает тем, чьи преступные намерения направлены против народа, что эти тысячи и тысячи людей готовы на любые жертвы и даже на смерть, чтобы отбросить врага.

Манифестация в Москве опровергает подлую клевету врагов, будто Советская республика не есть выражение воли русского народа. Никогда ни одно правительство в мире не пользовалось такой поддержкой народных масс, как та, которую получило Советское правительство. Никогда никакая идея не подымала народ к такому высокому сознанию справедливости и братства. Мы должны славить русский пролетариат, мы должны его поддерживать, ибо его борьба против всех объединившихся угнетателей — это есть и наша борьба».

С подписью «Ж. Л.» в подшивке одна статья. В газете часто встречаются фамилии Садуль, Нюрин, Реми, Арманд. Больше других выступает Инесса Арманд, высказывает интересные мысли, ставит острые вопросы.

В одной из ее статей сообщалось о состоявшейся Всероссийской конференции работниц, в которой участвовало более тысячи делегаток, заявивших, что их первостепенный долг — стать солдатами революции.

Отдавая все силы еженедельнику и клубу, Жанна, однако, была уверена, что солдатом революции она может стать лишь на фронте, где Красная Армия ведет неравные бои с интервентами.

И Жанна рвалась туда, чтобы объяснить, рассказать солдатам Франции и Англии об успехах русских рабочих и крестьян, идущих за большевиками, самоотверженных и бескорыстных борцах за народное счастье. Наконец, Жанна была уверена, что ей, дочери Франции, моряки и солдаты поверят скорее, чем любому другому, пусть даже самому опытному агитатору. Только бы поскорее встретиться, поговорить с глазу на глаз!

Но «поскорее» не получалось. Лябурб отговаривают, не отпускают, задерживают в Москве.

Какие были на то причины? Деловые? Кадровые? А может быть, семейные?

VI

Расспрашиваю старожилов — всех, кто хоть когда-то в какой-то мере знал Жанну,— была ли у нее в России семья, дети?

— Да что вы, что вы? — замахала руками старая большевичка, знавшая Лябурб по Москве.— Жанна поступила так, как и ее соотечественница Луиза Мишель, которую звали «красной девой Монмартра». Луиза внушала всем, что женщине-революционерке в период величайшей борьбы необходимо оставаться одной... Вы смеетесь, думая, что «красная дева» была столь «хороша», что за нее никто не сватался? Сватались, и многие. Одному настырному жениху из господ офицеров Луиза сказала: «Я согласна. При одном только условии: убейте императора!» Жанна таких условий, конечно, не ставила. Она понимала, что женщина, у которой муж, дети, не способна отдать себя всю революции. Во имя общего дела, она, как и я, добровольно отреклась от личного счастья.

Слышал и другое. Один зарубежный историк, якобы изучавший биографию Жанны, утверждал обратное: у нее, мол, была целая куча детей — не то пятеро, не то семеро, мал мала меньше.

Теперь я пишу об этом с улыбкой. Биограф все перепутал: не у Лябурб было пятеро детей, а у Инессы Арманд.

Была ли Жанна замужем? Семейное положение отражается обычно в биографии. Но неизвестно, писала ли Лябурб ее? А если и писала, то где хранится этот документ? В архивах он до сих пор не обнаружен.

Не располагая подобными сведениями, я чуть не причислил Лябурб к тем большевичкам, которые самоотреклись от личной жизни. Пожалуй, и поступил бы так, если бы... не Дундич.

Но при чем тут легендарный красный конник, подумает читатель, и какое отношение имеет он к Жанне? Дундич был женат на донской казачке Марии Самариной, учившей хуторских ребят русскому языку и арифметике.

Не раз бывало, разыскиваешь одно, а нежданно-негаданно находишь совсем другое. Ведь неожиданность — одна из самых привлекательных черт поискового жанра. Нечто подобное произошло и со мной, когда я собирал материалы для книги о Красном Дундиче. О его службе в Первой Конной знают многие, ныне здравствующие конармейцы. Известно, при каких обстоятельствах Олеко погиб, но где родился, рос — никто точно сказать не мог. До недавнего времени краеведы нескольких югославских городов пытались доказать, что именно в их населенном пункте он родился. Более того, находились уже немолодые люди, называвшие бездетного Дундича кто своим отцом, кто дедушкой. И лишь совсем недавно установлено, что Дундич появился на свет не в Титово Ужице, не в окрестностях Ниша, не в городе Сень, а в селе Грабовац, что в Далмации.

Правда, в делах югославянской коммунистической группы, созданной в Москве в восемнадцатом году, Дундича я не нашел. В протоколах и переписке попадались совсем другие фамилии. И вдруг, представьте себе, встречаю среди них... Лябурб!

Ее имя и фамилия упоминаются в письме в Федерацию иностранных коммунистов Вукашина Марковича, бывшего редактора газеты «Всемирная революция», выходившей на нескольких языках. Жил Маркович в московской гостинице «Дрезден», где, как он заявлял, 8 октября восемнадцатого года на него было совершено нападение: «На мой свист и крик о помощи,— говорилось в заявлении,— вошла в кабинет первая из публики моя жена, член французской группы Жанна Лябурб... На нее также направили револьвер...»

Сопоставляя московский адрес Лябурб с местом, где произошло нападение на редактора газеты, обнаруживаю еще одну любопытную деталь. Жанна проживала в том же «Дрездене». Кабинет Марковича — в сто первом

номере, а Жанна жила в следующем, сто втором. Услышав через стенку свист и крик о помощи, она мгновенно отозвалась.

Выходит, что Жанна не отказалась от личной жизни, как предполагали некоторые ее знакомые, вышла замуж.

С того дня, как я прочитал письмо Марковича в Федерацию, он напрочно вошел в поле моего зрения. Биографические сведения о нем до предела скупы.

Родился Вукашин на лазурном берегу Адриатики, в горном селении Стийена, в 1874 году, в семье крестьянина-черногорца. На полонинах Черной горы маленький Вук пас отары чужих овец, а когда подрос, устроился кочегаром на судно, идущее в Россию. Здесь с помощью друзей юноша получил образование. Перед Марковичем была открытая дорога в науку. Но он пренебрег ею.

Находясь во время первой мировой войны на Юго-Западном фронте в качестве врача Красного Креста, Вукашин был арестован и предан суду как большевистский агитатор. Спасла Февральская революция.

Фронтовые друзья считали доктора неисправимым холостяком, в шутку окрестили его «монахом». А тут в его же заявлении без обиняков сказано, что первой откликнулась Жанна Лябурб. Должно быть, к тому времени Маркович распрощался с холостяцкой жизнью.

Правда это или выдумка, могли подтвердить или опровергнуть близкие доктора Марковича, земляки, работавшие с ним в Москве. Одного из них, Радуле Стийенского, я обнаружил, и не где-нибудь за тридевять земель, а совсем рядом, в списках Московской писательской организации.

Отважному командиру партизанского отряда Вуку-Вукашину и его сподвижникам он посвятил поэму «Гора жива»:

И длится бой
До полуночной тьмы,
И зычно кличет
Партизанка Стоя:
— Держитесь, братья!
Помните, что мы
Живем сражаясь,
Умираем стоя!
Пусть, Милан, ты погибнешь,
Но поверь,
Они наступят,
Радостные сроки.

Мы, первоборцы,
Открываем дверь
Свободе,
Возвещенной на Востоке.
Она придет,—
Гляди!
Горит звезда
На красном знамени ее
Крылатом,
На знамени,
Что нынче навсегда
Сроднило нас
С великим русским братом [1].

Такие строки мог написать черногорец, которого революция «навсегда сроднила с великим русским братом» — советским народом.

Захотелось почитать все, что писал о Вуке-Вукашине Радуле Стийенский, который был не только хорошим поэтом, но и публицистом. Его перу принадлежит книга «За советскую Черногорию», изданная в Москве в 30-х годах: «Страна походила на притихший вулкан. Под пеплом сгоревших сел, под пятнами запекшейся на скалах крови жертв гражданской войны 1919 года бурлил и клокотал народный гнев, готовый вот-вот вырваться наружу, потоками раскаленной лавы разлиться по деревням и городкам Черной горы...» — так начиналась глава «Доктор Вукашин».

Весной двадцать первого года возвращавшиеся с базара крестьяне разнесли по горным селениям радостную весть:

— Приехал доктор Вукашин Маркович. Вернулся из Советской России!

Для жителей Черной горы эти слова много значили. Недаром черногорцы с гордостью говорили: «Нас с русскими сто шестьдесят миллионов!», как бы подчеркивая, какую силу представляет их небольшой свободолюбивый народ в единении и дружбе с великим советским народом.

«...Вечером в день приезда Вукашина пожилые представители племени, лично знавшие его раньше, спустились с пиперских скал в Подгорицу,— писал Р. Стийенский.— Марковича они нашли в харчевне, уже окруженного крестьянами. За день он успел побывать в местных больницах, увидел там грязь, злоупотребления,

[1] Перевод Арк. Штейнберга.

небрежное отношение врачей к больным крестьянам. Доктор успел в пух и прах разругать больничных врачей и теперь писал больным крестьянам рецепты, тут же осматривая и опрашивая их. Многие не узнали доктора сразу: теперь это был пятидесятилетний лысый и коренастый старик со стальными мускулами, в которых сохранилась юношеская гибкость и подвижность. Живые, блестящие глаза доктора, окруженные веерами лучистых морщинок, весело оглядывали лица старых друзей».

Из старых друзей Вукашин создал самый крупный на Черной горе партизанский отряд, на знамени которого было написано: «За Советскую Черногорию».

В неравном бою отряд был разгромлен. Несколько лет Вукашин скрывался в горах, продолжал борьбу. По просьбе пяти тысяч черногорских крестьян ему в двадцать четвертом году королевское правительство разрешило поселиться в Подгорице. Там на свободе прожил всего лишь несколько дней: жандармы схватили его и бросили в тюрьму. Оттуда с чужим паспортом Вукашин бежал в соседнюю Австрию.

За голову доктора правительство назначило награду — четыреста тысяч динаров, ему угрожала виселица.

«...На австрийской границе его схватили,— свидетельствовал далее Р. Стийенский.— Был суд. Палачи могли предъявить ему только одно обвинение: пользование фальшивым паспортом. Нелепа была процедура суда. Несмотря на все уловки и ухищрения судей подыскать более серьезное обвинение, все же суд смог приговорить доктора только на сутки тюрьмы за бродяжничество. Он просидел в тюрьме несколько месяцев. Югославское правительство потребовало его выдачи, а австрийские чиновники принялись совещаться, можно это сделать или нет.

В конце концов митинги и демонстрации, протесты во всех странах против беззаконной выдачи доктора в руки палачей сделали свое дело: его освободили. И он — в красной столице, в Москве...

Старый доктор Вукашин, живущий теперь в Москве, еще полон сил и энергии. В нем горит революционный пыл... Он готов опять пойти на такую же борьбу, если это понадобится, если этого потребует партия».

Живет теперь в Москве! Издательство «Молодая

гвардия» выпустило книгу, когда Марковичу было шестьдесят с лишним лет. Его судьбой я заинтересовался спустя четверть века. Доктору могло перевалить уже за девяносто. А что, если он из долгожителей? Черногорцы — народ крепкий!..

Гостиница «Дрезден», где жили Вукашин и Жанна, давно не существует. В одной части этого основательно перестроенного дома, расположенного на улице Горького, находятся ресторан, кафе, магазин. Верхние этажи отданы жильцам. Никто из них о докторе Марковиче даже и не слышал. Городской адресный стол ответил: «Вукашин Маркович в Москве не проживает».

А о Радуле Стийенском известно доподлинно все: родился в селении Стийена (отсюда и литературный псевдоним), настоящая фамилия поэта та, что и у Марковича. В партизанском отряде сражались родители поэта, его братья, сестры и сам Радуле.

Эти сведения я получил от вдовы Стийенского Веры Сергеевны, бывшей учительницы истории.

Спрашиваю: кем приходился Радуле Вукашину?

— Очень близким родственником, родным дядей. Радуле часто вспоминал об этом замечательном человеке и не менее легендарной его жене.

— Как ее звали?

— Разве вы не знаете? Жанной, Жанной Лябурб! Радуле говорил, что в ней сочетались женская нежность и мужская отвага. Для дяди Вукашина это была первая, хотя и поздняя любовь. Он был ей верен до последнего часа.

Как хотелось мне в эти минуты, чтобы Вера Сергеевна напрягла свою память, вспомнила все, что слышала в семье о Жанне.

— О, если вы пришли бы к нам на Кутузовский хотя бы годом раньше,— сказала она,— когда говорили по телефону с мужем о Дундиче. Спросили бы и о Жанне. Теперь уже поздно. Все, что Радуле знал, ушло вместе с ним.

Каюсь опять: расспрашивая Стийенского о знаменитом красном коннике, я и не предполагал, что на другом конце провода — близкий родственник Вукашина и, следовательно, Жанны Лябурб.

И хотя житейская мудрость гласит: утраченная возможность никогда не возвращается, я надеялся, что рано или поздно она ко мне вернется.

Уходя от Веры Сергеевны, я спросил, не остался ли кто-нибудь из Марковичей в Черногории?

— Как же! Племянник Вукашина — доктор Мирко Маркович. Только живет теперь он не в горном селении, а в Белграде. Когда Вукашин руководил народным восстанием в Черногории, тринадцатилетний Мирко был его связным.

Вера Сергеевна назвала белградский адрес доктора Мирко Марковича.

...Ответ из Белграда пришел незамедлительно. Первые строчки письма, написанного по-русски неровными, пляшущими буквами, огорчили: «Вы спрашиваете, знал ли я Жанну Лябурб! — писал Мирко Маркович.— К моему глубокому сожалению, мне не пришлось ни видеть, ни слышать ее. Никакими материалами о ней не располагаю...»

Неужели опять неудача? Чуть было с досады не отложил письмо в сторону. Но, сделав бы так, поступил опрометчиво. Успокоившись, решил дочитать до конца: «Мой дядя в отношении личной жизни, своих чувств и переживаний был сдержанным, я бы сказал, был замкнутым человеком. О революции, о ее благородных задачах, о братской Советской стране он мог говорить часами.

Когда в двадцать первом мы партизанили высоко в горах, меня все время подмывало спросить дядю, была ли у меня стрина, или, по-русски, тетя? В Черногории исстари ведется, что дядя и тетя занимают главные места в семейной иерархии. Их культ даже выше культа родителей. Отцу и матери иногда даже можно сказать «нет»; дяде и тете — никогда!

Однажды я все-таки набрался смелости и спросил дядю, была ли у меня стрина?

— Да, была... Хорошая стрина. Ничем, как говорится, бог ее не обделил: ни душой, ни умом, ни красотой. Родом она из Франции, звали Жанной. Два года, как ее не стало: белые расстреляли в Одессе. Там она и похоронена.

Голос дяди дрогнул, и он умолк.

Я прильнул к нему, пристально посмотрел в глаза. В них было столько печали и горя, что я постарался перевести разговор на другую тему. Больше о стрине Жанне его не спрашивал. Сам же дядя Вукашин о ней тоже не начинал разговора: носил свое горе в себе».

Мирко слышал о стрине Жанне от старого югославского коммуниста Николы Ковачевича. Он рассказывал, что Вукашин и Жанна жили душа в душу: и радости, и горести — все пополам.

Под письмом Мирко Марковича — постскриптум: «Извините за неразборчивый почерк. Это — результат ранения под Мадридом в тридцать седьмом году».

Мирко Маркович, как и его дядя Вукашин, был бойцом интернациональной бригады, сражался за свободу не только своего, но и других народов.

VII

Я собирался написать в Белград Ковачевичу, но необходимость в этом неожиданно отпала. Он сам пожаловал в Москву: приехал к дочери и внучке, живущим на улице Строителей. Там и встретились.

После февраля семнадцатого года Ковачевич порвал с так называемым югославским добровольческим корпусом, сформированным в Одессе еще при царском строе, вступил в Красную гвардию. Организовав из сербов, хорватов, черногорцев и боснийцев несколько красных отрядов, вместе с ними ушел на защиту молодой Советской республики.

С фронта его вскоре отозвали в Москву для работы в югославянской коммунистической группе. Ею тогда руководил Вукашин Маркович. Многим молодым революционерам их председатель казался стариком.

Группа работала активно, но не всегда дружно. Иногда ее раздирали внутренние противоречия. Когда страсти особенно разгорались, случалось, кое-кто хватался за пистолет, пытаясь с помощью оружия разрешить спорные вопросы.

Написав, что «на свист и крик о помощи» из 102 номера гостиницы «Дрезден» прибежала Лябурб, Маркович, по мнению Николы Ковачевича, ничего не приукрасил. Жанна действительно встала посреди спорящих и повелительно предложила всем спрятать пистолеты. И представьте, мужчины послушно выполнили это требование.

Нечто подобное, только без угрозы применить оружие, произошло значительно раньше. Не в Москве, а в Париже, на собрании русских политэмигрантов.

«Некоторые собрания были очень бурны,— свидетельствовал старый большевик-ленинец Николай Семашко.— Особенно мне припоминается собрание с отзовистами, во главе с Алексинским. Я председательствовал тогда. Собрание закончилось рукопашной, причем на пол летели зонтики, котелки, палки. Некоторые отзовисты бросились на Владимира Ильича, но я стал перед ним и, как председатель, спокойно и твердо призвал к порядку. Помню, после заседания Владимир Ильич сказал мне: «Ну и дьявольская у Вас выдержка». На что я ответил ему: «Ведь я врач-хирург»».

Свою выдержку Жанна могла объяснить: «Ведь я — учительница».

Охладив спорщиков, она предложила всем следовать не в Федерацию иностранных коммунистов[1], а на Лубянку, к Дзержинскому. Непонятно, почему к нему? Феликс Эдмундович тогда руководил борьбой с контрреволюцией. А то, что произошло в 101 номере «Дрездена», было похоже совсем на другое. Спорили, горячились, угрожали друг другу не враги, а товарищи по партии.

Ковачевич объяснил, что Феликс Эдмундович знал Жанну по Польше, по работе в большевистском подполье. И она знала Железного Феликса; он действительно был железным по отношению к недругам Советской власти, но чутким, а подчас даже мягким по отношению к тем, кто заблуждался.

Спокойно выслушав обе стороны, Дзержинский сразу определил, кто прав, кто виноват. На прощание он дружески заметил, что иметь холодную голову так же необходимо, как и горячее сердце.

У Марковича от Ковачевича не было никаких секретов. Полное доверие. Никола знал, что Жанна сильно тяготится пребыванием в Москве, стремится уехать в Мурманск.

Но ее задерживали, не отпускали...

— Не Вукашин ли?

---

[1] В Федерацию иностранных коммунистических групп входили чехословацкая, английская, французская, румынская, немецкая, венгерская, югославянская, польская и болгарская.

Выступая на VIII съезде партии, В. И. Ленин отмечал: «И если... господствуют группы или партии с нами солидарные, то это благодаря той... работе иностранных групп в России, которая составляла одну из самых важных страниц в деятельности Российской коммунистической партии...»

— Нет! Жанна никогда бы не полюбила человека, который расходился бы с ней во взглядах, не был настоящим товарищем по борьбе. Правда, Марковичу не хотелось расставаться с любимой: он опасался за ее жизнь. Однако, как революционер, разделял стремление Жанны находиться там, где больше всего можно принести пользы общему делу.

Лябурб продолжала настаивать на своем: «Если в Мурман не отпустили, пусть пошлют в Одессу. Я хочу вести открытый разговор с французскими солдатами и матросами, хочу видеть их лица, глаза! Я не имею права отсиживаться в тылу, когда на фронте льется кровь».

Не руководители ли Федерации иностранных коммунистов задерживали Жанну в Москве?

Ковачевич отрицательно покачал головой. Он точно знает, что всем желавшим ехать на фронт Федерация сразу же давала «добро». Скорее всего, не отпускал Жанну Наркоминдел Георгий Чичерин. Он, по-видимому, считал, что непосредственное общение Жанны с цивилизованными разбойниками, обнажившими «свой меч на Мурмане»,— дело архиопасное, неженское.

Слушая Ковачевича, я не переставал строить догадки: какие веские доводы могла привести Лябурб? Всегда ратовавшая за равноправие, она рвалась доказать, что и работа в глубоком подполье ей по плечу.

Доводов немало. Разве парижанки не стояли насмерть на баррикадах Коммуны рядом со своими отцами, мужьями, братьями? Разве не дрались они наравных с мужчинами против версальцев? А как похвально отзывался Ленин о женщинах и детях Коммуны: «Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны наряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии. Пролетарские женщины не будут смотреть пассивно, как хорошо вооруженная буржуазия будет расстреливать плохо вооруженных или невооруженных рабочих. Они возьмутся за оружие, как и в 1871 году...»

«Грядущие битвы» не были для Жанны грядущими. Они наступили. Наступили на Украине, на земле Причерноморья, которую народ очищал от интервентов.

Могла Жанна сослаться и на русскую Лизу — Елизавету Дмитриеву, возглавившую в критические для парижских коммунаров дни отдельный женский батальон. Ее тоже русские друзья отговаривали, советуя не уез-

жать из Женевы в содрогающийся от орудийных залпов Париж, не подвергать себя опасности.

— Нас мало,— говорили они,— ты, Лиза, нужна будешь просыпающейся России для предстоящих схваток с капиталом.

Дмитриева поступила так, как подсказала ей революционная совесть. Она пробралась в осажденный Париж, организовала там из фабричных работниц целое подразделение. Женщины подбирали раненых на поле боя, ухаживали за ними, приходилось — дрались на баррикадах. Генерал Ярослав Домбровский, командующий всеми вооруженными силами Коммуны, высоко ценил мужественных парижанок и их русскую командиршу Елизавету Дмитриеву. Ценил за храбрость. Он настолько доверял коммунаркам, что на их суд передавал струсивших в бою.

Приговоры были до предела краткими и необычными: с паникеров снимали мундиры и облачали их в женское платье. Потом их ставили рядом с женщинами, и те наглядно показывали, как надо защищать Коммуну [1].

Жанна могла бы привести и другие примеры, взятые из быстротекущей жизни, рассказать об известных ей женщинах, занимавших ответственные посты в Красной Армии.

— Все доводы — а Лябурб привела их немало — не возымели действия на наркома Чичерина. С поездкой на Крайний Север ничего у нее не вышло,— заключил Ковачевич.

Последний раз он видел ее на праздновании первой годовщины Великого Октября. Вместе шли по бывшей Тверской через Красную площадь: он с Вукашиным — с югославянской коммунистической группой, Жанна — с французской и немецкой.

---

[1] Сохранилось письмо Лизы Дмитриевой (Томановской) к ее лондонскому другу Карлу Марксу: «...я приготовилась к тому, чтобы умереть в один из ближайших дней на баррикадах. Ожидается общее наступление... мы поднимаем всех женщин Парижа. Мы учредили во всех районах, в самих помещениях мэрий, женские комитеты и, кроме того, Центральный комитет... Наши собрания посещает от трех до четырех тысяч женщин... Я всегда вспоминаю о всех вас в свободное время, которого у меня, впрочем, очень мало... Что поделывает Женни?

Если бы положение Парижа не было таким критическим, я очень хотела бы, чтобы Женни была здесь — здесь так много дела».

— Должно быть, с английской,— осторожно поправил я, памятуя о том, что Лябурб короткое время возглавляла англо-французскую группу.

— Нет, с немцами,— утвердительно произнес Ковачевич.

Еще не так давно немцы, австрийцы, турки воевали с русскими, французами, англичанами, убивали друг друга. Теперь все вместе вышли на Красную площадь, под красным знаменем. На одной его стороне были начертаны французские слова, на другой — немецкие. И хотя звучали они по-разному, смысл был един: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Ковачевич говорил, что Лябурб, как секретарь французской группы, поддерживала тесную связь с Наркоминделом. Где-где, а в его архиве могли сохраниться документы о ней.

Обратился в историко-дипломатическое управление Министерства иностранных дел СССР. Через несколько недель получаю записку от заместителя начальника этого управления А. Маслакова. Его ответ не порадовал: «Проведенной проверкой установлено, что в архивных материалах МИД СССР документов о Жанне Лябурб, к сожалению, не обнаружено».

«К сожалению, не обнаружено». Похожие ответы приходили довольно часто. Действительно, в одесских, киевских, московских архивах о Жанне мало что сохранилось. Да и то, что собрано отдельными историками, лишь крупицы, не дающие полного представления о ее героической жизни и деятельности.

Ссылались также и на печатный труд А. Гуковского. В книге «Французская интервенция на юге России», автор с горечью отмечал: «Крайняя скудость архивных материалов, неодинаковая полнота комплектов газет в различных пунктах интервенции, обычная ненадежность источников типа воспоминаний — все это делает возможным наличие ошибок и в настоящей работе».

Так писал историк в конце 20-х годов, когда многих архивных хранилищ не коснулся всепожирающий огонь второй мировой войны. Тогда еще были живы ветераны большевистской партии, знавшие Лябурб по Москве, Одессе, а может быть, и по Польше.

Время идет, а документов выявлено мало. Живых свидетелей с каждым годом становится все меньше и меньше. Начал колебаться: получится ли?

Досадовал на себя: зря поторопился объявить о своих творческих планах, сообщить, что пишу книгу о Жанне. Повесть Павла Подляшука «Товарищ Инесса» уже выдержала три издания, а начал он позже меня; вышел сборник Веры Морозовой о замечательных большевичках Розалии Землячке, Конкордии Самойловой, Клавдии Кирсановой; уже увидела свет книга Ирины Гуро «Ольховая аллея», посвященная Кларе Цеткин...

Читатели спрашивают в письмах и на конференциях: «Когда появится книга о Жанне?» Товарищи по перу журят: «Ты все копаешься в архивах, мотаешься по городам, а прок-то, сам говоришь, невелик. Материалу только на статью, а не на книгу. Может, займешься другой героиней? Разве мало их было у нас в годы революции?»

Немало. Достойных и мужественных. Но и Жанна Лябурб относится к этой плеяде. Выбрал я ее не по издательскому заказу, а по велению сердца и, выбрав, не хотел расстаться. Мог ли я, пройдя часть пути, сойти с поисковой дороги, не рассказав пытливому читателю все, что узнал и не узнал о ней, не пробудить в нем интереса к ее пусть неполным, но ярким страницам жизни.

Не день, так неделя, а иногда и месяц что-нибудь да приносили, чем-то радовали. Не всегда находки принадлежали мне, но все равно они были открытиями, стирающими белые пятна в биографии героини.

Так было и с двумя неизвестными для меня письмами Жанны Лябурб. Впервые я их прочитал в московском журнале «Исторический архив», с комментарием кандидата исторических наук Л. Жарова. «Ж. Лябурб рвется в подполье. Она не может понять, почему ее задерживают в Москве в то время, как ее товарищи по группе выезжают на Север,— писал Л. Жаров.— Ж. Лябурб пытается найти причину этой задержки, вызванной тем, что ЦК РКП(б) выяснял возможности использования ее в одном из городов на юге Украины для революционной работы среди англо-французских интервенционистских войск».

В другой, более фундаментальной, работе «Правда Октября» историк отмечает: «В это время местные партийные организации Одессы, Николаева и других южных городов Украины, не располагая достаточными кадрами агитаторов-коммунистов для ведения револю-

ционной работы среди англо-французских интервенционистских войск, настойчиво просили ЦК РКП(б) и КП(б) Украины командировать в подполье опытных работников».

Почему же тогда Лябурб не отпускали сначала в Мурманск, а потом в Одессу?

Наркоминдел не задерживал. Федерация — тоже. Вукашин Маркович? С понятной тревогой, не очень охотно, но отпускал.

Какая же сила все-таки мешала Жанне уехать из Москвы?

Исчерпывающий ответ пришел из Парижа от Мари-Луиз Пети. Оказывается, Владимир Ильич не отпускал, задерживал Лябурб в Москве. Зная ее горячий, пылкий характер, он опасался, выдержат ли ее хрупкие женские плечи тяжесть подпольной работы, связанной с постоянным риском для жизни.

Понимала ли она, что ждало ее в Одессе? Да, понимала. И подтверждение тому — оставленная в день отъезда записка товарищам по работе: «Благословите же меня, самое трудное впереди, путь усеян терниями. Возможно, это последнее мое письмо к вам...»

Эти строки, словно оборванная на полуслове песня. В них — твердое желание Жанны идти по пути, на котором не розы, а тернии ждали ее. Идти к цели через трудности и радости борьбы.

«Да, это было последнее письмо,— писал Н. Нюрин.— Сорока лет, готовая к дальнейшей борьбе, до конца преданная нашему делу, она навсегда покинула наши ряды...» [1]

Больше писем от Жанны не было.

---

[1] Эти слова заимствованы мной из статьи Н. Нюрина, близко знавшего Жанну по совместной работе в еженедельнике «III Интернационал», опубликованной в «Правде» 25 марта 1919 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Находка московского историка.— Неделя, месяц, два, три — кому верить? — На Золотой доске. — Одесские французы.— Кто была Миронова из Харькова?

I

В конце восемнадцатого года Ковачевича направили на подпольную работу в Югославию. Жанна оставалась в Москве. Когда уехала в Одессу — ему неизвестно. Слышал только, что с Лябурб туда направились еще три югославских коммуниста и девушка, говорившая по-французски.

— Не Миронова ли?

— Могло быть, и Миронова,— уклончиво ответил Ковачевич.

С одним из трех своих земляков Никола был знаком. По Сербскому добровольческому корпусу, а позже — по службе в Красной Армии. Это Стойко Ратков, из Воеводины.

После гражданской войны Ратков вернулся на родину, к своему любимому делу — хлебопашеству. Многие годы Ковачевич с ним не встречался. А старый адрес сохранил.

Отправив Раткову письмо, я не очень надеялся, дойдет ли оно? Как-никак прошло не одно десятилетие.

А вдруг придет ответ из Воеводины, прибавится еще несколько штрихов к портрету Жанны. Ведь каждый шаг, каждый день, час и даже минута ее жизни представляют немалый интерес и для литератора, и для читателя.

Ратков в один день и час с Жанной прибыл в Одессу. С его помощью легко будет установить, сколько времени Лябурб боролась в одесском подполье. Тем более это необходимо еще и потому, что в литературе называются разные сроки. Они то удлиняются, то укорачиваются.

«В феврале 1919 г. из Москвы в Одессу прибыло долгожданное пополнение,— отмечала историк Л. Зак.—

В числе четырех товарищей, направленных партией в подполье, приехала посланец Французской коммунистической группы Жанна Лябурб».

Через несколько лет в сборнике, посвященном интернационалистам, она повторила: «Жанна Лябурб стремилась в Одессу... В феврале 1919 года французская группа санкционировала ее отъезд на нелегальную работу».

Значит, февраль. Только когда в феврале: в начале, середине или в конце этого самого короткого месяца?

Погибла она в ночь на 2 марта. Сколько же дней Жанна находилась в одесском подполье, если только в феврале французская группа санкционировала ее отъезд на Украину?

Но вот в журнале «Вопросы истории» появляется статья Г. М. Исаевой под интригующим названием «Новое о Жанне Лябурб». Сообщается об обнаруженном в Московском партийном архиве новом документе.

Что он собой представлял? В обычной книге учета членов РКП(б) Краснопресненского райкома партии города Москвы под номером 930 записано: «Лябурб Жан... (секретарь группы коммунистов, «Дрезден», 102)... Против фамилии Лябурб отмечено: членские взносы приняты за октябрь, ноябрь и декабрь 1918 г., за январь, февраль и март 1919 г. по 6 руб. 50 копеек. Хочется обратить внимание на, может быть, незаметную, но важную деталь: уезжая на подпольную работу в Одессу **в середине февраля 1919 г.** (подчеркнуто мною.— *А. Д.*), Жанна уплатила членские взносы и за март».

Находка московского историка радовала. Радовало, что обнаружен никому не известный доселе документ о Лябурб. Удивило время отъезда — середина февраля.

При тогдашних транспортных неурядицах добраться из Москвы до Одессы можно было, самое меньшее, за десять дней. Жанна и ее товарищи по Иностранной коллегии были арестованы 1 марта.

Г. Исаева считает, что Лябурб покинула Москву в середине февраля. По этой версии, пребывание Жанны в Одессе может исчисляться лишь несколькими днями. Несомненно, что досрочная уплата партийных взносов, на которую опирается историк, скорее всего, говорит не о времени отъезда, а об аккуратности и дисциплинированности коммунистки.

Историк В. Коновалов относил приезд Лябурб к январю. «В середине января 1919 г. состав руководящих работников Иностранной коллегии пополнился товарищами, направленными в Одессу Федерацией иностранных групп при ЦК РКП(б). В Одессу прибыли француженка Жанна Лябурб, сербы Стойко Ратков, Вальман Драган и Живанко Степанович...»

Может быть, в книге на 51-й странице допущена описка: вместо февраля назван январь? Но через двенадцать страниц В. Коновалов говорит, что Лябурб была командирована в Одессу в декабре восемнадцатого года. Следовательно, она могла прибыть к месту назначения в январе.

Юрий Смолич в книге «Рассвет над морем» называет срок пребывания Жанны в Одессе — два месяца. Он приводит разговор контрразведчицы Евы Блюм с командующим французскими военными силами в Одессе генералом д'Ансельмом.

«Жанна Лябурб! — визгливо объявила Ева Блюм.— Француженка! Та самая, о деятельности которой во французских частях столько рапортов от всех контрразведок!

Она выкрикнула это с торжеством. Семнадцать контрразведок охотились за коммунисткой-француженкой два месяца...»

Но и эти два обозначенных Ю. Смоличем месяца показались другому моему коллеге Юрию Дмитриеву сроком коротким. И он удлинил его еще на месяц. В документальном очерке «Это было в Одессе» Ю. Дмитриев писал, что Жанна проработала в Иностранной коллегии три месяца. «Три месяца,— отмечал он,— это совсем мало. И это очень много, если каждый день из этих трех месяцев, каждый час этих дней — неустанная, напряженная борьба. Каждый день из этих трех месяцев, каждый час может быть последним...»

II

Ратков не отвечал. О Драгане и Степановиче историки и архивисты ничего определенного сказать не могли. Послеодесские их следы были потеряны.

Неизвестной оставалась девушка из Одессы, ехавшая с Жанной в одном вагоне и говорившая с ней по-французски. Если не Миронова, то, возможно, это была

Соколовская, владевшая несколькими иностранными языками.

На II съезде КП(б)У, состоявшемся в октябре восемнадцатого года в Москве, Елена представляла киевскую партийную организацию. В столицу Украины ей вернуться не пришлось. В дни работы съезда ее вызвал к себе Яков Михайлович Свердлов. Когда Елена вошла в его кабинет, там уже находились Иван Федорович Смирнов и Иван Евдокимович Клименко.

Яков Михайлович начал с Одессы. Сообщил, что обстановка в областной партийной организации архитяжелая: арестовано несколько членов подпольного обкома. За теми, кто остался на свободе, усиленно охотится контрразведка. Чтобы избежать полного провала, ЦК пришлось разрешить отдельным руководящим товарищам временно покинуть город, поселиться в сельской местности, где их никто не знает. По существу, партийная организация обезглавлена.

И Свердлов предложил всем троим незамедлительно выехать в Одессу и возглавить подпольный обком.

Его новый председатель, Иван Смирнов, получил паспорт на имя купца Николая Ласточкина, Соколовская стала Еленой Светловой, а Иван Клименко взял партийную кличку «товарищ Сергей».

22 октября всех делегатов II съезда КП(б)У пригласили на Объединенное заседание ВЦИКа, Моссовета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. Этот день многим запомнился. На Объединенном заседании с докладом о международном положении выступал Владимир Ильич. Это было первое выступление после покушения на него 30 августа на заводе Михельсона.

— Товарищи,— обратился он к присутствующим,— мне кажется, что теперешнее наше положение, при всей его противоречивости, может быть выражено, во-первых, тем, что мы никогда не были так близки к международной пролетарской революции, как теперь, и, во-вторых, мы никогда не были в более опасном положении, как теперь.

Вместе с Лениным Соколовская и ее товарищи радовались росту революционного движения в Австрии, Германии, на Балканах. Именно эти успехи вызывали у международной буржуазии особое озлобление, стремление подавить Советскую власть в России.

И вместе с Владимиром Ильичем они сознавали чрезвычайную опасность положения. «Налицо нет уже двух, взаимно друг друга пожирающих и обессиливающих, приблизительно одинаково сильных, групп империалистских хищников,— говорилось в резолюции объединенного заседания, написанной Лениным.— Остается одна группа победителей, англо-французских империалистов; она собирается делить между капиталистами весь мир; она ставит своей задачей во что бы то ни стало свергнуть Советскую власть в России и заменить эту власть буржуазною; она готовится теперь напасть на Россию с юга, например, через Дарданеллы и Черное море или через Болгарию и Румынию...»

К осени восемнадцатого года опасность нападения с юга, которую предвидел Ленин, стала реальной. Побежденная Турция передала Антанте ключи от Босфора и Дарданелл, и дорога из Средиземного моря в Черное для кораблей Франции и Англии оказалась открытой.

Пока французская эскадра двигалась к Одессе, агенты Антанты разными способами пытались сколотить единый фронт не только с внутренней контрреволюцией, но и со своим вчерашним врагом — германским империализмом. Жорж Клемансо мечтал повторить маневр Тьера, когда во времена Парижской коммуны германские солдаты блокировали Париж с одной стороны, а с другой, тыловой, защищаемой коммунарами, в город ворвались версальцы. В восемнадцатом году остаткам немецких войск на Украине отводилась примерно такая же роль: ждать прихода англичан и французов, чтобы вместе ликвидировать Советскую власть.

Но 1918 год не был похож на 1871-й. Да и немцы, пройдя через огонь первой мировой войны, были настроены по-другому. В ноябре в Германии вспыхнула революция. Кайзер бежал в Голландию. Его одряхлевший союзник — австрийский император Франц-Иосиф — тоже лишился трона. Узнав о случившемся, командующий австро-германскими оккупационными войсками в Одессе генерал-фельдмаршал фон Бельц пустил себе пулю в лоб, а вверенное ему войско не захотело ждать новых «хозяев». Бросая оружие, оставляя награбленное, немцы и австрийцы поспешали домой.

Кто же звал бывших союзников в Одессу? Белогвардейцы, местная буржуазия, всероссийская контрреволюция, слетевшаяся сюда,— царские министры и отстав-

ные генералы, петроградские банкиры и московские купцы, орловские, курские и пензенские помещики. С нетерпением ожидали они своих зарубежных спасителей, готовя им пышную встречу.

Готовились к встрече незваных гостей и большевики.

На одном из зданий Колодезного переулка появилась броская ресторанная вывеска «Открытие Дарданелл». На Большом Фонтане, рядом с казармами, отведенными для морской пехоты,— зазывная дощечка: «Часовых дел мастер. Заказы от французов выполняются аккуратно и вне всякой очереди».

Неподалеку от Оперного театра открылось ателье бывших парижских портных. В табачную лавку на Новом базаре аккуратно доставлялись пачки, завернутые в цветную бумагу. Но это были не папиросы «Сальве», а большевистские листовки и газеты.

Продавцы табачной лавки, портные из Парижа и часовых дел мастера, говорившие по-французски,— все они активно помогали подпольному обкому. Соколовская уже действовала в Одессе. А Жанна? Оставалась в Москве, добивалась разрешения на выезд. И предположение об их совместной поездке само по себе отпало. Жанна с Соколовской встретилась позже. Но когда, в каком году, в каком месяце?

Внести ясность могла бы остававшаяся для меня загадочной Жаннина попутчица, возвращавшаяся из Москвы в Одессу. Что было известно о ней? Молодая, знает французский... Вот, пожалуй, и все. Ни фамилии, ни имени. Пока вел розыски, из Киева от моего постоянного читателя инженера Н. Пономаренко пришла газетная вырезка из «Радянськой Украïни». Заголовок статьи, подобно магниту, притягивал — «Подруга Жанны Лябурб».

Статья приурочена к семидесятилетию Елены Соколовской, напечатана в республиканской газете под рубрикой «Бойцы ленинской гвардии». Хотя корреспонденция решительно ничего не прибавляла к тому, что я знал об этих женщинах, но меня приятно обрадовало, что в центральном органе Коммунистической партии Украины и их имена стоят рядом.

Соколовская была не только одним из руководителей Одесского подпольного обкома; она обладала незаурядным журналистским даром. После ее смерти могли

остаться воспоминания о Лябурб, в которых названа дата приезда Жанны в Одессу, сказано, сколько времени боролась в большевистском подполье.

Воспоминания! Но где они хранятся? Как член партии с дооктябрьским стажем, Елена состояла в Обществе старых большевиков. Именно это общество по крупицам собирало свидетельства тех, кто закладывал фундамент Великой Октябрьской революции, кто защищал ее.

Изучаю личное дело Соколовской: анкета члена Общества старых большевиков, заявление о вступлении в него, две рекомендации товарищей, краткая автобиография, из которой видно, что Елена участвовала в революционной борьбе с пятнадцати лет. И наконец, коротенькое заявление от 3 марта 1934 года в литературно-издательский сектор Общества: «Если нужно более подробное изложение моей работы в подполье в 1918—1921 гг., известите меня об этом.

С комприветом Е. Соколовская».

На заявлении — никаких пометок. Неизвестно, понадобились ли издателям более подробные воспоминания о работе в одесском подполье. Возможно, из-за перегруженности текущими делами Соколовская не успела их написать.

Как секретарь подпольного обкома, она обязана была время от времени информировать ЦК КП(б)У и ЦК РКП(б) о работе по разложению войск противника. Значит, в партийных архивах могли сохраниться отчеты одесских руководителей. В украинском их не оказалось. Зато в Центральном партийном архиве мне показали документ, озаглавленный «История французской агитационной коллегии при Одесском областном комитете КП(б)У 1919 года». Скорее, это не история, а подробный доклад обкома, посланный в ЦК РКП(б) о работе Иностранной коллегии, под которым стоит подпись его секретаря Елены Соколовской.

«...Первое соприкосновение с французскими войсками,— сообщалось в отчете,— заставило нас немедленно взяться за организацию пропаганды среди них.

Первые шаги наши были неудачны: листовка, написанная мною и переведенная на французский язык, была трудна для понимания французского солдата, несомненно имевшего самое искаженное представление о русской революции и своей собственной доле в России,

и я не отдавала ее даже печатать. Нам, областному комитету, стало ясно, что надо разыскать товарищей, которые смогли бы специально заняться этим делом, которые хорошо знали бы язык французского народа».

И такие товарищи нашлись. Об одном из них, о Жанне Лябурб, с большой теплотой говорится в отчете подпольного обкома:

«...У нас в России много хороших, честных, преданных делу революционеров, стойких борцов,— подчеркивала Е. Соколовская,— но таких пламенных, таких честных энтузиастов, как товарищ Лябурб, я не встречала. Безусловно, хорошая коммунистка, опытная пропагандистка, товарищ Лябурб вся горела, всей душой была предана делу революции, и ее сильная красивая речь была полна всегда захватывающего чувства революционной борьбы, и неудивительно, что за неделю, которую она проработала здесь, ее знал почти весь французский гарнизон, и солдаты слушали ее и верили ей, как никому».

«За неделю...» Не описка ли? Не это ли место в отчете послужило основанием Г. Исаевой написать, что Лябурб «уехала из Москвы в середине февраля»?

И опять остается невыясненным вопрос, сколько же работала Жанна в Иностранной коллегии — неделю, месяц, два, три?

III

Узелок, завязанный в Ереване теперь уже ушедшим из жизни Гургеном Айкуни, удалось распутать сравнительно легко. Правда, не сразу.

Сначала попалась на глаза журнальная статья старой коммунистки — чапаевки Борисовой Р., озаглавленная «Наш друг Жанна».

Встретились они в Москве, на торжественном вечере. Выступала Жанна. Борисова сидела в президиуме и внимательно слушала ее. В перерыве разговорились. Жанна рассказала о себе, Борисова — об отважном начдиве Чапаеве.

В начале нового, девятнадцатого года Лябурб пришла к Борисовой, чтобы попрощаться:

— Вот, товарищ Раиса, еду на фронт! Получила задание от самого Ленина. Задание выполню, если даже мне это будет стоить жизни. Если увидите Чапаева,

скажите ему, что французская коммунистка берет с него пример — идет драться за социализм.

Ценное свидетельство.

Рассказ Раисы Борисовой вновь напомнил мне о неразысканной статье А. Коллонтай. Айкуни читал ее в одной из красноармейских газет. Просмотрел их не один десяток и ни в одной не обнаружил ни статьи, ни заметки о Жанне.

Как-то в подшивке «Коммунара» — ежедневной рабочей газеты ЦК РКП(б) — мне бросилась в глаза страничка, озаглавленная «Работница — коммунистка». В числе ее активных сотрудников была Александра Коллонтай. Журналистское чутье подсказывало: на этой, женской странице надо искать неизвестные материалы о Жанне Лябурб.

Раскрываю мартовскую подшивку и обнаруживаю статью А. Коллонтай под таким заголовком:

«ПАМЯТИ ФРАНЦУЗСКОГО ТОВ. ЖАННЫ ЛЯБУРБ

Еще одна новая скорбная утрата,— писала Александра Коллонтай,— в Одессе 2-го марта расстреляна французская коммунистка Жанна Лябурб.

Это первая французская кровь, которая пролита во славу III-го Интернационала, кровь нашего товарища, кровь женщины.

Жанна Лябурб была учительницей и проживала в Москве. Но все мысли ее, все ее горячее сердце принадлежало великой мировой пролетарской революции. Когда в Москве образовалась секция французских коммунистов, Жанна Лябурб сейчас же примкнула к этой организации и стала деятельным ее работником. Все свое свободное от заработка[1] время, всю свою энергию Жанна Лябурб отдавала делу сплочения сил французских коммунистов.

Когда потребовалось послать товарища в Одессу, чтобы повести агитацию среди французских солдат и матросов, Жанна Лябурб решила ехать, хотя и сознавала, с какими опасностями сопряжена сейчас подпольная работа в стане наших врагов — белогвардейцев и империалистов.

Товарищи из французской секции советовали Жанне Лябурб вести себя осторожно, но Жанна Лябурб лишь улыбалась им в ответ: «Ведь умирают лишь раз!»

[1] Так в тексте.

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

MAIRIE
DE
LAPALISSE
(ALLIER)

TÉLÉPHONE 86

LAPALISSE, le

Acte de Naissance N° 22 de Marie LABOURBE

L'an mil huit cent soixante dix sept, le dix avril, à neuf heures du matin, devant nous Jacques Eugène Saulnier adjoint, remplissant par délégation du Maire, les fonctions d'officier de l'état civil de la commune et canton de Lapalisse (Allier) est comparu, Claude Labourbe âgé de trente sept ans, journalier, demeurant en cette ville, lequel nous a présenté un enfant du sexe féminin, né le huit de ce mois à huit heures du soir, de lui déclarant en sa maison, et de Marie Lablie âgée de trente et un ans, sans profession, son épouse, et auquel il a déclaré vouloir donner le prénom de Marie. Les dites déclaration et présentation faites en présence de Montagu Alexandre âgé de vingt huit ans, garde-champêtre et de Claude Billard, âgé de trente neuf ans, menuisier demeurant tous les deux en cette ville, les père et témoins ont signé avec nous le présent acte, après lecture.

Pour copie conforme,
Le Maire,

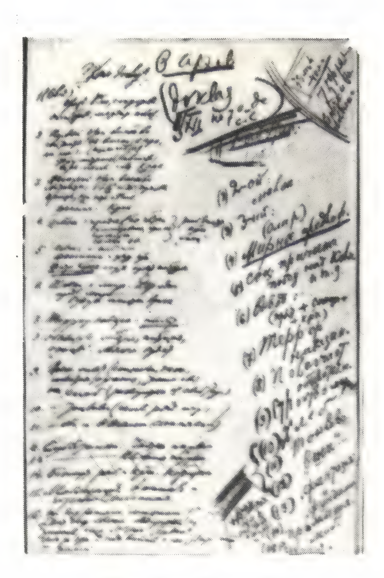
Свидетельство о рождении
Мари-Жанны Лябурб.

Записка В. И. Ленина
Г. В. Чичерину.

РОССIЙСКАЯ
Федеративная
Совѣтская Республика.
Председатель
Совѣта
Народныхъ Комиссаровъ.
Москва, Кремль.

№

Jean Labourbe

Тезисы доклада
В. И. Ленина
на VII съезде Советов.

Первая страница французской коммунистической газеты, выходившей в Одессе.

Proletaires des touts les pays reunissez vous

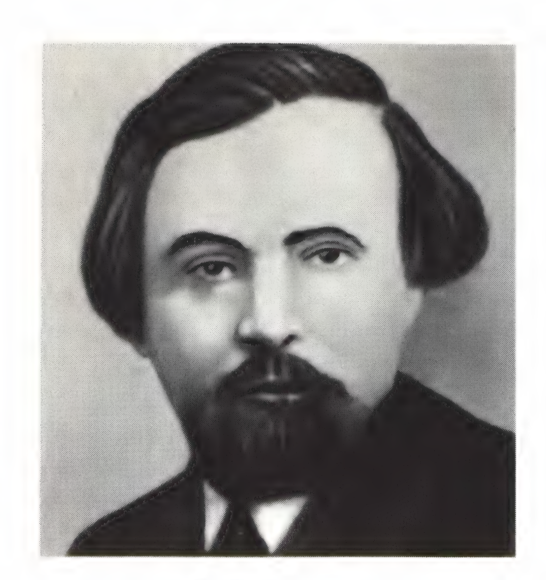
LE COMMUNISTE

Organe du parti Communiste (bolchevic) d'Odessa.

№ 2.

L'INTERNATIONALE

L'APPEL DES OUVRIERS FRANÇAIS

И. Ф. Смирнов.

Елена Соколовская.

И. Е. Клименко.

Яков Елин.

Стойко Ратков.

Вукашин Маркович.

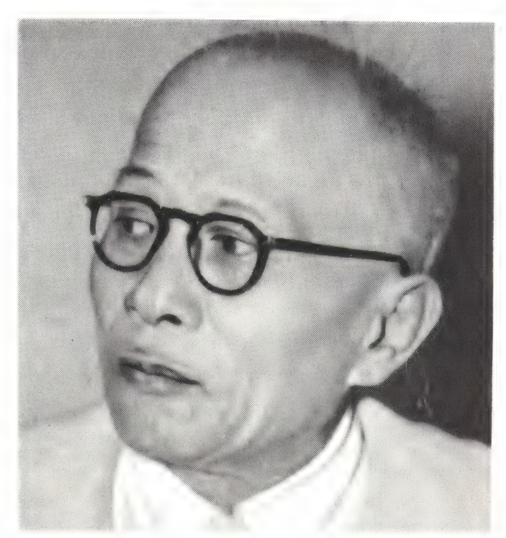

Михай Бужор.

Тон Дык Тханг.

1926 год. У стены коммунаров. Слева направо: Камелина, Марсель Кашен, Жак Садуль, Поль Вайян-Кутюрье, Морис Торез.

Извещение о смерти Жанны Лябурб в «Правде».

Воскресенье 23 марта 1919 г. № 63.

LA GROUPPE COMMUNISTE FRANÇAISE

fait part aux camarades de la mort tragique de sa secrétaire

JEANNE LABOURBE,

fusillés le 2 mars à Odessa par les mercenaires du commandement français.

Gloire éternelle à la camarade tombée courageusement à son poste révolutionnaire!

ФРАНЦУЗСКАЯ ГРУППА Р. К. П.

Извещает товарищей о трагической смерти секретаря группы

тов. ЖАННЫ ЛАБУРБ,

расстреленной 2-го марта в Одессе наемниками французского капитала.

Вечная память славному товарищу, погибшему на революционном посту.

Морис Торез и Жаннет Вермерш возлагают венок на могилу Жанны Лябурб.

Французские генералы расстреляли нашего смелого, преданного товарища. Но память о ней жива и будет жить в сердцах всех работниц и рабочих, кому дорога святая цель нашей многотрудной борьбы.

Да послужит Жанна Лябурб примером для нас, как надо жить и умирать!..»

Героическая русская женщина пишет о близкой ей по духу героической француженке, показавшей пример многим, «как надо жить и умирать!».

Долго не выпускал я из рук пожелтевший газетный лист. Прочел раз, второй...

Но где же Золотая доска с именем Лябурб? В «Коммунаре» и других московских газетах ее не учреждали. А в военных?

Из биографии Александры Михайловны узнаю, что из Москвы она уехала на фронт, возглавляла на Украине Народный комиссариат пропаганды. Какая же красноармейская газета выходила в то время в Киеве? Устанавливаю — «Красная Армия». В газете было несколько рубрик, называемых непривычным для современного читателя словом «доски». На Красную заносились герои фронта, на Черную — нарушители воинской дисциплины. А вот и Золотая! На ней — друзья Октября, видные интернационалисты.

Под этой рубрикой в первых числах апреля редакция перепечатала из «Коммунара» статью А. Коллонтай. Именно о ней и рассказывал Гурген Айкуни.

IV

Не всегда удается разыскать на газетных страницах забытую статью, а в архивных хранилищах — нужный документ. Если и находишь, то его часто приходится подкреплять воспоминаниями тех, кто был участником или свидетелем событий, происходивших более полувека назад. Эти люди хоть и немолоды, но, как правило, не сидят на одном месте: то к детям, то к внукам переезжают, меняют адреса. Попробуй успеть за ними!

И тут часто на помощь приходят читатели, радиослушатели, телезрители. Так, после одной из радиопередач из Ивано-Франковска сообщили, что здесь, на улице Ватутина, вскоре после окончания Великой Отечественной войны поселился старый коммунист. Родом

из Одессы. Был знаком с отдельными участниками одесского большевистского подполья, и в частности с Жанной Лябурб. Зовут ветерана Илья Мариусович Горшков.

Внизу приписка: Горшков — человек в годах. Часто хворает. Неплохо было бы поторопиться заглянуть к нам. Город наш хороший. Да и люди ему под стать.

И вот я — в Ивано-Франковске, у Ильи Мариусовича. Представился. Он приветливо улыбается, говорит, что встрече рад, но предупреждает, что «сидит на чемодане», вечером уезжает на курорт. Понимаю: времени для беседы в обрез. И все же начинаю разговор не с Жанны, ради которой приехал в незнакомый город к незнакомому человеку, а даю выговориться самому Горшкову. Хотелось узнать, какое отношение он имел к революционной Одессе, к Иностранной коллегии, с кем из ее работников встречался. А потом уж...

— Да, я — коренной одессит,— подтвердил Горшков,— появился на свет божий еще в прошлом веке. В рабочей семье, на Пересыпи. Для Одессы Пересыпь все равно что для Москвы Красная Пресня. А сколько революционеров дала наша Пересыпь!.. Возьмите Якова Елина, моего школьного товарища. В детстве мы его Майком звали: родился он в день Первомая. Яков участвовал в маевках. На одну из них пришел вместе с белошвейкой Софьей, своей будущей женой. Полиция устроила облаву. Девушку схватили, отправили в полицейский участок. А Яков избежал ареста. Но юноша явился в полицию и потребовал, чтобы его невесту, как ни в чем не повинную, выпустили. «Если не освободите, то арестуйте и меня!» Вот какой был человек!

В то время Горшков слесарил на авиационном заводе «Анатра», собирал аэропланы, которые испытывал знаменитый Уточкин. Яков работал мотористом, в пятом году стал большевиком и весь ушел в революцию. Горшков же вступил в партию позже, тогда был еще беспартийным, как теперь говорят, сочувствующим, помогал подпольщикам.

— В тот год полиция разлучила нас на семь месяцев: Елина бросили в тюрьму. Когда выпустили под надзор, парень все равно продолжал борьбу. Хотели засадить уже надолго, но товарищи успели предупредить. Яков бежал во Францию. Рабочие руки всюду нужны. Тем более такие золотые, как у него. Взяли сразу на

автомобильный завод «Рено». Девять лет прожил он в Париже и совсем «офранцузился»: из Якова превратился в Жака. На французском говорил, как на родном. После Февраля потянуло на родину. В Петрограде участвовал в штурме Зимнего, а когда узнал, что происходит в Одессе и как трудно одесситам, стал добиваться, чтобы направили к нам. В Одессе Елин вошел в президиум Иностранной коллегии.

Пока Илья Мариусович с увлечением рассказывает о Елине, в голову пришла мысль: не Жак ли — один из французских коммунистов, расстрелянных в Одессе, личность которого, как заявил капитан Садуль с трибуны съезда, «не установлена еще». Не его ли имя назвала «Правда»? Задаю этот вопрос Горшкову.

— Конечно, Елин, конечно, Яков! — восклицает он.— Французы считали его своим, так же как и Мишеля...

— А кто был Мишель?

— Мишель? Да это же Михаил Штиливкер — товарищ Якова по Иностранной коллегии. Он тоже жил в Париже, работал шофером такси. Но с ним я не был так близок, как с Елиным. Мишеля знал старый большевик Владимир Деготь. Сохранились его воспоминания.

Горшков надел очки, снял с полки книгу и прочитал:

«Миша Штиливкер был ценнейшим работником... Он не только владел в совершенстве обычным французским языком, но он знал арго — народный язык не хуже любого француза... Штиливкер очень умело вел свою пропаганду. Несомненно, что во время французской оккупации он сыграл в Комитете по иностранной работе крупнейшую роль и был передовым революционером».

Илья Мариусович бережно провел рукой по корешку книги и, кладя ее на место, не без гордости заметил:

— Вот какими были наши одесские французы!..

Значит, Жак — это Елин, Мишель — Штиливкер. Спрашиваю о третьем их товарище, названном в «Правде» Мироновой.

— Вы знали ее?

— А почему бы и нет? — ответил Горшков в чисто одесской манере.— Это вы про Жанну меня спрашиваете? Разве вам в голову не приходило, что Миронова — это Лябурб, а Лябурб — это Миронова?

— Приходило. Но в «Правде» сказано, что Миронова была направлена в Одессу не из Москвы, а из Харькова. Это и сбило с толку.

— Ну и что же? Тогда многие товарищи ехали из Москвы в Одессу через Харьков. Там же находились Центральный Комитет Компартии Украины и Совнарком. Там Жанна получила паспорт с русской фамилией. Потому и прибыла в Одессу как Миронова.

С Жанной Горшкова познакомил Елин.

— Ты, Илья, хоть и беспартийный, но близкий нам человек,— сказал он.— Потому хочу дать тебе одно приятное поручение — сопровождать элегантную женщину по увеселительным заведениям. Сам понимаешь, одной ей ходить по кабакам да тавернам, где полным-полно французских солдат и матросов, не очень прилично. А с таким кавалером, как ты, другое дело. Лицом ты вышел, ростом тоже, обходиться с женщинами умеешь. Вот будешь отныне «кавалером Мироновой». Не возражаешь?

Горшков считал, что фамилия «Миронова» и особенно ее первые три буквы как нельзя лучше подходили к Жанне. Ведь борясь с интервентами, она прежде всего стремилась к миру на земле. Так и прилипла к ней эта фамилия — Миронова да Миронова. Настоящую фамилию Жанны Горшков узнал лишь после того, как «Правда» с траурным извещением на русском и французском языках попала в освобожденную Одессу.

Впрочем, не только Жанна, а все товарищи, работавшие с ней в Иностранной коллегии, носили не свои, а чужие фамилии. Елин, к примеру, числился Иваном Долгополовым, Соколовская — Светловой, Смирнов — Ласточкиным.

А пошло это от профессиональных революционеров-ленинцев; иногда мужчины для большей конспирации носили имена женского рода, а женщины, наоборот, мужского [1].

[1] Петр Смидович именовался Матреной, Мартын Лядов — Русалкой. А Лидию Книпович звали Дяденькой, Ольгу Лепешинскую — Тигром. И совсем не за грозный характер нарекли ее таким именем, а за пристрастие носить все полосатое. Ксению Егорову — уральскую большевичку — величали Порохом. В годы борьбы с царизмом Ксения прятала динамит под матрацем и даже умудрялась спать на нем. Прятала от строгого отца. Бывало так, что партийные клички отражали стиль работы человека. Все, кто знал Елену Стасову, считали, что прозвище Абсолют как нельзя лучше подходит ей.

У Жанны в Одессе не было мужской клички. Она, по заверению Горшкова, носила хотя и не свою, но женскую фамилию. Кое-что прояснилось с Жаком и Мишелем, названными в той же мартовской заметке в «Правде» вместе с Мироновой. Загадочной оставалась лишь девушка из Одессы, возвращавшаяся московским поездом домой и свободно беседовавшая с Жанной по-французски.

— Уж не Лида ли то была? — подсказал Горшков.— Дочь учителя Ивана Петренко.— Но тут же заколебался: — По-французски-то она умела, но в ту тревожную зиму вряд ли бы ее послали в Москву. Лучше спросите тех, кто дружил с Лидой.

Людей, помнивших Петренко по одесскому подполью, нашлось не один десяток. «Мадемуазель Лида», как называли ее французы, после гимназии пошла на табачную фабрику, освоила фрезерный станок. В восемнадцатом стала коммунисткой.

Знание французского языка, привлекательная внешность и обаяние позволяли мадемуазель Лиде быстро завязывать знакомства с солдатами и матросами, незаметно рассовывать по их карманам листовки, газеты.

В мирные годы Лидия Ивановна закончила в Ленинграде инженерный институт, уехала в Сибирь. Ее фамилия изредка упоминалась среди тех, кто строил Кузнецкий металлургический комбинат, она первая советская женщина-металлург.

Письмо-запрос в Новокузнецк осталось без ответа. Возвращаясь с Дальнего Востока, я сделал остановку на узловой станции Тайга. По телефону связался с Новокузнецким горкомом партии. Огорчили: «Тяжело больна. Тревожить Лидию Ивановну нельзя».

Так и остался открытым вопрос о попутчице Жанны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Миронова и Лябурб — одно лицо.— Радист Лез с крейсера «Эрнест Ренан».— «Кавалер» из Ивано-Франковска.— «Открытие Дарданелл».— В заброшенных катакомбах.— Петр Питерский и другие.— Возвращенный рубль.

I

Подтверждение услышанному в Ивано-Франковске я нашел в одесской газете «Коммунист». В редакционной статье, напечатанной по свежим следам, сообщалось, что среди расстрелянных в ночь с 1 на 2 марта была Миронова. Фамилии других товарищей, погибших тогда же, в газете не названы. Упомянуты только их имена — Саша, Жак, Мишель, Изя.

Саша — Александр Винницкий, Жак — Яков Елин, Мишель — Михаил Штиливкер, Изя — Исаак Дубинский.

Изя был самым юным. В предсмертной записке к матери он писал: «Дорогая мама, шлю тебе, очевидно, свой последний привет. Очень больно, что причиняю тебе этим неизгладимое горе. Могу тебя утешить, что все проходит, вероятно, и это как-нибудь изгладится».

Дубинский не был расстрелян вместе с Жанной. После ареста его еще несколько дней держали в подвале французской контрразведки.

Лябурб расстреляли без суда и следствия. С Дубинским поступили по-другому: его «дело» разбирал военно-полевой суд. После приговора юношу несколько раз ставили к стенке, требовали, чтобы он назвал оставшихся на свободе солдат и матросов, связанных с Жанной, сотрудничавших в газете «Le communiste», сообщил адреса и фамилии подпольщиков. Многих Дубинский знал. Они действовали и в казармах, и на кораблях, в том числе на крейсере «Эрнест Ренан».

Я не случайно назвал этот корабль. На нем в период интервенции служил радистом Фернан Лез из города Сет. Он первым откликнулся на мое обращение, напечатанное в газете «Юманите» — центральном органе Коммунистической партии Франции.

«Дорогой товарищ!

Прочитав в нашей «Юманите», что вы пишете книгу о Жанне Лябурб, я спешу сообщить вам, что мне выпало счастье лично знать ее. Познакомился с ней в Одессе ранней весной девятнадцатого года, когда служил на крейсере «Эрнест Ренан», входившем в состав французской эскадры, посланной Антантой в недобрых целях».

Когда Фернан находился в Тулоне — в главной базе французского флота,— в Компьенском лесу, в вагоне французского маршала Фоша было подписано перемирие между Антантой и Германией: четырехлетняя война, развязанная империалистами, наконец закончилась. Все надеялись: скоро домой. Но шли дни, недели. Приказ о демобилизации на корабли не поступал.

Неожиданно из штаба передали: отдать концы, выйти в море. Фернан был доволен: значит, переводят в Марсель, а оттуда и домой рукой подать.

Но вышло все по-другому: вместо Марселя попали в греческий порт Салоники, а оттуда без задержки через Средиземноморские проливы в Черное море.

У входа в Босфор старший офицер объявил матросам: на французский флот возложена почетная миссия — помочь бывшей союзнице России очиститься от окопавшихся там бошей (так называли французы немцев.— *А. Д.*) и от их платных агентов — большевиков.

Вступив на одесскую землю, Лез понял, что это был лишь предлог для начала открытой вооруженной интервенции. Правительство Жоржа Клемансо и все, кто стоял за ним, преследовали совсем другие цели: проникнуть через южные порты к сердцу России, захватить как можно больше земли и богатств, таящихся в ее недрах, погасить огни Октября, чтобы их свет не манил, не освещал дорогу к новой жизни рабочим западных стран.

Интервенция была затеяна в интересах французских и английских империалистов, вложивших миллионы франков в угольные шахты Донбасса, в металлургические заводы Приднепровья, в кавказские нефтепромыслы, где они раньше были полными хозяевами!

Кто встречал союзнический десант колокольным звоном, хлебом-солью? Заводчики, купцы, помещики, бывшие царские министры.

А рабочие — забастовкой.

В Одессе Фернан видел людей, знавших Францию, ее рабочий класс. Не понаслышке, не из книг-путеводите-

лей. Немало местных жителей работало до войны на заводах и фабриках Франции. Они обходились без переводчиков; останавливали разгуливающих по платановым аллеям и бульварам французских солдат и матросов и в упор спрашивали: «Зачем вы пришли на Украину?», «Кто вас звал сюда с оружием?», «Против кого вы хотите его направить?»

Кое-кто предупреждал: «Мы будем отстаивать свою свободу и независимость, как защищали ее французы в XVIII веке, как воевали простые американцы с английскими колонизаторами». А многие советовали: «Пока не поздно, убирайтесь домой!..»

Те, кто не мог объясниться по-французски, протягивали свои мозолистые руки, как бы приглашая присоединиться к ним, к их борьбе.

Неизвестно, кто кого разыскал: Лябурб Фернана или Фернан Жанну, но после первой встречи он передал в эфир небольшое обращение Иностранной коллегии к матросам, добавив от себя, что в Одессе находится настоящая француженка, к голосу которой следует всем прислушаться, и что прислал ее сюда сам Ленин.

Немало матросов хотели повидать Жанну, поговорить с ней по душам, но не всем это удалось.

«А мне,— пишет Лез,— повезло. Я видел Жанну несколько раз, беседовал с ней...»

С риском для жизни он поддерживал связь по радио с другими кораблями, стоявшими на внутреннем и внешнем одесских рейдах, передавал в эфир обращения, написанные рукой Жанны.

В конверт Лез вложил копию листовки — обращения к солдатам и матросам,— написанной Жанной. Многое о встречах с ней он хранит в памяти.

Память! Как велика ее власть! Более полувека прошло с тех пор, как учительница Жанна Лябурб и матрос Фернан Лез познакомились на одесской земле, а радист, которому теперь далеко за семьдесят, помнит все, до мельчайших подробностей: ее женское обаяние и мужскую отвагу, внешнюю мягкость и внутреннюю готовность жертвовать собой ради дела революции, прирожденную интеллигентность и простоту в обращении.

Жанна умела находить такие проникновенные слова в поддержку русской революции, что они западали в души и просоленных штормовыми ветрами матросов, и безусых солдат-новобранцев, пробиваясь к ним сквозь

метровые стены казенных казарм и стальную броню дредноутов.

«Жанна заразила меня своим энтузиазмом, привлекла к участию в подготовке восстания, которое вот-вот должно было бы разразиться,— писал далее Лез.— Благодаря Лябурб я стал членом Французской коммунистической партии»...

Вскоре Леза с корабля «Эрнест Ренан» перевели на флагманский линкор «Жан Бар», стоявший на севастопольском рейде. Там, узнав о расстреле Жанны, он глубоко переживал ее гибель.

Лябурб погибла. Но идеи, за которые она боролась, жили. В том же Севастополе сотни французских моряков открыто присоединились к рабочим, участвовали в общегородской демонстрации, требующей изгнания интервентов с советской земли.

Под звуки «Интернационала» и «Марсельезы» на нескольких кораблях вместо трехцветного взвились красные флаги. Призывно и набатно от корабля к кораблю неслись слова: «В Тулон!», «Домой!», «Во Францию!»

Правдивое большевистское слово разрушало буржуазную пропаганду, действуя на людей с не меньшей силой, чем огонь, который вели по врагу красноармейцы и партизаны под Березовкой.

После упоминания этого населенного пункта мне придется сделать небольшое отступление.

В середине марта 1919 года в районе Березовки части Красной Армии разгромили соединения интервентов, захватив много оружия, боеприпасов, бронепоезд и несколько танков.

В одном из них, отправленном в Москву (эта диковинная по тем временам машина прошла в день 1 Мая по Красной площади), была обнаружена листовка — обращение к французским солдатам. Кем она написана — неизвестно. Возможно, Жанной Лябурб.

Поблагодарив бойцов за присланный трофейный танк, Владимир Ильич тогда писал: «Этот подарок дорог нам всем, дорог рабочим и крестьянам России, как доказательство геройства украинских братьев, дорог также потому, что свидетельствует о полном крахе казавшейся столь сильной Антанты».

Полный крах Антанты был связан с ростом сознания французских моряков, которых позже Поль Вайян-Кутюрье назвал «пролетариями моря». К ним относится

и Фернан Лез. Он писал: «Революционная волна подняла меня, молодого матроса, на гребень новой жизни, сделала коммунистом».

Так заканчивалось письмо одного из немногих оставшихся в живых участников восстания на Черном море, видевших и слышавших Жанну незадолго до ее гибели.

II

Лез познакомился с Лябурб не на корабле. Встретились они в одесском кабачке, куда по вечерам заходила Жанна, возможно, в кабачке «Открытие Дарданелл».

Приходила сюда Жанна не одна, а со своим «кавалером», выдававшим себя за провожатого. В то время на входных дверях ресторанов можно было прочесть написанные от руки объявления: «Студенты, готовые провожать дам в ночное время, предлагают свои услуги. Плата по соглашению».

Бывший «кавалер» Жанны сдержал слово: Илья Мариусович прислал свои воспоминания.

«Идешь, бывало, с Жанной по Дерибасовской,— писал он,— и видишь, как одесские пижоны провожают ее пристальным взглядом. Так хороша она была, так молодо выглядела, хотя ей было за сорок. А на вид — не больше тридцати.

Любила она одного и была по гроб верна ему. Своего милого Вука.

Не проходило дня, чтобы она не тревожилась: «Как там милый Вук без меня?», «Что с ним?» Писем, как помнится, она из Москвы не получала, да и не ждала. Сама тоже не посылала. Связь Одессы с Москвой была прервана.

Как-то вечером пили мы с Жанной морковный чай. Жена вот-вот должна была вернуться с работы. Сидим, разговоры разговариваем. Слышу, плачет дочурка. Я — к люльке, начал качать. Не унимается. Я и так и эдак, и причитаю, и причмокиваю, ничего не получается.

Не вытерпела Жанна, подошла к люльке. Взяла девочку на руки и стала по-французски напевать колыбельную. И что же вы думаете? Девочка — тише-тише и вскоре, совсем успокоившись, уснула.

Пришла жена. Рассказали мы ей про это, а она в ответ: «Дите, оно сразу ласковые руки чувствует».

Отправились мы с Жанной в кабачок «Открытие Дарданелл». Держал эту явочную квартиру старый большевик Мартын Лоладзе, или, как ласково называли его, Лола.

Лола был соратником легендарного Камо. Вместе они сидели несколько месяцев в тюрьме, в камере смертников, но приговор не был приведен в исполнение. Вместо казни отправили на каторгу. Освободила их Февральская революция.

Позже партия направила Лоладзе в Одессу, на подпольную работу.

Название «Открытие Дарданелл» было выбрано для большевистской явки не случайно. Лола объяснял это так: «Чтобы попасть из Средиземного моря в Черное, надо пройти в Дарданеллы, а чтобы вернуться во Францию убежденным революционером, надо посещать «Открытие Дарданелл», пить кавказское вино и слушать товарища Жанну».

Матросы и солдаты — завсегдатаи кабачка и те, кто попадал сюда впервые, слушали Жанну с огромным интересом, а некоторые — с любопытством. Многим было приятно видеть и слышать вдали от родных берегов свою землячку. Для одних она могла быть старшей сестрой, для других, недавно призванных в пехоту и на флот, годилась в матери!

Горшков знал по-французски несколько десятков слов. Кое-что понимал из того, о чем говорила Жанна. Но зато видел, как бывалые моряки, слушавшие Жанну, словно оттаивали.

Одевалась она скромно. Простое черное платье с белым кружевным воротничком, удобная обувь на низком каблуке. Только головной убор — шляпа с немыслимо широкими полями — вызывал недоумение. Товарищи советовали сменить шляпу. Жанна не соглашалась.

— Как бы не так! Скорее французским генералам придется расстаться со своими головами в Одессе, чем мне со своей шляпой,— не то в шутку, не то всерьез отвечала она.

Обстановка в кабачке «Открытие Дарданелл», где обычно собирались революционно мыслящие солдаты и матросы, позволяла Жанне не скрывать своих взглядов, говорить с посетителями по душам.

Иное дело в клубе, куда нередко проникал враг. Но и здесь Лябурб вела себя свободно, не учитывая усло-

вий, забывая подчас о правилах конспирации. За это ее не раз журила Елена Соколовская.

Жанна же ссылалась на «Коммунистический манифест», на его авторов Карла Маркса и Фридриха Энгельса:

— Помните, что наши учители говорили? «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения». Так я и поступала, поступаю и буду поступать!

Кое-кто из товарищей по Иностранной коллегии все же пытался удержать Жанну от открытого высказывания своих взглядов, объясняя, что обстановка изменилась и условия теперь совсем не те, в каких она действовала прежде.

Слушала и безоговорочно подчинялась она только одному человеку — председателю подпольного обкома партии Ивану Федоровичу Смирнову, которого городские власти знали под именем купца Николая Ласточкина.

О Смирнове-Ласточкине написано до обидного мало. Сохранился лишь номер журнала «Коммунист», издававшегося в Одессе в 1922 году, где опубликована статья о нем.

«Отличительной чертой т. Николая,— отмечал его соратник по подполью А. Рекис,— которая меня чрезвычайно поразила, так как совершенно не гармонировала с его внешностью, являлась необычайная работоспособность и энергия. Его недаром очень часто называли диктатором. Будучи председателем и казначеем областного комитета партии, он сумел руководить непосредственно всеми ответвлениями организации: ревкомом, военным отделом, разведкой, Иностранной коллегией, редакционной коллегией и т. д.

А работа была чрезвычайно трудная и сложная: партийный аппарат был разбросан по всему городу сетью явочных квартир, столовых и лавок и нужно было за день всюду побывать, дать указания и проверить, и притом так, чтобы не попасть в «поле зрения» агентов многочисленных контрразведок, имевшихся в то время в Одессе.

И он ежедневно бывал всюду».

Чаще всего в Доме трудолюбия. Его комендантом, а по нынешним представлениям, заведующим клубом, был Григорий Ильич Сапельников, кадровый рабочий

судоремонтного завода «Ропит», позже — Герой труда, кавалер ордена Ленина.

Представьте себе, как я был обрадован, когда узнал, что Сапельников живет рядом с гостиницей, где я остановился,— у Шампанского переулка.

Смолоду Григорий Ильич выполнял отдельные поручения одесских большевиков, а потом и сам вступил в коммунистическую партию, стал ее активным бойцом, а вверенный ему Дом трудолюбия — большевистской явкой.

— Положение мое, скажу прямо, было аховым,— рассказывал мне Григорий Ильич.— В Доме трудолюбия на втором этаже заседает вся головка большевистского подполья: Смирнов, Соколовская, Клименко, Балкун, Жанна... А тут врывается ротмистр со своей свитой. Выпрыгнуть из окон нельзя: дом со всех сторон оцеплен.

Что делать? Выручило то, что мы, с разрешения городских властей, сдавали в аренду часть помещения различным организациям. И знали, кому сдавать.

Хорошо, думаю, если ротмистр начнет проверку с зала, что на первом этаже. Так и есть.

Он направился туда, держа наган наготове. Открывает дверь — и останавливается, остолбенев, как вкопанный.

В зале за переносным аналоем стоит отец Александр и читает проповедь отроковицам в белых косынках... Сапельников набросился на священника: «Что же вы меня так подвели? Сказали, что у вас есть разрешение его превосходительства генерал-губернатора Гришина-Алмазова, а господин ротмистр заявили, что я допустил незаконное сборище?»

Расстегнув рясу, священник достал бумагу, скрепленную подписями и круглой печатью, в которой говорилось, что ему разрешается провести собрание «братьев и сестер во Христе».

Ротмистр был вынужден извиниться и уйти ни с чем. Через час он снова, взмыленный, примчался в Дом трудолюбия.

— Где здесь заседают большевики? — ярился он.

— Какие большевики? — переспросил Сапельников.— Откуда они здесь? Ищите, сами убедитесь.

Ласточкина, Соколовской, Лябурб и в самом деле след простыл. Пока ротмистр со своими подручными

курсировал между Домом трудолюбия и полицейским участком, подпольщики смешались с «братьями и сестрами во Христе» и ушли.

О бывшем руководителе подпольного обкома Григорий Ильич вспоминал с большим уважением, искренне сожалея, что о прошлом Смирнова-Ласточкина знает совсем немного. Тогда ведь не принято было расспрашивать, кто ты и откуда, как попал в Одессу. Слышал, что сызмальства Ваня остался без родителей, воспитывался в сиротском доме, в десять лет пошел «в люди» по портняжному делу. Вырос и стал первоклассным закройщиком дамского платья. Заказов хоть отбавляй. Заработки солидные. Иной бы дело свое открыл, живи в свое удовольствие. А он стал революционером. Тюрьмы, ссылки... В феврале семнадцатого возглавил профсоюз швейников, а потом и Киевский центральный совет фабзавкомов.

Сапельников задумался, подержал в руках журнальную вырезку со статьей Рекиса.

— Вот Саша назвал Ваню-маленького диктатором. Это, должно быть, за беспощадную требовательность к себе и другим. Человек он был доступный, демократический. При Смирнове у нас состоялась областная партийная конференция. Состоялась, можно сказать, под носом у врага. За несколько месяцев ряды коммунистов-подпольщиков утроились. Смирнову верили, его любили и между собой называли не по имени-отчеству, а «товарищ председатель», а то и просто Ваней-маленьким. В отличие от другого, высокорослого Ивана Клименко, которого величали Ваней-большим.

Смирнов учил молодежь, как завязывать знакомство с французскими солдатами: начинать не с агитации «в лоб», а с житейских вопросов: «Ну, как вам наша Одесса?», «Что слышно во Франции?» А потом уже поближе: «Скоро ли закончится война, которая всем осточертела?», «Зачем приехали в Россию?», «Кто вас звал?»

Устной агитации Смирнов придавал не меньшее значение, чем печатной. Сохранилось его письмо главнокомандующему советскими войсками на Украине В. Антонову-Овсеенко, которое он опубликовал в своих «Записках о гражданской войне»:

«...Ведется агитация и устная. Французские солдаты заходят в кофейни и молочные и стараются завязать с

нами сношения, расспрашивают о положении в Советской России и объявляют себя большевиками. Из-за влияния успешной агитации французское командование издало приказ, по которому союзным солдатам запрещено входить в рестораны, кофейни, молочные и т. п. От хозяев же подобных предприятий взяты подписки о том, что они не будут впускать французских и вообще союзных солдат. Но приказ этот в жизнь не проводится, и французское командование, учитывая свое бессилие, не проявляет репрессивных мер по отношению к лицам, не выполнившим приказ».

— Издавались и другие приказы. Про особый комитет вы, возможно, слышали? — Григорий Ильич протянул копию заметки, напечатанной в феврале девятнадцатого года в киевских большевистских газетах.

Читаю:

«Киев, 23 февраля. Французским командованием принимаются экстренные меры к ограждению французских войск от большевистской пропаганды, образован особый комитет по ограждению войск от агитации; перехвачена радиотелеграмма Бертело[1] о прекращении посылки новых десантных войск ввиду брожения среди одесского союзнического гарнизона.

После телеграммы не прибыло ни одного французского транспорта».

— Да, не прибыло.— Сапельников улыбнулся.— Хозяин большевистской явки был свидетелем того, как провалился «особый комитет», не сумевший оградить войско Бертело от «пагубной пропаганды» большевиков, от их правдивого слова.

И тут Сапельников вспомнил о газете, выходившей в подполье на французском языке, которой интересовался Ленин. Владимир Ильич телеграфировал главе Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, убедительно просил его распорядиться «немедленно собирать комплекты» и посылать их в Москву регулярно.

III

Что же это была за газета, о которой специально запрашивал Владимир Ильич? В каких условиях она издавалась, где печаталась?

[1] Французский генерал, командовавший войсками Антанты на юге России.

Как председатель обкома и его казначей, Иван Федорович Смирнов знал цену каждой трудовой копейке. Предельно экономный во всем, он не скупился, когда речь шла об издании массовой газеты на французском языке.

Наладить ее выпуск обкому удалось не сразу: трудно было с полиграфической базой. В городе действовали десятки типографий, но владельцы этих предприятий ни за какие деньги не соглашались печатать «крамольную» литературу. Опасались тяжелой кары, которая могла обрушиться на их головы. Правда, один нашелся, но заломил такую цену, что от его «услуг» пришлось отказаться.

Решили создать собственную типографию. Приобрели дом на окраине города — на Молдаванке. Только начали завозить шрифты и бумагу, как неожиданно выяснилось, что за домом пристально следят «недобрые глаза».

Тогда подпольщики начали рыть землянку для типографии в другом конце города. И опять неудача: сняли первые пласты — и чуть не провалились под землю: оказывается, снесли «крышу» катакомб. Тогда кто-то предложил использовать бывшие каменоломни. Возникли они в давние времена, в местах хищнической разработки ракушечника — бледно-желтого камня, основного строительного материала, из которого сложены многие дома в приморском городе. Отсюда, кстати, и пошло: Одесса выросла из-под земли.

Одесские катакомбы тянутся на сотни километров, образуя своеобразный город под землей. Они служили местом тайных сходок. Здесь собиралась революционная молодежь, дававшая клятву верно служить народу. Пролетарии Пересыпи прятали оружие, готовясь к предстоящим схваткам с царскими сатрапами. В каменоломнях собирались большевики. Отсюда одесские рабочие послали письмо Владимиру Ильичу, о котором рассказала Н. К. Крупская в своей книге «Воспоминания о Ленине»: «...Он умел читать письма рабочих. Помню одно письмо, написанное рабочими одесских каменоломен. Это было коллективное письмо, написанное несколькими первобытными почерками, без подлежащих и сказуемых, без запятых и точек, но дышало оно неисчерпаемой энергией, готовностью к борьбе до конца, до победы, письмо красочное в каждом своем слове, на-

ивном и убежденном, непоколебимом. Я не помню теперь, о чем писалось в этом письме, но помню его вид, бумагу, рыжие чернила. Много раз перечитывал это письмо Ильич, глубоко задумавшись, шагал по комнате. Не напрасно старались рабочие одесских каменоломен, когда писали Ильичу письмо: тому написали, кому нужно было, тому, кто лучше всех их понял».

В тех же катакомбах создали подпольную типографию. Раздобыли наборные кассы, шрифты, печатный станок. Нашлись опытные полиграфисты.

Григорий Венгржиновский, Леонид Бураков, Петр Питерский, Николай Савостин — всего пятнадцать человек. Сколотил этот маленький мужественный коллектив Лаврентий Иосифович Картвелишвили. Коммунист с десятого года, товарищ Лаврентий — так его звали подпольщики — был видным деятелем нашей партии: избирался членом Одесского ревкома, секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии и Украины, а на XVI партийном съезде — кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

В воспоминаниях об одесском подполье Л. Картвелишвили писал: «Помню, прибежал радостный, взволнованный товарищ Ласточкин ко мне на квартиру и сообщил, что типография готова. «Жив курилка!» — воскликнули мы в один голос и, не теряя ни одной минуты, побежали к товарищам за материалами для «Коммуниста».

Кто же из подпольщиков-типографов жив?

Об одном из них — печатнике Питерском я был наслышан. Его фамилия в 30-е годы нередко появлялась на страницах местной печати, а потом исчезла. Навел справки в Москве, в одесском землячестве. Ответили: Питерского уже нет в живых.

Заглянул в список ветеранов одесского подполья. Фамилия его вычеркнута. Так и смирился бы я с мыслью, что последний из могикан ушел из жизни, если бы... незадолго до празднования 40-й годовщины Великого Октября я снова не попал в Одессу. Знакомство с городом, с его революционным прошлым я начал с краеведческого музея. По субботам у работников отдела фондов выходной, а залы открыты.

Примкнул к небольшой группе молодежи, которую вел пожилой сутулый человек. Когда молодые люди подошли к стенду Иностранной коллегии, экскурсовод

преобразился: в каждом слове чувствовалась причастность к ее славным делам.

— Эта печатная машина, или, как мы ее называли, «американка», честно послужила революции,— с гордостью произнес старик экскурсовод, задерживаясь у фотоснимка подземной типографии.— Здесь в тысячах экземпляров размножались статьи и листовки Елены Соколовской, Жанны Лябурб...

— Вы знали Жанну? — спросила белокурая девушка.

— К сожалению, видел только раз. При Лябурб газета «Le communiste» начала выходить регулярно, раз в неделю. По языку и содержанию еженедельник стал более доходчивым и понятным французским солдатам и матросам. Многое, о чем писала Жанна, переводилось на разные языки и перепечатывалось другими газетами.

— Сколько же тогда в Одессе было подпольных типографий,— продолжала интересоваться девушка,— если газеты выходили и для французов, и для греков, и для поляков, и для румын?

— Одна, в селе Куяльник, под землей. Это контрразведчики считали, что типографий было несколько. В одной будто бы печаталась газета на русском языке, в другой — на французском, в третьей — на польском... Рыскали всюду и даже обещали сто тысяч тому, кто укажет адрес подпольной типографии. Но обнаружить ее и ликвидировать им не удалось.

У нас была всего одна «американка». Сразу смонтировать ее не удалось. Разобрали по частям, погрузили на подводу. На окраине города заведующего типографией Григория Венгржиновского остановил белогвардейский патруль:

— Что везешь?

— Части от локомотива.

Поверили, пропустили.

Наконец, добрались до Куяльника — до хаты, где был вход в катакомбы. А войти нельзя: в помещение забрели солдаты. Пришлось везти «американку» обратно. Только через несколько дней она стала выдавать «нагора́» свою продукцию.

Ответив на вопросы, старик повел группу дальше.

— Как его фамилия? — спросил я у дежурной по залу.

— Разве вы этого человека не знаете? Он при французах большевистские газеты под землей печатал! Душа его поет, когда он вспоминает об этом. Так вы, оказывается, приезжий? У нас Питерского каждый знает...

— Так это и есть Питерский?! — воскликнул я.— Он мне очень нужен...

— А вы кто и откуда?

Я назвался.

— Если он так нужен Москве, то минуточку постойте здесь за меня, посторожите, а я догоню его. А то он уведет молодежь на Куяльник, а там его ищи-свищи. Питерский в нашем штате не состоит. Работает, как говорится, на общественных началах.

Дежурная ушла, временно возложив на меня охрану зала. Сижу, рассматриваю экспонаты. На стене — увеличенный фотоснимок большевистской типографии, сделанный под землей. Это интересно. Но куда интереснее встретиться с тем, кто печатал французскую газету, для которой Жанна писала статьи и заметки. Вот будет здорово, если Питерский сохранил номера «Le communiste»! Ими еще в двадцать восьмом году интересовался советский историк А. Гуковский. В книге «Французская интервенция на юге России» он писал: «В катакомбах (заброшенные каменоломни) за городом была сооружена типография, где печатались отдельные воззвания на французском языке («Солдаты и матросы, что вы тут делаете?», «Вы обмануты и идете против своих братьев!» и др.) и периодический орган Одесского областного комитета КП(б)У в двух изданиях — на русском и французском языках: «Коммунист» и «Le communiste».

В настоящее время затруднительно точно установить размеры этой издательской деятельности. По некоторым показаниям, она была чрезвычайно велика, но вернее предположить, что всего было издано 7 или 8 номеров газеты «Le communiste», около двух десятков «Коммуниста» и несколько отдельных прокламаций.

Полных комплектов газет и листовок нет ни в одесском Истпарте, ни в одесской публичной библиотеке, ни в архиве Октябрьской революции в Москве, ни в Ленинской Всесоюзной библиотеке, ни в Коммунистической академии».

Могло случиться, что в библиотеки и архивы попали не все газеты и листовки, а те, что попали, не уцелели.

Когда шла борьба не на жизнь, а на смерть, мало кто думал об их сохранности.

Но почему А. Гуковский не обратился к Елене Соколовской, Ивану Клименко, румынскому коммунисту Альтеру Залику, к бывшим работникам подпольной типографии, и, в частности, к ее печатнику?

...Вернулась дежурная, а вслед за ней пришел улыбающийся Петр Исаевич Питерский. И не я, а он с первой же минуты нашего знакомства забросал меня вопросами:

— Так это вы собираете материалы о Жанне? Что-то долго собираете. А книжка-то выйдет? Что вы пишете, я фактически знаю. От кого, спросите? От Ильи Адова. Он еще работает в московской «Вечорке»? А подшивку «Le communiste» вы, наконец, разыскали?

— А у вас, Петр Исаевич, хотя бы один номер сохранился? — ответил я вопросом на вопрос.

Выяснилось, что Питерский несколько лет бережно хранил полный комплект — все восемь номеров французской коммунистической газеты, пока его не пригласили в одесский Истпарт и не предложили сдать на вечное хранение всю подшивку. Очень хотелось оставить у себя на память. Но ведь эти газеты нужны и другим; люди приезжают в Одессу за тысячи километров, чтобы почитать редкие газетные страницы, которыми интересовался Ленин.

Истпарт давно преобразован в партийный архив. В нем работают новые люди.

И никто толком не мог объяснить Питерскому, куда девалась его подшивка.

Был еще в фондах музея один комплект еженедельника. Его постигла печальная участь: когда в город ворвались фашисты, вывезти музейные ценности не удалось. Их закопали во дворе, под старым деревом.

Кто-то донес в румынскую комендатуру о спрятанных драгоценностях. В ту же ночь начались раскопки. Разрыв яму, захватчики пришли в ярость, когда вместо золота нашли аккуратно завернутые в промасленную бумагу экспонаты и газетные листы. Оккупанты превратили все в пепел.

Случайно сохранилась фотокопия первой страницы еженедельника «Le communiste» с обращением Максима Горького к народу и интеллигенции да еще несколько листовок небольшого, почти карманного, раз-

мера: их незаметно можно было спрятать солдату и матросу.

В сороковом ленинском томе опубликован доклад Владимира Ильича на I Всероссийском съезде трудовых казаков. Ленин выступал 1 марта 1920 года — ровно через год после того, как Лябурб была схвачена в Одессе. Он говорил о листках, к которым были причастны Жанна, Елена Соколовская, Петр Питерский и другие одесские подпольщики: «Оказалось, что правы были русские большевики, которые успели во время царизма создать единение среди рабочих, а рабочие успели создать маленькие ячейки, которые всех верящих им людей, и французских рабочих, и английских солдат, встречали агитацией на их родном языке. Правда, у нас были только ничтожные листки, в то время, как в печати английской и французской агитацию вели тысячи газет, и каждая фраза опубликовывалась в десятках тысяч столбцов, у нас выпускалось всего 2—3 листка формата четвертушки в месяц, в лучшем случае приходилось по одному листку на десять тысяч французских солдат... «Почему же все-таки и французские и английские солдаты доверяли этим листкам?» — спрашивал Владимир Ильич и тут же отвечал: — «Потому, что мы говорили правду, и потому, что, когда они приходили в Россию, то видели, что они обмануты»».

Из всех напечатанных руками Питерского листков у него сохранился один. Он не был адресован французским матросам и солдатам. Похоже, это был отчет обкома партии о его подпольных печатных изданиях.

«20-го января сего года приступили к печатанию,— сообщала листовка.— Работа была трудная и интересная. В подполье печатались: «Коммунист», «Le communiste», польский «Коммунист», а также воззвания и летучки. За несколько месяцев успели отпечатать не один десяток тысяч экземпляров. Агитация велась умело и энергично и скоро принесла плоды.

Интересно привести свидетельство генерала д'Ансельма. В беседе с представителями Центропрофа [1] он, между прочим, сказал: «Правда, ваш «Le communiste»

[1] По-видимому, имеется в виду делегация Одесского Совета рабочих депутатов, в состав которой входили представители Центропрофа. Они посетили д'Ансельма, командовавшего французскими войсками в Одессе, за несколько дней до ухода интервентов из города.

порядочно разложил нашу армию, но у нас имеются и здоровые части».

И тут же — комментарий к словам командующего французскими войсками в Одессе: «Но когда пришло время действовать, «здоровых частей» не оказалось».

После войны в каменоломнях был найден поблекший от времени типографский оттиск. Порванный на сгибах, с крепко вдавленными буковками, местами сохранивший корректорскую правку. Старую заметку обнаружили юные следопыты в жестяной банке из-под монпансье неподалеку от того места, где стояла «американка», и показали Питерскому. С помощью лупы удалось «расшифровать» лишь несколько абзацев: «...Прибыв в Одессу неосведомленными о намерениях правительства, мы были все в полном неведении относительно политической обстановки в городе 18 декабря [1], слепо повинуясь прислужникам капитала — офицерам, мы нагло надругались над теми, которых мы еще не знали, но которые ведь являются представителями нарождающейся истинно социалистической революции.

Простите, товарищи и братья, не считайте нас убийцами, ведь 18 декабря мы не понимали, зачем, собственно, мы открываем огонь...»

Питерский вспомнил: это не все, а только часть письма французских солдат, открыто признававшихся в своей вине, просивших прощения у одесских рабочих.

Это обращение, как сказал старый печатник, было письмом-исповедью, письмом-манифестом. Французские солдаты не только каялись в содеянном, но и изъявляли готовность повернуть одновременно оружие против своей и русской буржуазии.

Обычно Питерский начинал печатать газеты с вечера, а на рассвете весь тираж переправлялся в город. Из-за этого же письма получилась задержка. По предложению Лябурб решено было его напечатать не только во французской газете, но и в других изданиях. Для этого необходимо срочно перевести на другие языки, снова набрать, сверстать, размножить... Позже письмо появилось в московской газете.

— В какой? Когда?

— Весной девятнадцатого, еще при жизни Жанны.

---

[1] 18 декабря 1918 года в Одессе высадился французский десант.

Думаете, я знаю точно, в какой газете? — так говорят в Одессе, когда хотят сказать «не знаю».— Наши юные следопыты, дай бог, чтобы они жили еще сто лет, хотели иметь для своего музея не кусочек, а полный текст. Перевернули не одну подшивку. Уж как они искали! Но ничего не нашли.

Вероятно, с этой или другой целью в год празднования 40-летия Советской власти группа школьников спустилась в катакомбы, где всегда ночь.

Спустились без проводника. Бродили долго, пока не запутались в сложном лабиринте ходов и ответвлений, а тут как на грех кончились спички, наступила кромешная тьма.

Несколько суток голодные, измученные дети бродили по глухому подземелью, пока им на помощь не пришли взрослые.

Одесские катакомбы!.. Сколько ходит о них былей и небылиц, сколько сложено легенд.

Захотелось и мне пройти той же дорогой, по которой много лет тому назад ходили бесстрашные наборщики и печатники, пройти к тому месту, где находилась подпольная типография.

Меня предупреждали: такое путешествие небезопасно. Но как писать о действиях подпольщиков, не спустившись в катакомбы? Побывал же здесь после изгнания фашистов из Одессы английский писатель Джеймс Олдридж и потом рассказал о своем нелегком путешествии: «Я успел ясно ощутить, что меня похоронили в этих туннелях, причем не на полчаса, а навсегда. Словно не осталось нигде ни свежего воздуха, ни дневного света. Это гнетущее впечатление владеет тобой с первой секунды, как только ты туда попадаешь, и до самого выхода на свет божий».

Петр Исаевич одобрил мое намерение, согласился сопровождать, но при одном непременном условии: об этом не должны знать его близкие.

— Они считают меня стариком, но какой я, спрашивается, старик? Скорее, долгожитель. И не потому, что долго живу. А потому, что не собираюсь стареть.

Мы отправились в Куяльник. У подпольной типографии было два входа: один — на Шкодовой горе, второй — в крестьянской хате, вырубленной в скале.

Старый печатник уверенно шел впереди, освещая «летучей мышью» издавна знакомый ему подземный ко-

ридор с многочисленными поворотами и низко нависшей кровлей.

— Осторожно! — предупреждал он.— Берегите голову, она вам еще пригодится. Ну хотя бы для книги о Жанне Лябурб!..

До того места, где когда-то стояла «американка», оставалось еще метров пятьсот — шестьсот. Питерский спросил, приходилось ли мне передвигаться по-пластунски.

— Кое-где будем ползти, сгибаться в три погибели. Вот, видите...— И, не досказав фразы, вдруг сам остановился, тяжело дыша.

— Придется возвращаться,— сказал он, прислоняясь к глыбе известняка,— воздуха не хватает. А бывало, по нескольку дней отсюда не выходили. Печатали газету при карбидных фонарях. Чад, вонь... Копоть проникает в легкие. Голову ломит, а «американка» знай себе постукивает. Понимали: газету ждут наверху. Ни на минуту не забывали: делаем нужное для революции дело.

Признаться, и мне было не по себе. Кислорода не хватало. От холода и сырости немели руки. Но я старался не показывать вида. Не говорить же об этом человеку, который намного старше.

Когда мы вышли из подземелья на «свет божий», я заметил, что лицо старого печатника стало белым как мел. Так вот почему он беспокоился, чтобы о нашем путешествии не знали его близкие.

Вечером я навестил Петра Исаевича. Он чувствовал себя лучше.

Питерский снова заговорил об обращении французских солдат к одесским пролетариям. По его глубокому убеждению, их письмо заставило многих французов задуматься о своей судьбе и судьбе Франции.

В редакцию «Le communiste» поступали отклики из Севастополя, Николаева, Херсона и даже греческого порта Салоники, откуда Антанта отправляла десанты в Одессу. И уже не отдельные матросы и солдаты, а целые экипажи и батальоны открыто заявляли, что не хотят воевать с русским народом. А наиболее сознательные в знак солидарности решили остаться в России до тех пор, пока окончательно не победит народная власть.

— Это было не простое письмо, а письмо-манифест,— повторил Питерский, подымаясь с дивана.—

Если в одесских газетах его не найдете, поищите в московских. А вдруг... Может, повезет вам так же, как Ираклию Андронникову. Находит же он письма столетней давности! А тут каких-нибудь несколько десятков лет прошло... А потом разыщите воспоминания Елены Соколовской.

Попрощавшись с Питерским и пожелав ему доброго здоровья, я отправился по адресам, привезенным из Москвы.

IV

Начал с ветерана, живущего в районе одесской «толкучки». Но этот адрес оказался неточным. Никто из жителей большого дома не знал нужного мне человека.

— Неужели,— думал я, спускаясь по лестнице,— и другие адреса также неточны?

...День воскресный. На улице оживленно. Заполняя тротуары и мостовую, толпы одесситов двигались к огромному торжищу, где можно приобрести все: от норковой шубы до редкой книги.

«Книжный ряд» выглядел весьма живописно, но ничего интересного здесь я поначалу не обнаружил. Напоследок задержался у товара старика с пышными, как у запорожца, усами.

Торговал он не фолиантами, а толстыми и тонкими журналами, издававшимися в довоенные годы в Ленинграде, Москве, Харькове, Одессе.

Нет ли чего-нибудь о Жанне в одесских журналах? Ищу, роюсь.

Усач явно недоволен: время идет, базар пустеет, а я все роюсь, ничего не покупая. Наконец он не выдержал:

— Это вам, милый человек, не хата-читальня и не набережная Сены. Да и вы, вижу, не Анатоль Франс. Тот любил рыться, но без покупки не уходил.

Улыбнувшись столь лестному сравнению, я наклонился к журналу «Борьба классов», изрядно потрепанному, зачитанному.

Быстро пробегаю выходные данные: год издания 1934-й, месяц — март, тот, в котором расстреляли Жанну и ее боевых друзей. Журнал вышел ровно через пятнадцать лет. Пусть не круглая, но все же дата.

Так оно и есть! В оглавлении крупными буквами

напечатано: «Е. Соколовская. Жанна Лябург (из воспоминаний о борьбе с интервентами в Одессе в 1918—1919 гг.)»

Раскрываю журнал и... не верю. Не верю, что удача сама плывет ко мне в руки. Спрашиваю: сколько с меня?

— Вы имеете в руках редкость, но я не запрошу с вас много. Давайте рубль и не крутите мне больше пуговицу!

Я понял, что «не крутите мне больше пуговицу» должно означать на языке одессита: быстрее платите деньги, берите товар — и с богом!

Уплатив рубль, я отошел чуть в сторонку и стал не читать, а проглатывать абзац за абзацем.

«Приезд Жанны, подлинной француженки, находившей наиболее понятные для французов и горячие аргументы в пользу русской революции и поражавшей солдат уж одним фактом существования большевички-француженки, чрезвычайно активизировал работу,— вспоминала Соколовская.— Неудивительно, что всего лишь **месячная работа Лябург** (подчеркнуто мною.— *А. Д.*) среди французских солдат привела впоследствии генерала д'Ансельма, командующего французскими силами в Одессе, к откровенному признанию, что половина его армии разложена большевистской агитацией».

Итак, Елена Соколовская подтвердила: Лябург находилась в рядах одесских подпольщиков не неделю, а целый месяц. Это весьма существенное уточнение сделано в печати спустя пятнадцать лет. Сделано после того, как в отчете обкома было сказано, что Лябург «за неделю, которую она проработала здесь, ее знал почти весь французский гарнизон».

Уверен, что найдется такой человек, прочитает это место и скажет: подумаешь, месяц!.. Каких-то тридцать дней, а в феврале их и того меньше. Бывало, люди годами боролись, не выходя из подполья, а вот она...

В те годы время измерялось по-другому: день стоил года; тогда история не тащилась, как скрипучая телега, а неслась со скоростью локомотива. И каждый час, каждая минута могли стоить жизни.

«С полным презрением к опасности,— отмечала далее Елена Соколовская,— шла Жанна на работу. С непреодолимой убежденностью в победе и в правоте своего дела она вступала в беседу с французскими солдатами,

разбивая тех, кто верил в честность намерений французской демократии по отношению к русской революции, разоблачая подлинную сущность империалистической интервенции и ее последствий для русских рабочих и крестьян.»

Статья настолько захватила, что я даже не почувствовал, как моего плеча коснулась рука усача:

— Я вижу, голуба, что журнал вас замагнитовал. Я взял с вас недорого, всего рублевку. А ведь тогда он стоил рубль двадцать пять...

Я перебил, сказав, что, если бы он запросил не рубль, а десятку, я бы все равно за ценой не постоял. В журнале статья о Жанне Лябурб, дорогом мне человеке.

— Чи вы не родственник ей? Да шо я вас пытаю? — спохватился букинист.— Я же своими глазами вижу, что вы такой француз, как я итальянец. Кто же вы есть?

Пришлось объяснить: кто я и откуда, зачем приехал в Одессу, почему интересуюсь Жанной.

— Так это же совсем другой коленкор!..— Старик легонько толкнул меня в грудь и сразу перешел с «вы» на «ты».

— Возьми назад свой рубль, я не обедняю. Считай, что ты имеешь от меня подарок.

Взять деньги обратно я отказался. Старик улыбнулся и, не настаивая, заговорил по-другому, реже упоминая словечки из жаргона бывших одесских биндюжников, делавшие его речь, как ему казалось, оригинальной.

— Слушай сюда, я поначалу думал, шо ты на морской песочек загорать приехал и по толчку от нечего делать ходишь. А ты, оказывается, вот по какому делу!.. За Жанну мне не рассказывай: она много сделала для Одессы. Жила она не для себя, не для своей корысти, а для народа, для нас с тобой,— старик снова ткнул пальцем, но уже в свою грудь,— для моих детей и моих внуков. Ты меня понял? А теперь скажи, как ты думаешь: почему Военный спуск переименовали в улицу Жанны?

Я отмолчался. Хотел дать волю его словам.

— Слушай сюда. Этот спуск назывался потому Военным, что он вел к причалу, где стояли корабли. Не гражданские, а военные. А в интервенцию, известно, французские. По этому спуску к матросам попадали листовки, написанные Жанной. Так что назвали его

точно, заслуженно. Хотя по самому спуску на военные корабли она не ходила. Зря один наш поэт написал, что матросы звали ее к себе в гости. На военных кораблях женщинам бывать не полагалось. А если бы действительно звали, пожалуй, не струсила, пошла. Отчаянная была. Доживи до наших дней, быть бы ей первой женщиной-генералом. Вот какое кино могло получиться.

Я не встречал более разговорчивых и доброжелательных людей, чем коренные одесситы. Эти черты характера особенно раскрываются почти в каждом из них, когда дело касается родного города, его героического прошлого и всего, что связано с ним.

— Вот недавно к нам два французских коммуниста приезжали,— продолжал старик, поглаживая усы.— Они видели Жанну в Одессе так, как я вижу тебя, слышали, как я тебя слышу... Про фамилии не спрашивай, а как звали, скажу: одного Франсуа, он в том же, девятнадцатом, матросил на броненосце; второго — Марселем, этот — пехотинец[1]. Еще один французский матрос в Одессу из Вьетнама приезжал. В газетах писали, что он теперь в Ханое важный пост занимает — больше, чем в Одессе председатель горсовета. Верно говорю, не сойти мне с этого места.

В разговоре время пролетело незаметно. Толкучка опустела.

— Ой, я совсем заболтался, забыл, что меня ждут внуки. Сколько на твоих набежало?

Я посмотрел на циферблат. Было начало седьмого.

— Ну, я пойду. Если тебе еще что-нибудь понадобится, приходи. Бываю здесь по субботам и воскресеньям.

Поблагодарив за журнал и за рассказанное, я направился к автобусной остановке. Полез в правый карман за мелочью и обнаружил в нем желтовато-зеленоватую бумажку рублевого достоинства.

Так вот, оказывается, почему мой новый знакомый так хитро улыбался, когда я отказался взять обратно рубль.

---

[1] Как удалось установить, это были: Франсуа Бассе, служивший матросом на французском линкоре «Жюстис», и Марсель Тондю, бывший солдат 58-го Авиньонского полка, того самого, который под влиянием большевистской пропаганды решительно отказался в феврале выступать против советских войск.

Несу журнал «Борьба классов», как реликвию, и никак не нарадуюсь этому приобретению.

— Чему радуешься? — заметит иной читатель.— Вот если бы нашлась записная книжка или блокнот Жанны Лябурб, подлинник ее завещания, тогда давай волю своим эмоциям, а то, подумаешь, невидаль: журнал «Борьба классов» выходил не в прошлом веке, а в нынешнем, да не где-нибудь за тридевять земель, а в Москве. Пошел бы в Ленинскую библиотеку, в ее генеральный каталог и на букву «л» или «с» запросто обнаружил бы статью о Лябурб.

Бывал я там не раз. Смотрел и на «л» и на «с» (на Елену Соколовскую). Эта статья тогда ни в одной из просмотренных карточек не значилась. Поездка в Одессу вновь напомнила о том, что библиография у нас частенько темный лес. Войдешь в него, поплутаешь и выйдешь ни с чем.

С этими мыслями направляюсь в научную библиотеку М. Горького — одну из лучших на Украине. Хочу показать библиографам журнал «Борьба классов» со статьей Елены Соколовской. Пусть возьмут на учет. А я заодно узнаю, кто был тот вьетнамец, что приезжал в Одессу в пятьдесят шестом году.

Беру местные газеты за октябрь того года и по указанному ориентиру сразу же обнаруживаю в них информацию о пребывании в Одессе делегации Национального собрания Демократической Республики Вьетнам. Возглавлял ее Тон Дык Тханг.

Возможно, он и был тем самым матросом, который после прохода Дарданелл поднял красное знамя в защиту пролетарской революции. Вероятно, об этом памятном событии в своей жизни он писал в нашей периодике.

Дежурный библиограф показал мне несколько статей Тон Дык Тханга, опубликованных в советских газетах. Ознакомившись с ними, я убедился, что все они на общеполитические темы, без упоминания о его участии в восстании на Черном море.

Если Тон Дык Тханг служил на французском флоте, то его воспоминания могли быть напечатаны в наших морских журналах, и в первую очередь в «Советском моряке». Его редакция тщательно собирала все, что относилось к участию матросов-интернационалистов в гражданской войне.

Журнал давно прекратил существование, но его комплекты сохранились в научной библиотеке.

Просмотрел подшивку за 1956 год. Тон Дык Тханга в ней нет. Но журнал выходил и в 1957 году. До 24-го номера ничего не обнаружил. А в этом увидел статью, озаглавленную «Я участвовал в восстании на Черном море». В редакционной вводке говорилось: «Ниже мы печатаем воспоминания Тон Дык Тханга о восстании на крейсере «Париж», которое было одним из ярких проявлений международной солидарности трудящихся».

Удивляюсь, как я сдержался, чтобы громко, на весь читальный зал, не выразить своей радости. Ведь это мало кому известная статья бывшего моряка французского флота, а ныне — президента Демократической Республики Вьетнам.

«Летом 1919 года,— свидетельствовал Тон Дык Тханг,— французский крейсер, носивший имя столицы Франции — Парижа, города героической Парижской коммуны, получил приказ направиться в Черное море. Но с какой целью? Не для того ли, чтобы бить немецких империалистов? Нет, совсем не для этого, так как немецкие империалисты уже капитулировали. Командование тщательно скрывало от матросов цели этого похода. Однако мы узнали об этом сами...

Спустилась ночь, крейсер как раз прошел через Дарданеллы. Атмосфера на корабле все более накалялась. Несколько товарищей агитировали матросов собрать митинг, чтобы расправиться с командованием. Они попросили меня: «Не вывесишь ли ты перед митингом красное знамя, чтобы русские знали, что мы друзья, а не враги». Я с радостью согласился. На рассвете крейсер вошел в Черное море. Прозвучал сигнал сбора (это был обычный сигнал сбора моряков, но на этот раз он звучал не по приказу командования), и сейчас же на флагштоке взвилось красное знамя. Русские друзья! Наш корабль еще далеко от ваших берегов, вы еще не видите этого красного знамени. Но этим красным знаменем, поднятым в Черном море, мы приветствуем вас...

Таким образом, крейсер «Париж», пробыв всего несколько часов в Черном море, повернул назад в Средиземное море. Но теперь на его флагштоке развевалось красное знамя. На обратном пути мы встретили гидросамолет французского военно-морского флота. Командование флота приказало летчику заставить нас спу-

стить флаг, в противном случае бомбардировать и потопить крейсер. Мы усмехались, будучи совершенно уверены, что они никогда не решатся потопить такой большой крейсер своего флота. Мы были спокойны еще и потому, что французский пилот высунулся из самолета отнюдь не для того, чтобы сбросить бомбы, а для того, чтобы послать нам братское приветствие...

Прошло 38 лет. Моя память не сохранила ни полных имен, ни подробностей обстановки, в которой проходило восстание. Но каждый год в дни Октябрьской революции перед моими глазами неизменно как бы всплывал образ восставшего корабля с его красным знаменем...

Я уверен, что любой вьетнамский патриот, особенно рабочий, присутствовавший в те исторические минуты на Черном море, не мог поступить иначе, чем я, так как любить Родину и ненавидеть империалистов — это прежде всего значит любить Октябрьскую революцию и ненавидеть тех, кто выступает против нее...»

Крейсер, на котором Тон Дык Тханг поднял красный флаг, был вынужден повернуть обратно. За участие в восстании отважный вьетнамец был приговорен французским трибуналом к 25 годам каторги. Освободили его в 1945 году, после Августовской революции, свергнувшей колониальные порядки и режим иностранной оккупации во Вьетнаме. В стране была образована демократическая республика.

Спустя много лет Тон Дык Тханг попал в Одессу. Он не видел и не мог видеть здесь Жанну. Слышать о ней, читать написанные ею листовки мог: они проникали на многие французские корабли.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Гость из Бухареста.— О чем кричал сержант Анри из Марселя? — «Такая партия во Франции непременно будет!» — «Не считайте нас убийцами!» — Записка из зала.— Прерванный на полуслове разговор.— Пушкинская, 24.

I

Кто же еще кроме Фернана Леза, Петра Питерского, Григория Сапельникова, Ильи Горшкова видел Жанну в Одессе или присутствовал при ее беседах с матросами и солдатами в тавернах?

Иностранная коллегия, как известно, была многоязычной. В нее входили французская, польская, югославянская, греческая, румынская группы.

Я долго искал тех, кто работал в коллегии в одно время с Жанной. Искал в нашей стране, искал во Франции, Польше, Румынии, Югославии. Ответы приходили, но чаще всего они начинались со слов «Адресат неизвестен», «К сожалению, вы опоздали...»

На моем рабочем столе — конверты с почтовыми штемпелями разных городов мира: Одессы и Парижа, Киева и Варшавы, Белграда и Бухареста. В одном из них, с печатью одесского почтамта,— две записки. Почерки разные — полудетский и старческий.

Первая, из областной научной библиотеки, препровождает вторую — из села Чуруг, что на Воеводине. Прислал ее в библиотеку Ратков.

Ратков? Сын? Внук? Нет, сам Стойко Ратков! Это его ответ на просьбу дирекции библиотеки прислать свои воспоминания.

«Ваше письмо меня очень обрадовало,— сообщал он,— город Одесса — это моя вторая родина... Я бы охотно прислал вам полное описание событий тех дней, но память подводит. Сорок лет прошло с того времени, и многое не удержалось в голове.

Мне сейчас 63 года, а когда я был у вас, мне было только 23».

Так вот, оказывается, почему Ратков не отвечал на мои запросы: не надеялся на свою память, опасался,

что она его подведет. Тяжелобольной ветеран понимал ответственность за каждое произнесенное и написанное им слово.

Предвижу возражения со стороны некоторых читателей, особенно молодых. Разве можно забыть то, что произошло в Одессе мартовской ночью? Нет, нельзя. Но от Стойко Раткова ждали подробностей, деталей. Их с возрастом, из-за болезни Ратков мог забыть. Придумывать, фантазировать, отступать от исторической правды было не в его натуре.

На письме нет даты. Но по тому, что в нем сказано — «сорок лет прошло с того времени»,— нетрудно установить, что ответ прислан в 1959 году. Сколько бурных событий произошло за эти четыре десятилетия! Сколько потрясений пришлось перенести Раткову! Не мудрено, что многое померкло в памяти.

По традиции на празднование годовщины Великого Октября в Москву приглашаются ветераны гражданской войны из разных стран. На одну из таких годовщин был приглашен Стойко Ратков. Об этом мне сообщили заранее из Комитета ветеранов войны. В канун праздника я ждал оттуда звонка.

Он раздался:

— Вами интересуется наш гость...

— Из Югославии? Ратков? — воскликнул я, обрадованный предстоящей встречей.

— Нет. Михай Бужор из Бухареста. Он остановился в гостинице «Украина», хочет вас видеть.

В Одессу Михай попал в первую мировую войну, когда сюда эвакуировали часть предприятий и учреждений из Бухареста.

Левый социал-демократ, человек, глубоко сочувствующий революционной России, Бужор быстро нашел общий язык с большевиками. Еще до победы Советской власти румынские товарищи начали выпускать в Одессе листовки и газету на родном языке. Когда же возникла угроза интервенции, в помощь Красной Армии сформировали два румынских отряда — морской и пехотный.

С высадкой войск Антанты в городе усилилась охота за большевиками и помогавшими им иностранными пролетариями. Схватили и Бужора. Об его аресте говорилось в ноте Временного рабоче-крестьянского правительства Украины министру иностранных дел Франции:

«По сведениям правительства, во всех черноморских городах, занятых союзниками, и в частности в Севастополе и Одессе, томятся в тюрьмах наши товарищи-коммунисты. В Одессе, между другими арестованными, находится румынский с.-д. Бужор, задержанный за причастность к Советской власти в Одессе в прошлом году».

Михай Бужор был не просто причастен к Советской власти: в самые критические для нее дни он сражался в рядах защитников революции.

В фондах Музея революции СССР хранится его письмо, отправленное в Москву в апреле восемнадцатого года.

«Часть нашей революционной фаланги,— писал он,— едет сейчас при очень трудных и опасных обстоятельствах в Новороссийск, а потом в Москву. Ей поручено продолжать там нашу деятельность. Другая часть, к которой я принадлежу, остается на Украине с той же целью...

Та делегация, которая едет сейчас и за которой последует другая, сообщит о нашей деятельности...

Я уверен, что она найдет у вас братский прием, доброжелательность и ту революционную помощь, которую вы оказывали до сих пор нам, румынскому социалистическому движению... Я остаюсь в России, оккупированной немцами, с намерением перегруппировать разбросанные наши силы и восстановить связь с нашими товарищами в Румынии: все это для нашей общей цели и общей борьбы».

Перегруппировать разбросанные силы Бужору полностью не удалось.

В другом документе, подписанном секретарем Одесского обкома, сообщалось: «В Одессе сейчас арестован румынский коммунист Бужор. За него дает комитет 30 тысяч».

Предлагают оккупантам тридцать тысяч! И это в то время, когда касса подпольного обкома была почти пустой!..

Бужора освободила Красная Армия. После того как Советская власть окончательно победила, Михай вернулся на родину. И — снова тюрьма, на этот раз румынская. Бухарестский военный суд приговорил его к расстрелу; лишь потом, опасаясь народного гнева, румынские власти вынуждены были заменить расстрел каторгой.

Неизвестно, сколько бы находился он на соляных копях, если бы солидарные с ним трудящиеся массы не избрали его депутатом парламента. И королевскому правительству пришлось выпустить народного избранника на свободу.

Глубокий след в памяти румынского интернационалиста оставили встречи с Владимиром Ильичем. Документ, подписанный Лениным, он хранил как талисман, как самую драгоценную реликвию: часто брал в руки, вглядывался в подпись, снова и снова перечитывал, вспоминал, как Ильич расспрашивал о положении рабочих Бухареста, о действиях румынских интернационалистов в Одессе.

— Вы знали Жанну Лябурб? — спросил я Бужора после обмена взаимными приветствиями.

— О, это была героическая женщина! Я встречался с ней в Москве.

— А в Одессе?

— Не пришлось. В то время я находился в «замке»...

— В каком замке?

— В тюремном,— пояснил, улыбаясь, Бужор.— Так одесситы, не терявшие чувства юмора при любых условиях, окрестили главную тюрьму.

О том, что француженка Жанна Лябурб в Одессе и действует, Бужор сначала только догадывался. Ее имя он услышал от находившегося в том же «замке» сержанта. Мешая французские слова с русскими, он не говорил, а кричал:

— Камрады! Слушайте меня! Я — сержант Анри из Марселя, такой же пролетарий, как и вы. Но я был жестоко обманут и не сразу понял. Теперь я все вижу. Зрячим меня сделала Жанна. Передайте ей, что я выполнил свое обещание: снял замок со своей пушки и выбросил его в море. Теперь орудие молчит: оно не будет стрелять в русских рабочих. Долой Жоржа Клемансо! Да здравствует большевичка Жанна!

Во время прогулки Бужор спросил француза, о какой Жанне он толкует?

— О нашей Жанне. Ее Ленин прислал...

— В апреле девятнадцатого, когда в Одессу вступила Красная Армия,— продолжал Бужор,— я был выпущен из «замка», но, к моему глубокому сожалению, увидеть Жанну уже не пришлось. А вот мои товарищи — Ионна Дическу и А. Николау — трудились бок о

бок с ней. Только не в Одессе, а в Москве, во французской коммунистической группе. Нет и Альтера Залика. Он знал Жанну по одесскому подполью. Кажется, жив Мозес Вильдер. В те дни он работал в нашей «Скынтейе»[1], выходившей в Одессе на румынском языке, и во французской «Le communiste».

Давненько от него не было никаких вестей. В двадцатых годах Вильдер читал лекции в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. Потом профессор превратился в студента: поступил в Московский университет, на историко-филологический факультет. После окончания университета Вильдера направили в Институт Маркса — Энгельса. Вероятно, ветераны института знают его адрес, помогут найти,— посоветовал Бужор.

Институт, в котором когда-то работал Вильдер, теперь называется по-другому: Институт марксизма-ленинизма. Из старых его сотрудников никто о судьбе Вильдера сказать ничего не мог. Говорили, что в Великую Отечественную он ушел добровольцем на фронт и будто бы погиб в междуречье Волги и Дона.

II

Можно было не искать больше Вильдера, если бы я случайно не познакомился с еще одним румынским коммунистом, ныне персональным пенсионером Соми Альтштейном. В начале девятнадцатого года он распространял в Одессе газету «Скынтейя» среди румынских солдат, а «Le communiste» — среди французских. Вильдер работал в этих газетах.

Времена меняются: в Одессе вместе с большевиками-подпольщиками Вильдер творил страницы истории. Теперь преподает ее.

— Где?

— В Дагестанском университете,— ответил Соми.— Могу дать адрес.

Заказное письмо я отправил в Махачкалу, а ответ пришел из Курска, куда Вильдер был переведен на преподавательскую работу.

---

[1] В переводе на русский — «Искра».

«Извините, что не сразу откликнулся на ваше письмо. Все собирался в Москву. Думал, что при личной встрече смогу рассказать вам все известное мне о жизни Жанны в Одессе. А сейчас постараюсь конспективно ответить на некоторые ваши вопросы.

С Жанной я познакомился в Одессе весной девятнадцатого года. Точное число назвать не могу, но время года помню хорошо: природа просыпалась. Только-только сошел снег, на деревьях набухли почки, на земле появилась первая нежная травка.

На Жанне было легкое коричневое пальто парижского покроя, широкополая фетровая шляпа с полями невероятных размеров. Под ней светились лучистые глаза и очаровательная улыбка.

Представил меня Жанне Альтер Залик — он тогда был членом президиума Иностранной коллегии. Сказал, что за плечами у меня пусть и небольшой, но все же опыт работы в революционной печати.

В условиях подполья первое знакомство обычно бывало сдержанным. Каждый из нас руководствовался неписаным правилом: не говори, кому можно, а говори, кому нужно.

Жанна сразу включилась в работу редакции: познакомилась с вышедшим номером «Le communiste». Тираж газеты был напечатан, когда она находилась где-то между Харьковом и Одессой.

Первый блин, как говорится, вышел у нас комом. В спешке ли или потому, что мы не были сильны во французской грамматике, наборщики перепутали мужской род с женским: набрали вместо «Le communiste» «La communiste», что означает «Коммунистка».

Представьте себе, как бы смеялись матросы на военных кораблях, если бы вовремя не заметили эту опечатку. Пришлось от руки на многих экземплярах (газета выходила пятитысячным тиражом) заменять букву «а» на «е».

С приходом Жанны такие казусы не повторялись. Газета издавалась на хорошем французском языке. Изменилось и ее содержание: статьи стали более острыми, боевыми и доходчивыми. Какие из них принадлежали перу Лябурб, сказать теперь трудно. Материалы, как правило, печатались без подписи.

Как агитатор Жанна оставила глубокий след. Ее простые на первый взгляд слова задевали самые чувст-

вительные человеческие струны, высекая искры, от которых зажигались огрубевшие на войне сердца.

Извините, что на этом вынужден прервать свой ответ. Давление повысилось, чувствую себя плохо, писать больше невмоготу. Почувствую себя лучше, напишу или, лучше, расскажу, когда приеду в Москву, к дочери.

Все, что касается Жанны, для меня очень дорого.

С уважением. М. Вильдер».

Хотя письмо осталось незаконченным, но чувствовалось, что Вильдер может рассказать немало интересного. В отличие от других одесских товарищей, которые, не зная французского языка, угадывали смысл речей Жанны чаще всего по интонации и жестам, он все понимал. Вероятно, самое ценное отложилось в его памяти.

III

Поправившись, Вильдер приехал в Москву. Мы просидели с ним долгий зимний вечер, не заметив, как наступила ночь. Рассказывал он с увлечением, я едва успевал записывать.

Жанна внесла новую струю не только в газету «Le communiste». Она мастерски писала обращенные к французским солдатам и матросам листовки, которые размножались типографским способом и распространялись в Одессе, Севастополе, Николаеве, Тирасполе, Херсоне — всюду, где находились войска экспедиционного корпуса. Прирожденный оратор, она умела находить ключи к сердцам людей разных возрастов и взглядов. Выступала в кабачках и кафе, а иногда на улице, где собирались вокруг нее матросы, отпущенные на берег.

Идя на открытый разговор, задумывалась ли Жанна, как отнесутся к ней незнакомые вооруженные люди? Откликнутся ли по-доброму на ее призыв или тут же устроят самосуд, объявив ее предательницей Франции, перебежавшей в лагерь большевиков?

Природа наделила Жанну не только смелостью, но и талантом располагать к себе людей, даром их узнавания.

Однажды на Преображенской улице она стояла в окружении солдат и матросов. Вильдер подошел поближе.

Хотел предупредить о возможной опасности: ведь кругом шныряли шпики!..

Но, увидев, с каким неподдельным интересом солдаты ловят каждое ее слово, воздержался, сам заслушался. Жанна была в своей стихии — среди тех, ради кого она покинула Москву, ради кого взялась за столь опасное дело.

Сильно жестикулируя, она предупреждала тех, кто сохранил свои головы под Верденом и на Марне, что они могут потерять их здесь, в Одессе. Она звала земляков не затыкать уши ватой, не закрывать глаз, слышать и видеть все, что происходит на Украине.

— Вот ты, Пьер, и ты, Леон, заявляете, что пришли освобождать город от когтей германского империализма. Его когти давно обрезаны. Ни одного немецкого солдата здесь нет. Они поспешили домой делать революцию. С кем же вы здесь собираетесь воевать? С такими же пролетариями, как ты и ты. Рабочий везде рабочий: и в Туре, и в Одессе, и в Москве, и в Париже.

Мне говорили, Жорж, что ты — марселец, бывший докер,— Жанна в упор смотрит на рослого рыжеволосого моряка.— Французскую буржуазию интервенция вполне устраивает: она мечтает, чтобы рабочие одной страны истребляли рабочих другой, и на деле провозглашает: «Пролетарии всех стран, убивайте друг друга!» Но есть другой лозунг, который подходит для всех, у кого руки в мозолях: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Соединяйтесь, а не разъединяйтесь. Интересно, чтобы ты сказал, Жорж, если бы одесские портовики высадились в Марселе и стали бы помогать французской буржуазии бороться с такими же пролетариями, как ты? Разве ты забыл, что марсельцы первые восстали против королей, а «Марсельеза» стала гимном Французской республики?.. Возвращайся, Жорж, домой и сделай то, что не успели парижские коммунары и что уже сделали русские, отстаивающие святые принципы тех, кто лежит у Стены коммунаров на кладбище Пер-Лашез.

Кто-то из толпы заметил:

— Так ты, Жанна, призываешь к неповиновению, а знаешь, чем это пахнет?

— Да, знаю. Потому и зову. Послушай, что писали якобинцы в «Декларации прав человека и гражданина»: «Когда правительство нарушает права народа, то вос-

стание является самым священным правом и самым неизбывным долгом всего народа и каждой его части». Мы — народ. Так воспользуемся же этим правом!

Речь Жанны настолько увлекла Мозеса, что он забыл об опасности.

У Лябурб был подход к каждому. К безусым новобранцам, которым она годилась в матери, Жанна обычно обращалась: «Дети мои!»

— Морис,— говорила она кудрявому черноволосому юноше из Бордо.— У тебя большие карие глаза, но ты слеп. Ты не видишь, куда и зачем тебя привезли. У тебя сильные мускулистые руки, но ты делаешь ими постыдное дело. У тебя длинные крепкие ноги, но они идут не туда, куда надо.

На правах старшей она направляла юношу по той дороге, которая приведет его к новой жизни.

Правдивое, острое слово помогло не одной сотне солдат и матросов сбросить антисоветскую пелену с глаз. Беседы, которые вела Лябурб, вызывали у слушателей отзвук надежды, веру в правоту дела, за которое она боролась и звала бороться других; гнев по адресу тех, кто принудил их прийти в новую Россию с оружием.

Тут же, на Преображенской, после всего услышанного солдаты стали срывать с себя ордена и медали, топтать их ногами [1].

Каждый раз, когда речь заходит о Жанне, как агитаторе, эта картина «расставания» французских солдат с военными знаками отличия, которыми прежде они так дорожили, встает перед глазами старого коммуниста.

Один пожилой пехотинец, сняв со своего мундира медаль, полученную за бои под Верденом, воскликнул:

— Мне стыдно, что я француз!

А Жанна не стыдилась; наоборот, она была горда. Горда тем, что она, французская революционерка, за-

---

[1] Об аналогичных фактах сообщалось в сборнике «Октябрь на Одесщине», изданном в 1927 году: «Тогдашняя одесская обстановка тоже была особенной. Когда сталкивались мы с французскими солдатами, то они были очень откровенными, на словах настолько революционными, что охотно шли навстречу, вступали в разговоры и обычно переходили всякие границы конспирации, вплоть до того, что срывали с себя воинские знаки, медали, топтали их ногами, кричали, что они стыдятся быть сынами Франции и т. д., всячески выражая сочувствие Советской власти и нашей партии».

щищает здесь, в Одессе, первые завоевания Октября. Защищает, как свою революцию.

Когда Жанна со связанными руками предстала перед начальником французской контрразведки, тот спросил, откуда она родом, к какой партии принадлежит?

— Я — француженка! Принадлежу коммунистической партии!

— Мадам, такой партии во Франции нет! — оборвал контрразведчик.

— Сегодня нет, а завтра такая партия непременно будет. Ее создадут солдаты и матросы, когда вернутся домой.

Предвидение Жанны сбылось: через год с небольшим после расстрела Лябурб, в Туре родилась Французская коммунистическая партия. По решению Политбюро всем участникам черноморского восстания, вступившим в ФКП, партийный стаж исчислялся со дня восстания.

IV

Вернувшись домой, Вильдер продолжал интересоваться, как идет сбор материалов, советовал, к кому еще из живых участников одесского подполья следует обратиться, где искать письма французских солдат.

Их могли перепечатать центральные газеты в феврале или в марте девятнадцатого года. Проверяю это предположение.

Нет для меня более приятного и увлекательного занятия, чем чтение периодики первых лет Советской власти. Сколько газетных полос-ветеранов просмотрено, прочитано за прожитые годы! Нередко я открываю в них для себя что-то новое, а иногда и старое, забытое, уже, может быть, кем-то до меня открытое, но не ставшее достоянием широкого читателя.

Подчас краткое сообщение с фронта гражданской войны или хроникерская заметка о подвиге, совершенном в боях за родину, побуждает месяцами разыскивать архивные документы, пересекать в поисках живых свидетелей огромную страну из конца в конец.

А тут — письмо французских солдат. Письмо-исповедь, адресованное одесским пролетариям. Письмо — вызов главарям интервенции от тех, кого они так беспардонно обманули.

Осторожно, не торопясь листаю февральскую подшивку «Известий ВЦИК». Нет-нет, да и появляется в них сжатая до предела информация РОСТА о положении в Одессе.

В номере за 19 февраля с небольшим опозданием помещена информация о настроениях во французских войсках.

Озаглавлена заметка «Французские солдаты в Одессе».

«Киев, 13-го февраля. «Киевский коммунист» сообщает, что в Одессе часть французских войск открыто высказывает нежелание идти против Советской России. Настроение солдат характеризуется таким случаем: несколько французских солдат читали только недавно вышедшую на французском языке газету «Коммунист», проходивший лейтенант выхватил газету, ударил солдата. Собравшаяся толпа французских солдат убила офицера и бросила в море».

Не все французские офицеры вырывали из солдатских рук газету «Le communiste». Не все пускали в ход кулаки. Не всех офицеров разгневанные солдаты бросали в море.

Бывали и другие примеры. Об одном случае написал Владимир Деготь в своей книге «Под знаменем большевизма. Записки подпольщика»: «У меня была газета «Коммунист»,— рассказывал автору один французский солдат,— которую я и мои товарищи уже прочитали. Бросать было жалко; я решил, что моему полковнику тоже не мешает ее прочитать. Утром кладу эту газету на стол. Как видно, полковник прочел ее с большим вниманием, потому что часто говорил своим офицерам: «Я тоже большевик, если большевизм заключается только в том, чтобы не драться с русскими и что можно уехать домой к своей жене. Черт знает, что такое! Немцев прогнали, а нас прислали сюда»».

Не драться с русскими! Возвращаться домой, к семье!.. Если эти «крамольные» мысли с помощью коммунистической газеты пусть с опозданием, но дошли и до полковника французского экспедиционного корпуса, то многие солдаты и матросы к такому выводу пришли раньше.

В мартовской подшивке «Известий» натыкаюсь на примечание от редакции, набранное петитом: «Настоящее обращение на французском языке было передано

в редакцию «Коммуниста» (изд. нелегально в Одессе) нашими французскими товарищами».

Как жаль, что осталась только сноска, а самого обращения в подшивке нет. Чья-то варварская рука полоснула бритвой по газете, вырезав ценный документ.

В Государственной публичной исторической библиотеке получаю другой комплект «Известий». Он цел-целехонек. В разделе «Иностранная жизнь» напечатано обращение французских солдат. Газета справедливо назвала их нашими французскими товарищами.

«Мы хотим рассказать правду о нашем так называемом добровольном пребывании в Одессе...

Перемирие, заключенное 11 ноября[1], было нами встречено с чувством облегчения, как конец кровавой бойни. Но ярмо военной дисциплины не только не стало для нас легче, а напротив, мы почувствовали его гнет сильнее, чем когда-либо: не будучи в состоянии одуматься еще, мы очутились в России, чтобы здесь свершить,— мы это сознаем теперь,— самое большое и самое позорное посягательство на жизнь и свободу рабочего класса, к которому мы сами все принадлежим.

Прибыв в Одессу неосведомленными о намерениях правительства, мы были все в полном неведении относительно политической обстановки в городе.

18 декабря, слепо повинуясь прислужникам капитала — офицерам, мы нагло надругались над теми, которых мы еще не знали, но которые ведь являются представителями нарождающейся истинно социалистической республики. Простите, товарищи и братья, не считайте нас убийцами, ведь 18 декабря мы не понимали, зачем собственно мы открываем огонь...»

Сказано точь-в-точь, как в типографском оттиске, найденном в банке из-под леденцов.

И дальше:

«Но мы вправе спросить: почему, когда во главе России находился император, деспот, наше правительство было в дружбе с Россией, а сегодня все переменилось.

Ведь известно, что существует Советская республика.

Разве две наши республики не сестры?..»

Обращение французских солдат в редакцию газеты заканчивалось следующими словами:

[1] В этот день в 1918 году во Франции, в Компьенском лесу, Антанта заключила перемирие с Германией.

«Можем надеяться, что в ближайшие дни мы сможем рассказать точно о происходящем и открыть наконец глаза всем французским рабочим, умы которых отуманены сплошной ложью правительственной прессы.

Мы желаем поспешить скорее с помощью Советской республике, которая является одна только истинно демократической и социалистической республикой.

С товарищеским приветом группа французских солдат».

И солдаты Франции, осознавшие свою вину, действительно спешили. Спешили публично признать, что были жестоко обмануты своим правительством и потому надругались над теми, кого не знали и кто является представителями истинно социалистической революции.

Тут же, в библиотеке, заказываю сразу три фотокопии: две для Одессы, одну для себя.

Ясно представляю себе, как порадуются Питерский и его помощники — юные следопыты, когда узнают, что это и есть то самое письмо, которое было отпечатано им под землей на примитивной «американке».

V

Не год, не два, а больше прошло с тех пор, как спускались мы с Питерским в катакомбы. И вот — срочная телеграмма из Одессы.

Дирекция областной библиотеки имени Горького приглашала принять участие в читательской конференции, посвященной моим книгам о людях высокого интернационального долга.

Пытливый, доброжелательный читатель вел на конференции разговор не только о написанном и изданном. Многие интересовались, над чем работает автор. Еще до того, как книга увидит свет, читатель хочет знать, что будет в ней рассказано, а если надо, он готов помочь автору в распутывании запутанного, в разгадывании неразгаданного.

За годы поисков я получил не одну тысячу писем. Часть из них, наиболее для меня ценных, хранится в нескольких папках, озаглавленных «Читатель дописывает, уточняет, оспаривает...»

Каждый раз, перечитывая читательские отклики, я ощущаю идущее от них тепло, образно говоря, греюсь

подле них. Греюсь и в дни удач и особенно в дни творческих мук, разочарований...

На встречу в одесский Дом ученых были приглашены литературоведы, историки, участники одесского большевистского подполья.

Войдя в уютный зал, я надеялся встретить здесь старых знакомых. Ищу глазами Питерского, не нахожу. Спрашиваю у организатора встречи. Как здоровье последнего из могикан [1]?

— А вы разве не знаете? Его уже больше года как нет...

Минута тягостного молчания.

Не вижу в зале и старого большевика Сапельникова, «хозяина» явочной квартиры.

— Григорий Ильич собирался, но, как на грех, сильно простудился. Врач не разрешил.

Сначала разговор шел об интернационалистах — Олеко Дундиче, Ярославе Гашеке, Карое Лигети — героях моих поисковых книг. Потом спросили о ненаписанном. Я коротко рассказал о Жанне Лябурб и ее товарищах из Иностранной коллегии; о последнем заседании, на котором обсуждался вопрос о предстоящем восстании.

Вооруженные рабочие, красные партизаны, революционно настроенные французские моряки и солдаты готовились сообща выступить против интервентов и белогвардейцев, поддержать наступающую на Одессу Красную Армию. К концу февраля Иностранная коллегия установила связи с воинскими частями и экипажами кораблей [2], стоявшими на одесском рейде. В одних под-

---

[1] Нет, не последний! Из названных в книге рабочих тайной типографии остался в живых лишь один — Николай Иванович Савостин. Его след помог обнаружить участник одесского подполья А. Райтер. Поселился Н. Савостин на моей родине, в Полтаве, на Фрунзенской улице, где я не раз бывал, не догадываясь, что там живет нужный мне человек. Н. Савостин набирал листовки на греческом языке, по нескольку суток не выходил из катакомб. «Оккупанты и белогвардейцы,— вспоминал он,— обещали вознаграждение в десять тысяч рублей золотом тому, кто укажет место нахождения типографии, но в катакомбах типография сохранилась вплоть до прихода Красной Армии».

[2] Через год с небольшим после расстрела Жанны и ее товарищей во французской палате депутатов выступил морской министр Ландри: «События приняли очень серьезный характер. На кораблях были подняты красные флаги, избраны делегаты,

разделениях были созданы партийные ячейки, в других — комитеты и группы революционного действия, ждавшие сигнала.

Жанна верила в скорую победу и, выступая на заседании, заявила, что мечтает о том дне, когда большевики вернутся в Одессу, прогонят интервентов и белогвардейцев, и тогда она спокойно сможет уехать на родину, чтобы рассказать французскому пролетариату правду о русской революции.

...Тем временем записки одна за другой ложились на стол президиума. Была среди них одна, напечатанная на машинке, по-видимому приготовленная заранее: «Знакомы ли вы с книгой «Рассвет над морем»? Согласны ли вы с ее автором Юрием Смоличем, что Жанна всегда занимала самые рискованные и нетерпеливые позиции: настаивала в ревкоме не ожидать приближения Красной Армии к Одессе, а полагаться только на силы подполья, на поддержку населения, на революционные элементы французского гарнизона? Предлагала начать восстание немедля... Согласны ли вы с этим утверждением?»

— Нет, не согласен...

— А где доказательства? — последовал вопрос из зала.

— Они здесь, со мной,— сказал я, показывая журнал «Борьба классов» за тридцать четвертый год, подаренный мне одесским книготорговцем.

Раскрываю журнал на том месте, где говорится о приближении частей Красной Армии к Одессе, о подготовке к вооруженному восстанию одесских рабочих и солдат французского гарнизона. «К этому осторожно и продуманно начал готовиться Одесский областной комитет,— вспоминала секретарь подпольного обкома.— После тщательного обсуждения каждой кандидатуры было намечено около десятка наиболее проверенных французских солдат из различных частей, которых областком решил собрать для наметки дальнейшей организационной работы в частях и подготовки их вооруженного выступления».

матросы совершенно перестали считаться с командирами. Это было восстание в полном смысле слова. Правда, оно повсюду длилось недолго и не повлекло за собой каких-либо непоправимых последствий. Но нельзя без дрожи подумать о тех последствиях, которые оно могло бы иметь».

Разве мог подпольный обком решать эти вопросы без Иностранной коллегии, без Жанны? Кому, как не ей, были хорошо известны французские товарищи, на которых можно было опереться при организации восстания.

Далее Соколовская писала, что восстание «должно было произойти одновременно с выступлением партизан и рабочих. 28 февраля все работники Иностранной коллегии должны были вечером оповестить намеченных товарищей о собрании, назначенном на второе марта... Накануне этого дня бюро Иностранной коллегии заседало в одной из конспиративных квартир областкома. В маленькой комнатке, составлявшей помещение «хозяина» молочной, одного из подпольщиков — рабочих, Жанна Лябурб, т. Залик и пишущая эти строки после обсуждения ряда оргвопросов беседовали о предстоящем выступлении. Жанна горела страстным нетерпением, ни на минуту не сомневаясь в успехе восстания. Сознавая серьезность и опасность предстоящего дела, огромные трудности подготовки и руководства восстанием в частях французского гарнизона, этот неуемный боец был во власти одной ослепляющей идеи — поднять красный флаг социалистической революции не только над Одессой, но и над судами французского военного флота, стоящими на одесском рейде... Этот красный флаг должен вызвать отклик на заводах Франции, Германии, Англии; красная французская эскадра, идущая из Одессы в Марсель, может стать прологом социалистической революции во Франции, а вслед за ней и в других странах капиталистического мира...

— Разве это невозможно? — спрашивала она, глядя на нас горящими глазами.

Эта сорокалетняя женщина заражала нас своим юношеским пылом и волей к борьбе.

Наше свидание с Жанной было последним».

Из воспоминаний Елены нельзя сделать вывод, что Лябурб в вопросах восстания «всегда занимала самые рискованные и нетерпеливые позиции», шла вразрез с линией подпольного обкома [1].

---

[1] В письмах к участнику одесского подполья А. Райтеру, опубликованных в «Вечерней Одессе» в 1975 году, Ю. Смолич объясняет первопричину отдельных ошибок: «Писал я книгу «Рассвет над морем» еще в 50 году, когда архивы не были широко открыты и достоверные факты приходилось добывать с

Что касается желания этого «неуемного бойца» скорее увидеть красные флаги на здании казарм, где размещались десантные войска, и над кораблями французской эскадры — было не только желанием Жанны. Этого хотела, этого неустанно добивалась вся одесская партийная организация, каждый коммунист в отдельности. Точно так же и стремление Лябурб поскорее увидеть победу пролетарской революции во Франции и в других странах. Кто не мечтал тогда о мировой революции! Кто не стремился освободить весь мир от произвола и угнетения!

В то время в нашей стране повсеместно возникали КСМР — кружки содействия мировой революции. Она была мечтой многих наших отцов и матерей, мечтой Жанны Лябурб, заражавшей всех одесских подпольщиков «своим юношеским пылом и волей к борьбе».

Но я бы покривил душой, если бы не сказал, что семью годами раньше, до того, как появилась статья в журнале «Борьба классов», тот же автор писал: «По прошествии примерно двух недель мы организовали довольно серьезную силу из французов, и она думала (читай: Ж. Лябурб.— *А. Д.*), что можно, не дожидаясь естественной развязки, в виде прихода красных войск, внутренним восстанием взять власть».

Думать — одно. Но занимать самые рискованные и нетерпеливые позиции в организации восстания, как утверждает Ю. Смолич,— совсем другое. Думать о внутреннем восстании Жанна, конечно, могла; и в этом нет ничего зазорного. А предлагать, настаивать на этом — вряд ли.

VI

После встречи в Доме ученых у меня нашлось немало помощников, готовых вместе искать материалы о Жанне Лябурб, восстанавливать правду о ней.

Вместе —это большая радость. Вместе с новыми друзьями я побывал в здании бывшей молочной, где в комнате ее «хозяина», одесского рабочего, проходило заседание Иностранной коллегии и где Жанна произ-

---

великим трудом... За сорок лет многое стерлось из памяти, о многом совершенно исчезли документы. А так хочется, чтобы современный читатель получил о прошлом, прекрасном нашем прошлом, книгу, наиболее близкую к правде!»

несла взволновавшую всех речь. Вместе посетили дом и на Пушкинской, куда поздним вечером она вернулась усталая, окрыленная после всех принятых решений.

О квартире на Пушкинской, 24, о тех, кто постоянно жил в ней, был у меня недолгий разговор с одесским историком Владимиром Григорьевичем Коноваловым, который утверждал, что семья Лейфман никакого отношения к революции не имеет [1]; пострадала она только потому, что старуха сдавала комнату Жанне Лябурб.

Поверив рассказанному, я поначалу не проявлял интереса к тем, кто сдавал комнату Жанне Лябурб. Но поговорив с Верой Ивановной Нелень, побывав в квартире тринадцать, заинтересовался ими.

Небольшой приземистый дом. Квартира тринадцать — двухкомнатная, первая — проходная, окна второй упираются в глухую каменную стену, лишавшую ее обитателей дневного света.

Вера Ивановна хорошо помнит большую трудовую семью рабочего-кожевника Лейфмана: его жену, без устали, как пчелка, хлопотавшую с утра до вечера по дому; трех дочерей, состоявших в профсоюзе, работавших иглой; сына — токаря по металлу, со смешным именем Перец; жену сына, тоже швею.

— Семья немаленькая, семь взрослых,— продолжала Вера Ивановна,— жила в такой тесноте, что лишней табуретки не поставишь, а коммунистку из Франции приютили, приняли как родную. Думаете, они не знали, что за такое гостеприимство городские власти по головке не погладят. Тогда по всей Одессе на тумбах и заборах были наклеены строжайшие приказы: большевики объявлялись вне закона, а тем, кто их прятал, грозил расстрел.

Когда Жанна поселилась у них, главного кормильца семьи не было, уехал куда-то на заработки. Перец записался добровольцем в Красную Армию. Остались одни женщины. Из пятерых уцелела лишь Клара, жена Переца.

— Жива ли она?

Мысль работает: если отыщу ее, удастся узнать коекакие подробности о житье-бытье Лябурб на Пушкинской.

---

[1] Подобное утверждение есть и в повести крымского литератора В. Балахонова об Александре Вапельнике «Кавалер ордена Почетного легиона».

— Думаю, жива. Только где сейчас находится, не знаю.

— А как ее фамилия?

— Как фамилия? — повторяет Вера Ивановна, потирая лоб.— Не вспомню. Прежнюю она поменяла. Перец в тот год погиб на фронте. Молодка победовала-победовала и вышла замуж за красного командира, в мирное время он два ромба носил. С ним она куда-то уехала: не то на Дальний Восток, не то в Заполярье. Теперь ее найти трудно, людей у нас — океан.

Верно, найти человека в безбрежном людском океане только по одному имени — дело непростое. Однако кое-какие волны этого «океана» докатились до меня. Одна пришла из столичного театра, возобновившего постановку спектакля «Интервенция».

Когда раздвинулся занавес, зрители обратили внимание на красное полотнище с именами и фамилиями жертв интервенции — не с теми, что значились в театральной программке, а с подлинными.

И вдруг из глубины зала пошел по рядам взволнованный шепот:

— Нет ли у кого валидола? Женщине плохо...

Нашелся нитроглицерин. Снова воцарилась тишина.

Случилось это с пожилой женщиной, как только она увидела в списке близких людей. Тут и у здорового, молодого человека нервы не выдержат.

Кто эта женщина? Кто из расстрелянных в Одессе так тронул ее больное сердце?

Перебирая в памяти известные мне фамилии, останавливаюсь на вдове Жака — Софье Яковлевне Елиной. После его отъезда в Россию она оставалась в Париже с двумя дочками — восьмилетней Верой и пятилетней Жаклин, родившейся во Франции. Со дня на день, с часу на час ожидала вызова. Никаких вестей: ни вызова, ни горестного сообщения о том, что послать его уже некому... Полное неведение. Луч надежды принесла утренняя газета: из Москвы во Францию направлена миссия Всероссийского Красного Креста, в ее составе находится Арманд. Инесса знала одесского рабочего Жака, бывала в его семье, жившей на улице Мари-Роз, на той же, где жили Ильичи.

Софья Яковлевна надеялась, что делегация прибудет в Париж и тогда она сможет узнать от Инессы, что с Жаком.

Советским делегатам было поручено выручить русских солдат, застрявших после первой мировой войны во Франции. А их было немало — около шестидесяти тысяч. Французское правительство всячески тормозило отправку в Россию, пытаясь сделать из них наемных солдат.

Но Инесса и ее спутники в Париж не попали. Как только они сошли с парохода, тут же были интернированы: полиция не спускала с них глаз, мешала установлению контактов с русскими солдатами, семьями политэмигрантов.

О трагической судьбе Жака Инесса тогда не знала. Она находилась в пути, когда в Москве открылся VIII съезд партии: не слышала взволнованного выступления капитана Садуля о гибели Жанны и ее товарищей, не видела озабоченного Владимира Ильича, слез Александры Коллонтай, не донеслись до ее слуха из стен Свердловского зала печальные слова похоронного марша, исполненного делегатами съезда...

Когда семья Елина вернулась в Россию, Инесса разыскала ее, позаботилась, чтобы дети Жака не чувствовали себя сиротами. Софье Яковлевне помогли устроиться на работу, детей определили в детский дом. Со временем Вера и Жаклин выросли, получили высшее образование, стали инженерами, уважаемыми людьми.

Софья Яковлевна умерла в пятьдесят девятом году, а случай в московском театре произошел значительно позже.

Может быть, одна из ее дочерей присутствовала в тот вечер на спектакле? Выясняю. Жаклин и Вера были в это время в Ленинграде.

А может быть, вдова Мишеля? Вряд ли. Она уже много лет безвыездно живет в Одессе. Там же детским врачом работает внук Штиливкера.

Дубинский, Винницкий, Вапельник не успели обзавестись семьями: они ушли из жизни неженатыми. А их родители давно умерли.

Кто же эта женщина? Все больше склоняюсь к мысли, что это могла быть Клара, уступившая Жанне место в квартире. Но где ее искать? Возможно, она живет в Москве или гостила здесь, а потом уехала в неизвестном направлении?..

До войны видел «Интервенцию» в театре Вахтангова, а в послевоенное время этот спектакль привез в сто-

лицу театр из Дзержинска. Следовало бы посмотреть в третий раз. И тогда наверняка познакомился бы с той женщиной, поговорил о Жанне. Ведь так мало осталось людей, лично знавших Лябурб!..

В списке людей, которых я искал не один месяц, значился старый большевик Южный — бывший начальник разведки Одесского подпольного обкома. Его фамилия несколько раз упоминается в сборнике «Октябрь на Одесщине», выпущенном Истпартотделом Одесского окркома еще в двадцать седьмом году. Во вводной статье к этому, теперь редчайшему, изданию говорилось: «Из имеющихся в Истпарте до 700 воспоминаний об Октябрьской революции и гражданской войне попали в сборник весьма немногие».

В числе немногих — Южный. Я думал, что он, как и Соколовская, вспомнит о Жанне, о встречах с нею. Ан нет. Написал совсем о другом — о работе коллегии Одесского народного комиссариата труда.

Если не в этой статье, то, возможно, в других Южный вспоминал о француженке. Нахожу его подпись под письмом в редакцию «Пролетарской революции» за двадцать седьмой год. Вместе с Соколовской, Деготем, Балкуном Южный критиковал историка А. Гуковского за допущенные в его исследовании об интервенции отдельные ошибки.

Южный! Настоящая ли это фамилия? А может, партийная кличка? Ведь в одесском подполье были и Северный, и Западный, и Восточный — можно сказать, представители всех сторон света.

Так оно и оказалось: настоящая фамилия бывшего начальника партийной разведки Горенюк.

Выходит, надо искать Южного-Горенюка или Горенюка-Южного. И тут опять помог случай. Как-то на яркой афише, выставленной на Красной Пресне, я прочел извещение о выходе новых книг издательства «Наука». Среди десятка названий — сборник «Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции», составленный из материалов Всесоюзной научной конференции историков.

Купил сборник, стал просматривать. В предисловии прочитал: «Старый большевик, участник революционных событий в Одессе И. Э. Южный-Горенюк остановился на ответственности работников литературы и искусства, создающих в отдельных своих произведениях

далекие от исторической правды образы положительных и отрицательных героев. Эти образы, оказывая затем влияние не только на широкую публику, но и на отдельных историков, постепенно приобретают искаженные черты и в исторической науке».

Участник революционных событий в Одессе! Старый большевик, живет в Москве.

Интуиция подсказывала: выступавший перед историками И. Э. Южный-Горенюк, должно быть, и есть бывший начальник разведки Одесского подпольного обкома.

Иду в городское адресное бюро, вполне уверенный, что на этот раз не услышу огорчительных слов: «В Москве не проживает...»

Без промедления получаю исчерпывающую справку:

«Иосиф Эммануилович Южный-Горенюк, 1894 года рождения. Прописан в Москве, по Бережковской набережной, в доме номер сорок...»

Да, именно Южный-Горенюк оказался тем человеком, который был мне нужен.

Жанна и Ратков пришли к начальнику партийной разведки сразу же по прибытии в Одессу. Южный их ждал на Провиантской, на явочной квартире. Ему было поручено рассказать об обстановке, сложившейся в Одессе после высадки французских войск: в какой местности дислоцируются части экспедиционного корпуса, какие военные корабли стоят на внутреннем, какие на внешнем рейде, где размещены отдельные воинские подразделения, состоящие из марокканцев, сенегальцев, алжирцев.

Ратков слушал Южного молча, положив на краешек стола свои большие натруженные руки. Когда он сжимал кулаки, они напоминали пудовые гири.

Задавала вопросы, высказывала свои предположения Жанна. Оживленно жестикулируя, она почти не сидела на месте: поднималась, снова садилась...

— Жаль, что видел ее всего несколько раз, да и встречи были короткими,— с грустью в голосе произнес Южный.— Но запомнилась она мне надолго, на всю жизнь!

Иосиф Эммануилович в упор посмотрел на меня:

— А вы бывали на Пушкинской, 24, в Одессе! Заходили в тринадцатую квартиру? Видели, в каких условиях жила Жанна?

Мне показалось, что Южный решил проверить, насколько глубоко и серьезно ведется поиск.

— Бывал...

— А вот эту заметку читали? — Южный протянул мне вырезку из газеты «Одесские новости».

Стремясь сохранить видимость объективности, буржуазная газета сообщала об одесской трагедии: «В двенадцать с половиной часов ночи, под воскресенье, небольшой автомобиль грузового типа промчался по Большой Фонтанской дороге по направлению к тюрьме. На автомобиле было несколько молодых женщин, окруженных несколькими вооруженными мужчинами. Автомобиль остановился на расстоянии 60 саженей от вторых ворот еврейского кладбища. Женщин стащили с автомобиля и поставили у дерева для расстрела. Одна из женщин истерически кричала. Отойдя на несколько шагов, вооруженные произвели залп, коим все женщины были убиты.

Автомобиль умчался, но вскоре прибыл второй автомобиль, на котором вооруженный отряд вез пять мужчин. Автомобиль остановился на расстоянии двадцати пяти саженей от кладбища. Мужчины, преимущественно молодежь, были поставлены у фонарного столба и расстреляны...

Все одиннадцать трупов расстрелянных возле еврейского кладбища были доставлены в морг, где среди убитых была опознана родственницей семьи Лейфман: мать-старушка с дочерьми, их знакомый Швец и одна французская подданная, фамилии которой опознавшая не помнит... Семья Лейфман проживала по Пушкинской улице в доме номер 24, квартира 13. Из этой квартиры все они были увезены в автомобиле и расстреляны. Две девушки из числа расстрелянных, Вера и Геся Лейфман, состояли членами Союза работающих иглой. Одна из девушек недавно прибыла из Москвы».

Недавно прибыла из Москвы. Это уже ниточка. Не с Жанной ли она приехала в Одессу? Не с ней ли дорогой разговаривала на французском?

Высказываю эту гипотезу Южному.

— Могло быть,— ответил он.— Лучше об этом спросите их близкую родственницу, невестку...

— Не Клару ли? — назвал я имя, слышанное в Одессе.

— А что, вы ее знаете?

— Нет, а ищу давно.

— За чем же дело стало? Клара Малкус живет в Москве. Поезжайте до станции «Сокол», а там на двадцать третьем трамвае.

— Чем она теперь занимается?

— Как говорят, на заслуженном отдыхе. Назначили персональную. В партии она с девятнадцатого, и все на активной работе. Теперь уже здоровье не то, часто хворает.

Открываю блокнот, хочу записать адрес.

Южный останавливает:

— Одну минуточку! — и идет к телефону.— Не в больнице ли она?

— Клара, здравствуй! Это я. Как здоровье? С тобой хочет поговорить один товарищ (Южный назвал мою фамилию). Расскажи ему о Жанне. Ты ее не забыла?

Южный протянул мне трубку.

— Ее, забыть? — услышал я продолжение разговора.— Такая была приветливая!.. Как вошла в нашу темную квартиру, сразу посветлело. Ты меня слышишь?

Пауза. Я сказал, что у аппарата не Южный, что мне надо срочно поговорить с ней о Жанне Лябурб.

— Как она оказалась в вашей квартире?

— Не оказалась...— вежливо поправила меня Клара Малкус.— Ее привезла дочь Лейфманов — Ревекка. В нашей квартире Жанна встречалась с некоторыми товарищами по подполью, а девочки ей помогали.

Все услышанное не вязалось с тем, что рассказал мне историк Коновалов при первом нашем знакомстве: в его представлении Жанна была обычной квартиранткой, снимавшей комнату на Пушкинской.

— Снимавшей? — вспылила Малкус.— Моя свекровь не взяла с Жанны и копейки. Я ей свою кровать уступила. Сама ночевала у подруги. Лябурб жила с девочками в одной комнате, учила французскому языку. Остался даже учебник с пометками Жанны.

— Учебник цел?

— К сожалению... Вы напомнили мне одно место из книги Коновалова «Елена». Подождите минуточку у телефона.

В трубке послышался шелест переворачиваемых страниц.

— Вот, нашла. Сто шестьдесят четвертая страница. Здесь перечисляются фамилии погибших работников

Иностранной коллегии. И тут же говорится, что одесские рабочие устроили Лябурб торжественные похороны. Куда правильнее и точнее было бы сказать, что торжественные похороны были устроены всем членам Иностранной коллегии, погибшим в один день и час за общее дело.

Я был согласен с ней. Нельзя все приписывать одному человеку: Жанна не смогла бы сделать и сотой доли того, что сделала, если бы одна вела пропаганду среди матросов и солдат. В этой работе участвовали сотни одесских коммунистов и им сочувствующих.

После паузы Малкус посоветовала прочесть статью о семье Лейфман в «Одесском коммунисте»:

— В ней Клименко...

Разговор на этом оборвался. В трубке уныло загудел зуммер.

Несколько раз я пытался набрать названный Южным номер, но в трубке по-прежнему раздавались протяжные гудки. Наконец мне ответил голос, но уже другой, молодой:

— Маму с сердечным приступом увезли в больницу.

Я стал извиняться, предполагая, что длинный телефонный разговор мог разволновать ее мать.

— Нет, нет, вы совсем не виноваты. У мамы часто бывают приступы. Один случился совсем недавно в театре, на спектакле «Интервенция». Она глубоко переживает все, что связано с одесской трагедией. Скажите ваш номер телефона, мама вернется и обязательно позвонит.

Я положил трубку, посмотрел на Южного. Он изменился в лице. Многих сверстников, участвовавших в работе одесского подполья, он проводил в последний путь. А смерть все ходит вокруг, все косит и косит...

VII

Прерванный на фамилии Клименко телефонный разговор вернул меня в далекое детство. Вспомнилась встреча с Иваном Евдокимовичем в полтавской школе, захвативший всех нас, юных ленинцев, рассказ о неизвестной француженке Жанне и о тех, кто бесстрашно боролся и погиб вместе с ней за правое дело.

В Одессе Клименко избирался председателем подпольного ревкома, а когда в городе снова утвердилась

Советская власть, Иван Евдокимович стал председателем сначала Одесского губревкома, а потом губернского исполкома.

Смолоду Клименко тянуло к журналистике. Занимая ответственные посты, он активно сотрудничал в «Одесском коммунисте», состоял членом его редколлегии. Вполне возможно, что он мог написать заметку или статью о тех, с кем работала Жанна и вместе погибла.

В первую годовщину расстрела членов Иностранной коллегии «Одесский коммунист» поместил небольшую статью, озаглавленную «Светлой памяти семьи Лейфман», в которой отмечалось: «...Семья Лейфман высоко держала знамя революции до последнего вздоха и свой революционный долг исполнила не только перед рабочим классом Одессы, но и перед рабочим классом Франции».

Под статьей подпись — Наборщик. Возможно, это был псевдоним Клименко?

— Так оно и было,— подтвердила Малкус, когда я прочел ей выдержки из газеты.— Все правильно. Действительно, у нас собирались интернационалисты и возглавляла их Жанна. Старушка, как могла, помогала девочкам вести подпольную работу, а они — Жанне. Об этом известно было Ивану Евдокимовичу. Он, хорошо знавший нашу семью, мог быть автором статьи.

О случившемся в тринадцатой квартире Клара узнала утром, после ночного дежурства в клубе «Иглы». Потрясенная страшной вестью, она поспешила на Пушкинскую в надежде, что услышанное не подтвердится.

Дверь была опечатана. Соседка рассказала, что поздно вечером контрразведчики оцепили дом, перевернули вверх дном всю квартиру. Пока шел обыск, ни со двора, ни во двор никого не впускали.

Потом всех, со связанными руками, вывели на улицу и увезли на Екатерининскую площадь, где находилась одна из контрразведок, действующих в городе,— французская.

Клара металась по городу, искала товарищей по подполью. В полдень от рабочего, живущего на Сахалинчике, она узнала, что в морг доставлены «трупы неизвестных лиц», расстрелянных в ночь на 2 марта у кладбищенской стены.

«Может быть, это наши»,— подумала Клара и побежала в морг. И... О, ужас! На трупах — таблички:

«неизвестный», «неизвестная», но для нее все были известными! Она опознала свекровь, ее трех дочерей, учительницу Лиман и Жанну, хотя лицо ее было изуродовано и обезображено до неузнаваемости. И все же узнала: по темным с проседью кудрям, по старенькому коричневому пальто, которое не раз примеряли по очереди все девочки: им нравился парижский покрой.

Но фамилию француженки она не назвала: не хотела, чтобы враги ликовали. Потому-то «Одесские новости» вынуждены были ограничиться кратким сообщением, что среди убитых «одна французская подданная, фамилии которой опознавшая не помнит».

— Да, я не подала виду, что знаю ее. Как же я тогда могла не помнить имени, если до сих пор помню все до мельчайших подробностей? Помню даже, как Жанна писала прокламации: то быстро-быстро вела рукой по листочкам из ученической тетради в три косых, то, остановившись, начинала писать медленно, обдумывая каждое слово, каждую фразу, чтобы яснее выразить свою мысль, чтобы убедить французских солдат и матросов в правоте нашего дела.

Как-то за ужином мы стали просить ее вести себя поосторожнее. А Жанна ответила, что она любит жизнь, любит свободу, но ни ареста и даже смерти не боится. Она верила в своих земляков. Если, не дай бог, ее схватят белогвардейцы, французские солдаты в обиду не дадут — выручат!.. Их деды сумели приступом взять королевскую Бастилию, а они-то уж наверняка возьмут штурмом одесскую тюрьму. Если дело дойдет до суда, то она раскроет правду, скажет, что не для того она здесь находится, чтобы защищаться, а для того, чтобы обвинять. Повторила: «Суд не оправдает, освободят французские солдаты и матросы. Надо им только дать знать, они выручат!»

Лябурб произносила слова «они выручат» с такой внутренней уверенностью, что Клара подумала: «А может быть, Жанна по-своему права?»

Было же нечто подобное с Жаком Елиным. Его выручили французы. Поздно вечером Елин возвращался из кабачка «Открытие Дарданелл». До дома оставалось несколько сот метров. И вдруг из-за угла вынырнул белогвардейский патруль и предложил Жаку следовать в полицейский участок. Увидев проходивших мимо французских офицеров, Елин обратился к ним: «Месье! Я —

гражданин Франции. Они задержали меня, хотят отвести неизвестно куда!..» И его отпустили...

«Одесский замок» — не Бастилия. Из «замка» можно, в конце концов, вырваться. В декабре восемнадцатого года Клименко, выступая на митинге в цирке, призывал пойти всем миром и освободить политзаключенных, томившихся в городской тюрьме и в каталажке бульварного полицейского участка.

Призыв был поддержан. Прямо с митинга огромная толпа с красным знаменем двинулась к полицейскому участку. При виде такой внушительной демонстрации полицейские дрогнули, стали открывать ворота и выпускать на волю всех политических.

То же самое произошло в «Одесском замке», когда демонстранты явились туда. Охрана разбежалась, а коммунисты и все, кто им сочувствовал, были освобождены.

Попади Жанна в беду, ее, конечно, выручили бы не только французские солдаты, но и одесские рабочие. А как она могла дать им знать? Все свершилось молниеносно. Трусливые убийцы торопились справить тризну: они использовали ночь, чтобы потом замести следы, объявить, что совершенное ими злодеяние — дело рук местных бандитов. Поэтому в заметке «Массовое убийство» те же «Одесские новости» сообщали: «...Тела расстрелянных отправлены в морг. Ни у кого из расстрелянных документов не оказалось. По распоряжению властей приняты энергичные меры по выяснению личностей убитых и обстоятельств этого кошмарного случая».

Осмотр трупов устраивался не столько для опознавания, сколько для выявления тех, кто был связан с расстрелянными.

Несколько по-другому информировала своих читателей «Одесская почта». Газета сообщала, что у стены лежало шесть убитых женщин и четверо мужчин.

«...Неподалеку от кладбища на пустопорожнем участке обнаружен пятый труп мужчины. Последний, будучи ранен, успел, по-видимому, отползти на некоторое расстояние от места расстрела, но тут же скончался.

На трупах сохранились платье, обувь, и, таким образом, предположение о том, что пали жертвой грабежа, отпадает».

В другой заметке «Еще о расстреле 11 человек» «Одесская почта» сообщила: «Среди 11 расстрелянных опознана вчера француженка-католичка... Передают, что расстрелянная прибыла из Москвы и ее подозревают в большевизме. За ней все время следили...»

Следили не только когда Жанна была жива, но и тогда, когда она была мертва. Страшились, как бы одесские рабочие не устроили торжественных проводов погибшим за правое дело. Поэтому поздно вечером, когда город отходил уже ко сну, в морг прибыли полицейские. Они разогнали дежуривших здесь родственников: хотели тайком увезти трупы, чтобы похоронить их до того, как придут на кладбище рабочие с фабрик и заводов.

Об этом «заботился» и одесский градоначальник генерал Гришин-Алмазов, доносивший в вышестоящие инстанции: «В связи с сегодняшними похоронами можно ожидать крупных демонстраций. По полученным сведениям, несколько заводов прекратили работы. Некоторые на похороны предполагают явиться вооруженными...

Меры: сообщено 1) в штаб бригады о готовности на случай беспорядков; 2) французскому командованию».

А как реагировало на надвигающуюся грозу французское командование? Пособник интервентов М. Маргулиес в сборнике «Французы в Одессе» привел запись разговора с начальником французской контрразведки Порталем: «Заходил в шесть часов Порталь... Боится завтрашних похорон новых жертв расстрела (три) — среди них одна француженка, заведомая большевичка. Вартовцы[1] собрали все трупы расстрелянных за разные преступления за эту ночь (в общем 11 человек)... немедленно создалась легенда о расстреле большой группы случайных гостей у трех девушек-портних. Легенда эта подхвачена прессою, и в городе естественное возмущение... Порталь вызывал Брайкевича[2] и просил похоронить расстрелянных раньше назначенного часа... Порталь спрашивал, не будет ли столкновений с населением: «В Париже несколько гробов вместе — это обеспеченная революция». Ее больше всего боялись интервенты.

Малкус помнит, как в день похорон на кладбище пришли друзья погибших и те, кто им сочувствовал.

---

[1] Вартовцы — охранники.

[2] Брайкевич — городской голова Одесской думы.

Впрочем, об этом рассказала и Елена Соколовская в своих воспоминаниях: «Наша организация тоже была на похоронах, несмотря на запрещение комитета. Это был такой момент, когда совершенно не сознавалась опасность, во всяком случае, личная опасность, да и отчасти и общая».

— Не сознавалась она прежде всего самой Соколовской,— сказала Клара Малкус,— но об этом поговорите лучше с нашим комсомольцем Мишей Гариным. Он в Москве, печатается в «Известиях»...

VIII

«Наш комсомолец» — теперь коммунист с более чем полувековым партийным стажем, один из старейших советских журналистов. В 20-х годах работал в «Правде», руководил отделом партийной жизни.

Много лет мы не виделись. Читая гаринские очерки и статьи в «Известиях», я каждый раз убеждаюсь, что его перо не притупилось, что оно по-прежнему остро и правдиво.

В годы одесского подполья Гарин, по нынешним понятиям, был вроде помощника секретаря обкома. Придя в полдень 2 марта на явочную квартиру, Михаил застал там опечаленную Соколовскую. Она, как никто другой, тяжело переживала потерю товарищей. Все же, направляясь в морг, куда были доставлены трупы, Соколовская и Гарин тешили себя надеждой, что лица, значившиеся в полицейской сводке как неопознанные, не имеют отношения к Иностранной коллегии. Тогда придется искать Жанну и ее товарищей в полицейском участке или в тюрьме, а это — из всех худших вариантов — лучший. Оттуда еще можно спасти. Спасти любой ценой.

Елена на всякий случай предупредила Михаила:

— Если среди погибших узнаешь своих, не показывай виду. Не выражай эмоций, они здесь противопоказаны.

Когда они вошли в мертвецкую, все надежды рухнули: на каменных плитах лежали истерзанные тела товарищей.

— Завтра похороны,— сказала Соколовская,— едем на Ришельевскую в цветочный заказывать венок.

Гарин пытался отговорить ее: неужели столь опасным делом некому, кроме секретаря обкома, заняться...

— Туда, где опасно,— возразила Елена, повысив голос,— других не посылают! Сами идут!

И она пошла. Сначала на Ришельевскую, в главный цветочный. Но там срочный заказ не приняли. Удалось заказать венок на Преображенской. А ленты к нему изготовили работницы профсоюза «Игла».

Еще до встречи с Гариным я читал, что работникам обкома было запрещено участвовать в похоронах. Как же Соколовская?..

— В данном случае Елена проявила недисциплинированность,— пояснил Гарин.— Но ее можно понять и оправдать. Перед партией, перед историей. Могла ли она не проводить своих товарищей в последний путь, не сказать, пусть не громко, слова прощания. Думая о долге перед ними, Соколовская забыла об опасности, подстерегавшей ее на кладбище.

В тот день вместе с членами Иностранной коллегии в одну братскую могилу положили и старушку мать с тремя дочерьми. А когда в Одессе окончательно утвердилась Советская власть, на надгробной доске написали имена и фамилии всех расстрелянных. А над ними крупными буквами вывели: «Борцам за власть Советов, расстрелянным французскими интервентами».

— А как же с венком от подпольного обкома?

— Мы его доставили на кладбище. Соколовская возложила венок на холм из живых цветов, возвышавшийся над могилой. Возложила на глазах рабочих, служащих, ремесленников и... полицейских. Цветы цветами, а послушайте, что было написано на красных лентах. На одной стороне ленты: «Смерть убийцам!», «Да здравствует красный террор!»; на другой: «От Одесского областного комитета Коммунистической партии большевиков Украины».

На кладбище собралось немало явных и тайных агентов. Но развернуться они не решались, боясь столкновений с населением, чего опасался также и начальник французской контрразведки в Одессе Порталь.

Стоило Соколовской чуть отойти от братской могилы, как вооруженный верзила попытался вытолкнуть ее из толпы. Бдительно охранявшие Елену рабочие отшвырнули полицейского, проводили Соколовскую за кладбищенские ворота, поймали лихого извозчика. Пробиться

сквозь живую стену агенту удалось лишь тогда, когда след Елены простыл.

Сохранились два свидетельства о мартовских похоронах. Одно — буржуазной газеты «Одесские новости». «Назначенные на вчера, в 1 час дня, похороны 11 расстрелянных привели несметные толпы народа. На многих фабриках и заводах окончены были в полдень работы, так как рабочие пожелали отправиться на похороны, отдать последний долг покойным. На кладбище явилось до 5—6 тысяч человек». Другое — опубликованные воспоминания Елены Соколовской: «Погребение было бесконечно грустным, но и торжественным. Масса венков с красными лентами была возложена на могилы. А кругом нас, собравшихся около могил, была цепь вооруженных, злобно смеявшихся солдат, отпускавших грубые замечания, вроде: «Чего плачете? Это не первые и не последние»».

— Да, не последние!..— повторил, вздыхая, Гарин.— Это горькое и грустное предупреждение частично сбылось. Через несколько дней мы потеряли еще двух активных работников Иностранной коллегии — Дубинского и Вапельника по кличке Саша Хромой. Уроженец Севастополя, он во время первой мировой войны жил во Франции. Там записался в волонтеры, отличился в боях под Верденом. За проявленную храбрость Вапельника удостоили высшей награды Французской республики — ордена Почетного легиона. В Севастополе, как и в Одессе, куда позже перебрался Саша Хромой,— он был ранен в ногу под Верденом — французские матросы охотно вступали с ним в беседы, поверяя ему свои сокровенные мысли.

Гарин задумался, вынул папиросу, закурил. Быть может, в эту минуту он вспомнил, как вскоре после похорон он был схвачен, избит и увезен полицейскими в контрразведку. Все, что потом произошло с другими, «не последними», он знает со слов своих товарищей по подполью.

— В том же марте не стало и нашего партийного вожака, которого подпольщики между собой ласково называли «Ваня-маленький». Он не пришел на явочную квартиру, где с раннего утра и до глубокой ночи его ждали подпольщики, чтобы доложить о проделанной работе и услышать от него: «А давайте вот еще что сделаем для людей!..» Смирнов считал, что тот, кто больше

отдает людям, тот сам становится богаче и счастливее.

В тревожном ожидании прошел день, а на другой стало известно, что Смирнова схватили на улице, когда он выходил из кафе, куда пришел как купец Ласточкин на свидание с белогвардейским полковником Прониным и провокатором Ройтманом. От них Иван Федорович получал за хорошую мзду сведения о состоянии войск противника.

Контрразведчики задержали всех троих; Пронина и Ройтмана отпустили сразу, а Смирнова увезли в неизвестном направлении.

— Мои товарищи находились в полном неведении,— продолжал Гарин.— В тюрьме Смирнова нет, в бульварном полицейском участке — тоже. На Екатерининскую площадь, в контрразведку, его не доставили. Где он? Жив ли?

Все выяснилось, когда в клуб профсоюза работников «Иглы» явился французский солдат с запиской. Смирнов сообщал, что его содержат на барже № 4, временно превращенной в тюрьму. Охраняют ее французы.

Выделили несколько боевых групп. Первую среди дня отправили в море на шлюпке. Ее пассажиры разыгрывали из себя веселую, полупьяную компанию. Чубатый гармонист старательно выводил «Сонце низенько, вечір близенько». Мелодия была своего рода позывными, а слова песни обозначали «Жди, Ваня-маленький. Вечером мы тебя выручим».

Солнце скрылось за горизонтом, наступили сумерки, а подойти к барже-тюрьме все не удавалось. На следующий день Смирнов передал, что охранники согласны этой ночью доставить его на берег. Условились, что там его встретят товарищи из подпольного обкома и увезут в надежное место.

Подпольщики всю ночь провели на берегу, но так и не дождались Смирнова. Днем самые отважные подплыли к барже, но она была уже пуста.

После того как Одесса была освобождена, тайное стало явным: водолазы обнаружили на дне моря изуродованный труп с привязанным к ногам большим камнем.

Медицинская комиссия установила, что Смирнова сбросили в море живым.

— Он похоронен в Одессе? — спросил я у Гарина.

— Нет,— ответил он.— По просьбе киевских рабочих — а в этом им нельзя было отказать: ведь Иван Фе-

доровичъ многими нитями был связан с ними — его похоронили в Киеве. На траурном митинге выступали видные деятели партии, знавшие Смирнова по революционным боям, по его кипучей деятельности в киевском подполье. С большой теплотой они говорили о своем товарище и о тех, кто шел за ним, кого потеряла партия в кровавом одесском марте.

И хотя Жанна не работала в Киеве, но имя мужественной французской коммунистки упоминалось в речах и как Лябурб, и как Миронова.

В «Истории Коммунистической партии Советского Союза» русский рабочий Иван Смирнов и французская учительница Жанна Лябурб стоят рядом. Их жизнь продолжилась в жизни других.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Противоречивые свидетельства.— Нота, переданная в Париж по радио.— Бежали: двое или один? — Старые записи Эмилия Чоппа.— «Загадочный» Живанко Степанович

I

Чем больше я узнавал о Жанне, тем чаще думал о ней. В состарившихся, пожухлых газетных подшивках продолжаю искать материалы о Лябурб и ее товарищах, погибших в один день.

В Одессе в период интервенции издавалось немало газет разных политических направлений. Все они, будто сговорившись, сообщали, что 2 марта у кладбищенской стены было обнаружено одиннадцать трупов: десять лежали рядом, одиннадцатый — чуть поодаль. Тяжелораненый мужчина отполз от стены на несколько десятков метров и тут же скончался.

Верна ли эта информация?

Цифра одиннадцать присутствует в третьем томе «Истории гражданской войны в СССР»: «Контрразведки интервентов и белогвардейцев усиленно охотились за большевиками-агитаторами. Казнями и расстрелами враги пытались бороться с растущим влиянием коммунистов. По доносу предателя [1], проникшего в ряды под-

---

[1] В отчете Одесского подпольного обкома, присланном в ЦК партии, говорится: «Несомненно было, что кто-то предал товарищей, предал именно в тот вечер, когда предполагалось совещание всех местных работников наших высших партийных органов и лучших товарищей из французских частей. Очевидно, провокатор рассчитывал захватить нас всех, но не был предупрежден, что собрание переносится на воскресенье. Кто он — мы узнали лишь теперь. Это был тот германец, который отправлялся в Константинополь. Он оказался шпионом французского правительства, правой рукой генерала Франше д'Эспере». Это был немецкий офицер Манн. В подпольный обком он явился как представитель группы «Спартак», объяснил, что приехал вести пропагандистскую работу среди немцев. Но так как части германской армии уже покинули город, он, мол, не хочет сидеть без дела, готов вести работу по разложению французских войск, язык которых он хорошо знает. Провокатор усердно

польщиков... интервенты арестовали и вскоре расстреляли одиннадцать коммунистов — работников Иностранной коллегии, в том числе и Жанну Лябурб».

Том вышел в 1957 году. А через три года историк В. Коновалов назвал другую цифру: «Белогвардейские осведомители, как и губернаторский адъютант, руководствовались «планом», заранее разработанным их начальством, и поэтому в своих донесениях, посланных в ставку на второй день, тоже сообщили о «расстреле 11-ти». Все одесские буржуазные газеты, которые сообщали о расстреле группы работников Иностранной коллегии, вначале также писали, что было обнаружено 11 трупов. Это говорит о том, что редакции получили от властей заранее подготовленную информацию. Только в последующие дни начали писать, что трупов было не 11, а 10».

В семьдесят втором году в Киеве вышли «Очерки истории Коммунистической партии Украины», в которых говорилось о расстреле одиннадцати.

Возник вопрос: «Кто же прав?»

Участники одесского подполья продолжали стоять на своем: в ночь на 2 марта было расстреляно не одиннадцать, а десять человек.

— Одиннадцатый не был даже ранен,— говорила Клара Малкус,— и отползать не отползал. Он бежал. Это был парень из Югославии. Вы слышали о нем: Стойко Ратков. Не раз приходил к нам на Пушкинскую, вел разговоры с Жанной. Вот кто много знает о ней!..

Да, много знал, рассказал бы охотно, если бы не его забывчивость.

Пришлось, как говорится, повернуть поисковое колесо обратно: познакомиться с мемуарной литературой, выпущенной в 20—30-х годах, когда живы были соратники Жанны, когда все еще помнилось.

выполнял отдельные поручения, постепенно втерся в доверие. Манн заявил, что он имеет возможность побывать в Константинополе, где формировались воинские части для отправки в район Одессы, и заодно может провезти с собой одного из работников Иностранной коллегии на немецком транспорте, отправляющемся в Турцию. «Предложение его было принято — разработан план сношений с ним, план действий на месте, и только отсутствие денег задерживало отправку товарищей». Манн уехал, оставив французской контрразведке адреса явок, фамилии работников Иностранной коллегии, которые в тот же день были схвачены контрразведчиками».

В журнале «Каторга и ссылка» напечатаны воспоминания В. Деготя «Интервенция и подпольная работа»: «В эту ночь всего было арестовано одиннадцать человек: их пытали, страшно издевались над ними... Когда наших товарищей вывезли из контрразведки, они были полумертвыми. Когда их повезли мимо тюрьмы, они сразу почувствовали, что их везут на расстрел. Серб оттолкнул ближайшего конвойного и на полном ходу прыгнул с автомобиля. Конвойные остановить автомобиль не могли, боясь, чтобы не разбежались другие арестованные. Все десять человек были варварски расстреляны...»

Продолжая поиск, «нахожу» уже известного читателю А. Рекиса в журнале «Летопись революции» за тридцать первый год: «Из арестованной группы посчастливилось спастись только одному чеху. Со слов этого товарища, он выскочил из автомобиля, когда всю группу везли на расстрел, и удрал. Нам все это показалось подозрительным. Некоторые даже считали, что чех — провокатор. Но достаточных данных, чтобы подтвердить это обвинение, не было. Поэтому областком остановился только на том, что отправил чеха из Одессы».

Серб или чех? Фамилия или национальность? А может быть, партийная кличка, как у Горенюка?

В подпольном обкоме Рекис ведал финансами. Статью писал позже.

Его товарищ по подполью Владимир Деготь был одним из руководителей Иностранной коллегии. Выслеженный контрразведчиками, вынужден был временно покинуть Одессу, перебраться в пригородное село. Но связей с коллегией не терял, постоянно был в курсе всех дел.

Деготь утверждал, что спасся Серб. Он-то, вероятнее всего, Ратков.

Документы подтверждали, что вместе с Лябурб в Одессу на подпольную работу были направлены Вальман Драган, Живанко Степанович и Стойко Ратков. На одного из них ссылался в своей ноте бывший председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины.

Нота протеста была передана по радио из Киева в два адреса — председателю Парижской мирной конференции и министру иностранных дел Франции Стефану Пишону. «Точные наши расследования,— говорилось в ноте,— установили, что при расстрелах, имевших место

в Одессе в ночь с 1 на 2 марта, непосредственное и активное участие принимали четыре французских офицера. Один из сербских товарищей, который должен был разделить участь одиннадцати расстрелянных рабочих, по дороге к еврейскому кладбищу успел соскочить с грузовика. Показания его вполне соответствуют показаниям других свидетелей. Он еще указывает на жестокое избиение, которому подверглись арестованные мужчины и женщины до их расстрела и в котором французские офицеры принимали самое деятельное участие наряду с русскими белогвардейцами».

Один из сербских товарищей! Фамилия его в ноте не названа. Кто же это мог быть? Ратков? Драган? Степанович?

Ищу ключ к этой загадке в архивных хранилищах Украины, в исторической литературе, изданной в разные годы.

В сборнике «Зарубежные интернационалисты в рядах борцов за власть Советов на Украине» читаю, что из-под расстрела бежал уже не один, а двое.

Значит, повезли на расстрел двенадцать?

В сборнике говорилось: «Французская контрразведка напала на след Иностранной коллегии, вместе с Жанной Лябурб, Жаком Елиным и другими были арестованы также югославские товарищи. Однако Ж. Степановичу и С. Раткову посчастливилось бежать, когда их везли на расстрел».

В третьем же томе «Истории гражданской войны в СССР» сказано — все одиннадцать расстреляны. А в мемуарной литературе сообщается, что один человек остался жив. В сборнике об интернациональных бойцах, действовавших на Украине, написано, бежали двое.

Начинаю сомневаться в самом себе: наверное, что-то пропустил, в спешке недочитал, если сообщение о двух спасшихся сербских интернационалистах для меня открытие...

II

Да, пропустил. Пропустил в журнале «Летопись революции» интересную статью бывшего начальника штаба подпольного ревкома Филиппа Анулова. В его воспоминаниях нет ни слова о Живанко Степановиче и совершенном им побеге. Зато подробно рассказывается

о том, что произошло в тот мартовский вечер в доме на Пушкинской и в кафе на Гаванной: «Первого марта к дому, где жил он (Радко) и Жанна Лабур [1], подъехал крытый грузовой автомобиль... Сойдя с автомобиля, офицеры окружили дом, вошли в квартиру и объявили всех арестованными. Затем приступили к обыску. Найдя агитационную литературу, издаваемую Иностранной коллегией областкома, офицеры, охранники поочередно стали выводить арестованных наружу и грузить в автомобиль...

Погрузив их всех в автомобиль, офицеры, нервничая и спеша, двинулись по направлению к Екатерининской площади, т. е. к зданию французской контрразведки... Автомобиль остановился. Арестованных вывели. «Значит, пытать»,— мелькнуло в уме арестованных коммунаров. Их ввели внутрь. Там они с удивлением и с ужасом увидали уже ранее арестованных тт. Жака Елина, его невесту [2], Штиливкера и Винницкого. Как потом выяснилось, последних арестовали при следующих обстоятельствах: они вместе с группой французских матросов сидели за столиком в кафе «Скведер» на Гаванной улице. Неожиданно, часам к семи вечера, в помещение кафе ворвалась группа добровольческих офицеров и направилась прямо к столику, где сидели вышеозначенные товарищи... Автомобиль отвез их во французскую контрразведку, где они и встретили потом прибывших Лабур и Радко».

Вероятно, не Радко, а Ратков? Радко — фамилия, схожая со многими украинскими, оканчивающимися на «о». При перепечатке машинистка могла вместо «т» напечатать «д», а букву «в» в конце слова опустить.

А куда же девался Живанко Степанович?

Киевские историки считают, что в ночь на 2 марта девятнадцатого года он бежал из-под расстрела вместе со Стойко Ратковым.

Читаю Анулова дальше: «После допроса и пыток арестованных опять погрузили на грузовик и повезли в неизвестном направлении. Сначала летели на полном ходу по улицам города. Было уже поздно, прохожих не было. То здесь, то там раздавались выстрелы. Все великолепно понимали, с какой целью их везут. Но все же

[1] Так в тексте.

[2] Речь идет о курсистке Марии Лиман, игравшей роль «невесты» Елина.

надежда в их сознании жила. Надеялись на товарищей, могущих налетом вырвать их из рук палачей. Общее состояние и общее настроение было ужасно. Арестованные сидели и стояли, прижимаясь друг к другу, как бы оглушенные. Ни о чем не думали, ничего не понимали, а только надеялись, а на что — сами смутно сознавали.

Автомобиль вылетел за город. Стали держать путь по направлению к тюрьме. Все облегченно вздохнули. «Значит, в тюрьму, а не на расстрел»,— мелькнуло у каждого. «А там товарищи выручат за деньги, ведь за деньги у добровольцев [1] все возможно»...

Не доезжая тюрьмы, автомобиль остановился. Раздалась команда тушить огни. Все поняли, что это значит. Радко в этот момент неожиданно ударяет кулаком по лицу стоящего на подножках автомобиля добровольческого офицера и прыжком выскакивает вон из автомобиля. Благополучно упав на землю, серб быстро поднялся и бросился бежать. Залп. Вслед ему раздалось два десятка револьверных и ружейных выстрелов. Но не по цели...»

Итак, бежал Ратков. Один! Без Живанко Степановича.

Выходит... Нет, не следует спешить с выводами!

На рассвете Ратков появился на явочной квартире. И вот как, по Ф. Анулову, он выглядел в те минуты, в каком состоянии находился: «От волнения не мог в течение некоторого времени выговорить слова. Вид его был ужасен. Он был без пальто и шапки. Волосы его были всклокочены, мужественное лицо было искажено выражением страха и ужаса, глаза расширены, рот полуоткрыт. Когда он наконец пришел в себя, он начал прерывисто рассказывать, что случилось...»

В статье Филиппа Анулова нет больших расхождений с Владимиром Деготем, который писал, что побег многим «казался подозрительным». На это же указывал и Ф. Анулов: «Товарищи, выслушав рассказ серба, начали совещаться. Они полагали, что здесь кроется предательство и измена, и раз Радко остался жив, то он провокатор. Радко арестовали, приставив к нему одного дружинника. Но вскоре все выяснилось...»

Что же выяснилось? Измена революции или верность ей?

---

[1] Так называли себя белогвардейцы, служившие в деникинской «добровольческой армии».

Ануловская статья была опубликована в двадцать четвертом году. Судьбой ее автора я заинтересовался тогда, когда он ушел из жизни.

В журнале «Пролетарская революция» за двадцать третий год задерживаюсь на большой статье Филиппа Балкуна. Бывший секретарь Одесского городского комитета партии вспоминал, как к его родному брату постучал в дверь товарищ Серб, без пальто, без шапки, «бросился на пол и в течение получаса не мог говорить от волнения...».

«Признаться, я в первый момент,— писал Ф. Балкун,— подумал, что сам тов. Серб — провокатор (мы его знали мало) и что он не случайно пришел к моему брату, а разыгрывает комедию, пока придем мы, т. е. я, Николай и Елена; тогда нас заберут, и его миссия будет выполнена».

Балкун приказал немедленно приставить к квартире, где находился Серб, нескольких надежных товарищей, чтобы они следили, «не уйдет ли он куда-нибудь и не придет ли туда кто-нибудь... Взяли тов. Серба на допрос, запросили о нем всех — никаких улик против него не оказалось».

Кто же вел допрос, не Южный ли? Несколько раз звонил ему, но телефон все лето не отвечал. Иосиф Эммануилович отдыхал где-то на юге. Откликнулся лишь поздней осенью. Встретились.

Спрашиваю сначала о Живанке Степановиче: что Южному о нем известно?

— Ровным счетом ничего,— Южный развел руками.— Вероятно, Степанович не доехал до Одессы: задержался в пути или его задержали. Скажу, что не бежал он вместе с Ратковым из-под расстрела. Уж кто-кто, а наша разведка об этом бы знала.

— Это точно?

— Я за свои слова привык отвечать.

В ответе прозвучала нотка обиды. Мне стало неловко. Не нужно было переспрашивать.

Конечно, документально Южный доказать не мог, прибыл ли в Одессу Степанович или не прибыл, бежал или не бежал. Ведь в условиях строгой конспирации дневники не велись, адреса явочных квартир не наносились на карты, фамилии и даты прибывавших из центра в Одессу не фиксировались. Надеялись на память.

До наших дней Южный сохранил ее, ясную и крепкую. Он помнит партийные клички многих своих товарищей по подполью, названия улиц и номера домов, где были расположены явки, отдельные эпизоды из истории Одесского обкома и его Иностранной коллегии.

От Живанко Степановича, который начал казаться мне в какой-то степени мифическим, перешли к реальному Стойко Раткову.

— Мы его не арестовывали и никто к квартире, где он находился, никакой охраны не приставлял. Тут Балкун и Анулов допустили неточность. Раткову было сказано, что, пока ведется проверка, он никуда не должен отлучаться. Отвели ему небольшую комнату на Пересыпи, обеспечили всем необходимым. Однако старые явки пришлось сменить. Возникло опасение, не появятся ли там контрразведчики. Нет, не появились. Опасения оказались напрасными.

О том, что произошло в доме на Пушкинской, 24, Ратков рассказал Южному.

Поздним вечером в квартиру нежданно-негаданно ворвалось несколько французских и белогвардейских офицеров. Старший скомандовал: «Руки вверх!»

Больше часа продолжался обыск: искали документы, листовки, газеты и деньги. Перевернули все вверх дном. Ничего. Только в сарае в дровах обнаружили несколько экземпляров газеты «Le communiste».

— Где печатали, в Одессе или в Москве?

Жанна не ответила. Она держалась достойно. Ни тени волнения на ее лице. Как истая революционерка, она руководствовалась французской формулой — формулой бесстрашных и бескорыстных: «Делай, что должно, и пусть будет, что будет».

Французский капитан в пехотной форме, направив револьвер на Раткова, спрашивал:

— Скажи, где деньги, что ты привез из Москвы?

Ратков не ответил.

— Не скажешь — расстреляю.

— Стреляй, если имеешь силу. Я не трус!.. Никаких денег не привозил.

На этом разговор о деньгах прекратился. Всех арестованных под усиленной охраной погнали в контрразведку. Первого взяли на допрос Жака Елина и стали истязать. Что говорил он, Ратков не слышал. От следователя Елин вышел окровавленный.

Потом повели Мишеля. Его так зверски истязали, что Эсфирь Лейфман истошно закричала: «Это хуже, чем при царском режиме!..» И упала в обморок.

Потом ввели Раткова. За столом сидело несколько офицеров.

— Ты кто такой? — спросил старший из них.

— Я серб.

— Ты сволочь, а не серб.

— Не сволочь, имейте это в виду, а серб. Мне некого бояться.

— Если ты честный серб, ты должен нам сказать, что у тебя общего с француженкой и этой публикой? Помни, что мы освободили сербов от немцев. Даю пять минут для ответа.

— Спасибо вам, господа офицеры, за ваше освобождение. Я ничего больше не скажу, хотя бы вы мне дали десять, двадцать минут сроку. От меня вы ничего добиться не сможете. Если хотите убить, то возьмите револьвер или нож и убейте.

От Раткова контрразведка ничего не добилась. После краткого допроса арестованных разделили на две группы: Раткова, Жака, Мишеля, Винницкого, портного Швеца и Гесю — самую младшую из трех сестер — погнали к выходной двери. Жанну и остальных женщин оставили в контрразведке.

Первую группу посадили в машину. По дороге, когда ехали по улицам города, Ратков спросил старшего конвоира:

— Куда нас везут?

— В штаб...

Ратков почувствовал в ответе скрытый обман: везут не в штаб, а, вероятно, в тюрьму. В конвое одни офицеры: солдатам контрразведчики не доверяли. Но вот тюремное здание осталось позади. Стало ясно — на расстрел.

Машина остановилась у кладбищенской стены. Шофер погасил фары. Ратков решил: надо действовать немедля! Левой рукой он выбил револьвер у стоявшего рядом офицера, а правой сбил его с ног, и через борт прыгнул в кромешную темноту, ошеломив конвоиров. Опомнившись, они открыли беспорядочную стрельбу, но было уже поздно: пули не достигали цели.

Ухватившись за ограду, Ратков перемахнул ее и через кладбище побежал к городу. На одной из улиц услы-

шал французскую речь. Это шел ночной патруль. Ратков притаился у стены дома, переждал. Потом послышался шум мотора. Показался силуэт знакомой ему машины. По той же дороге новым рейсом везли на расстрел Жанну и остальных женщин.

Прошло не более получаса, как со стороны кладбища стали доноситься выстрелы, душераздирающие крики.

Вот что рассказал Южному в то печальное мартовское утро Стойко Ратков. Сколько тревожных, противоречивых мыслей родилось тогда в голове начальника партийной разведки!

При допросе арестованных избили до полусмерти, не пощадили даже женщин. Почему же с Ратковым обошлись «вежливо»? Всех расстреляли, а он один уцелел? Прожженные контрразведчики могли инсценировать «побег», помочь Раткову спастись, а потом сообщить редакции «Одесских новостей» о расстреле всех одиннадцати, умолчав о «беглеце».

А что, если отпустили? Отпустили для того, чтобы установить слежку, с кем из подпольщиков Ратков будет общаться, чтобы потом ликвидировать остальных. Ведь ему были известны адреса пусть не всех, но главных явок. Не потянутся ли за Ратковым «хвосты»?

А что, если все именно так и было, как рассказывает Ратков? Есть ли основания не верить ему? Ведь Жанна как-то говорила Елене, какую прекрасную школу революционной борьбы прошел Стойко! Решительно отказался служить и императору Францу-Иосифу, и королю Сербии, и кандидату в русские диктаторы Александру Керенскому. Он, Ратков, вступил добровольцем в Красную Армию, чтобы вместе с нею защищать Октябрьскую революцию, в идеалы которой свято верил.

Только взвесив все «за» и «против», можно принять правильное решение. Никаких «хвостов» Ратков не привел, адресов и явок не назвал. Это стало ясно к концу недели.

Оставаться Раткову в Одессе было нельзя. Его переправили в Елизаветград (ныне Кировоград), где находилась оперативная группа Одесского обкома, или, как ее называли, полевой штаб. И там пришли к такому же выводу, что и в Одессе: Ратков — честный парень, преданный революционер.

Больше Южный с ним не встречался. А читать о нем читал. Читал и возмущался написанным.

Особенно был раздосадован Южный, когда прочел в «Неделе» статью В. Верникова и Ю. Корнилова «Помощник Жанны Лябурб».

«Суд был коротким: «Расстрелять!»» — писали они.

— Какой суд?! — горячился он.— В том-то и дело, что никакого судебного разбирательства не было. Была настоящая расправа без суда и следствия... А как в еженедельнике освещен побег Раткова? — продолжал возмущаться старый большевик.— В его уста авторы вложили такие слова, которых он никак не мог произнести:

«Я поднял руки, закованные в кандалы, и изо всех сил ударил охранника в лицо. Он выронил пистолет. Я подхватил его и, спрыгнув с грузовика, нырнул в темноту. Вслед за мной стали прыгать из машин и остальные арестованные. Загремели выстрелы...»

— Загремели не только выстрелы! Загремела неправда! — воскликнул Южный.— Прежде всего, Ратков не был закован в кандалы. Я видел его руки сразу после побега: никаких следов на них от кандалов не было! Во-вторых, он не мог сказать, что «стали прыгать из машин остальные арестованные». Все они были избиты до полусмерти, и никто, кроме Раткова, не прыгал, хотя контрразведчикам, быть может, этого и хотелось. Тогда они бы объявили, что все одиннадцать человек убиты при попытке к бегству. Нет, такого Ратков сказать не мог! Вспомните его письмо, в котором он, ссылаясь на забывчивость, по существу, отказался написать воспоминания. Так ответственно относился он к каждому написанному или сказанному слову. Не мог он рассказывать такое!

— А из Елизаветграда куда направили Раткова?

— Вероятнее всего, в Москву. А возможно, и в освобожденный Киев. Там тогда уже находилось правительство Советской Украины, оттуда по радио была послана нота протеста в Париж,— ответил Южный.

В апрельской ноте Украинского Советского правительства говорилось об одесской трагедии и о главном свидетеле обвинения, приехавшем в Киев. Правда, фамилия Раткова в ноте не упоминалась, но о нем не могли не знать вездесущие киевские репортеры, умевшие «добывать» новости из-под земли. А тут не просто новость, а новость необычная, сенсационная (в хорошем смысле этого слова): в Киев из оккупированной, но непокоренной Одессы прибыл человек, бежавший из-под расстре-

ла. Не мог же приезд Раткова остаться незамеченным, не отраженным на страницах украинских газет.

В той же «Красной Армии», где была напечатана статья Александры Коллонтай о Жанне, попутно ищу материал о Раткове. Листаю, листаю — безрезультатно.

Снова, не торопясь, переворачиваю хрупкие газетные листы. Страницу за страницей. И обнаруживаю, что номер за 2 апреля не подшит.

Уточняю: день будничный. Значит, газета выходила. В республиканской библиотеке значится несколько апрельских подшивок «Красной Армии».

Заполняю новое читательское требование и с нетерпением жду новый комплект. А вдруг в недостающем номере и обнаружу то, что меня интересует? Это предчувствие все время не покидает меня, пока не раскрываю подшивку с номером за 2 апреля...

Ну конечно же! Сразу бросилась в глаза статья «Зверства белогвардейцев в Одессе». Ура! Подробный отчет о встрече со Стойко Ратковым, только-только приехавшим в Киев.

«Десять дней прятался Ратков в Одессе,— сообщает газета,— и только двенадцатого марта удалось вырваться ему из нее — сначала в Елизаветград, затем в Киев, куда он прибыл лишь позавчера».

В интервью Ратков заявил, что до Одессы он состоял в самарской коммунистической организации.

Самарской? Кто же мне это рассказывал о Самаре и Раткове?

Вспомнил! Эмилий Чопп из Челябинска. Уроженец Сербии, активный участник гражданской войны.

III

С Одессой Чоппа связывало многое. Здесь он, как и Ратков, вступил в Сербский добровольческий корпус, сформированный царским правительством. Убедившись в контрреволюционной сути корпуса, Чопп открыто заявил, что выходит из него.

Военно-полевой суд приговорил Эмилия к расстрелу.

Раненого, полуживого, его подобрали среди трупов крестьяне: выходили, помогли добраться до Киева. Здесь Чопп вступил в Красную гвардию, с рабочими «Арсенала» громил контрреволюционеров, участвовал в

охране города. Во время отступления Чопп по поручению Временного рабоче-крестьянского правительства Украины сопровождал в Москву ценности Киевского банка. Из Москвы его направили в Самару. Там, на Волге, он встретил своего земляка Стойко Раткова. Оба возглавили окружную секцию по формированию югославянских советских войск. Оба от имени секции обратились с воззванием ко всем сербам, хорватам и словенцам, проживающим в Советской республике: «Товарищи! Товарищи рабочие, солдаты — сербы, хорваты и словенцы и все югославянские революционеры! — говорилось в обращении...— Можем ли спокойно смотреть на это тяжелое положение молодой, новой России, не должны ли мы, как истинные революционеры, как угнетенные пролетарии, поддержать наших русских товарищей в их борьбе с империалистическими хищниками. Разве мы позволим капиталистическим холопам — австро-венгерским, германским и русско-украинским — уничтожить революционную рабоче-крестьянскую Россию, этот авангард всемирной социальной революции.

Допустим ли мы этот позор? Никогда! Долг наш — идти вместе с российским пролетариатом в борьбе с кликой капиталистов и помещиков. Все мы должны, как один человек, вступить в ряды красных борцов против капиталистических и буржуазных банд.

Товарищи югославянские рабочие, крестьяне и солдаты!

Мы не можем допустить, чтобы капитализм восторжествовал над победой Российской Социалистической Республики — зарей новой, лучшей жизни всего человечества.

Товарищи! Отцы, матери и братья ваши находятся под тяжелым австро-германским гнетом империализма, ждут освобождения.

Не простит нам наш порабощенный народ, не простит нам история, если мы, югославянские рабочие, крестьяне и солдаты в этот критический момент оставим наших русских товарищей одинокими в этой тяжелой борьбе с чужими и своими угнетателями.

Все к оружию, товарищи! С радостным сердцем идите спасать русскую революцию, сознавая, что только в спасении русской революции будет спасение и освобождение нас и угнетенных всего мира.

Товарищи югославяне!

Все в ряды Красной Армии! Все к оружию!..» [1]

Замечательный документ! От него повеяло на меня огненным дыханием истории. Из глубины 20-х годов ворвалось оно, и принесенные им слова об интернациональном долге одного трудового народа перед другим звучали как вечный колокол.

Это воззвание, как и статья в красноармейской газете, привели меня на Южный Урал, где после гражданской войны поселился Чопп. Встреча с человеком, который был дружен с Ратковым, сулила многое: узнать неизвестное, выяснить невыясненное. Тем более что Эмилий Михайлович не только вместе с Ратковым подписывал обращение к своим землякам с призывом вступать в Красную Армию, но и многие годы тщательно и вдумчиво по крупицам собирал все, что относится к их участию в Октябрьской революции и гражданской войне.

И вот я в Челябинске, на улице Сони Кривой, у Чоппа.

Комната, которая одновременно служила ему и столовой, и рабочим кабинетом, заполнена книгами с закладками, тетрадями и блокнотами с записями разных лет, стопками писем, полученных со всех концов страны, газетными и журнальными вырезками.

Нет ли среди материалов о Жанне Лябурб или Стойко Раткове?

Есть копия статьи из «Правды». Статьи очень ценной. Она напечатана в номере от 6 мая девятнадцатого года на первой странице. Заголовок «Подробности убийства Жанны Лябурб».

Начинается статья так: «Помещенное сообщение есть рассказ осужденного на казнь вместе с тов. Лябурб и убежавшего от расстрела сербского коммуниста тов. Раткова».

В ней говорится примерно то же, что Ратков сообщил Южному и что я слышал от Иосифа Эммануиловича.

Есть и неизвестное.

«У т. Лябурб,— писал Стойко Ратков,— нашли разные бумаги, газету «Коммунист» на французском языке,

---

[1] Это воззвание было опубликовано в самарской газете «Солдат, рабочий и крестьянин» 7 июня 1918 года. Кроме Э. Чоппа и С. Раткова его подписал член губернской коллегии по формированию Красной Армии Ф. Паршин.

разные записочки и т. д... Затем отправились в сарай, сломали замок и, найдя там прошлогоднюю большевистскую литературу, сказали: «Сволочи, эту литературу она, наверное, из Москвы привезла». А Геся говорит: «Это прошлогодняя литература». Все были спокойны... А они говорят: «Мы не дураки, видим, что литература свежая».

От Одессы Чопп перешел к Самаре к 1918-му.

На призыв «К оружию!» откликнулись сотни уроженцев Балкан. В Самаре сформировали из добровольцев Интернациональный полк. Позже он влился в Красную Армию и вместе с ней ушел громить Колчака.

— И Стойко Ратков?

— Нет. Его отозвали в Москву, в распоряжение ЦК, для отправки на новый фронт.

— На какой?

— На Южный.

— Не помните когда?

— Вероятно, под новый, девятнадцатый год. Могу сказать точнее.— Чопп надел очки и направился к шкафу. Вынув из него стопку тетрадей, начал перелистывать одну за другой. Не найдя в них то, что искал, Эмилий Михайлович стал просматривать бумажки разных цветов и размеров.— За прожитые годы бумаг накопилось пуды. Жена ворчит, требует: сдай в архив или отнеси в музей, дышать нечем от этой макулатуры. Для кого, может, и макулатура, историческая пыль, а для меня — жизнь. Моя и моих товарищей по борьбе. Думаю, когда-нибудь эти бумаги понадобятся. И для историка, и для вашего брата-литератора. Где-то я читал, что время — вечный ткач истории. В ней есть огонь и пыль. Пыль, как пепел, со временем развеется. А огонь — огонь не подвластен времени. С годами он все больше и больше будет разгораться. Ну куда же она задевалась? — с досадой спросил себя Чопп.

Я хотел было полюбопытствовать, кто такая «она», но, чтобы не быть навязчивым, промолчал. Незаметно посмотрел на часы: стрелки показывали половину двенадцатого. Условились встретиться завтра, о времени договориться по телефону.

Когда я вышел на улицу, дождь, провожавший меня к Чоппу, уже прекратился. О нем напоминали ленивые ручейки да лужи на тротуарах, редкие капли с деревьев.

— Это к урожаю,— заметил поравнявшийся со мной запоздалый прохожий в брезентовом плаще.— Давно такого дождя не было. К богатому урожаю!..

Шагая к гостинице «Южный Урал», я думал о своем «урожае»: что принесет мне день второй в Челябинске?

Шумный, почти миллионный город, натрудившись за день, засыпал. Лишь в центре светились витрины магазинов, вывески кафе. В окне книжной лавки под портретом Л. Н. Толстого я прочитал слова «Счастье в том, чтобы жить для других».

Жанна Лябурб, как и Карой Лигети, Олеко Дундич, Фриц Платтен меньше жили для себя, больше для других. Какая радость для литератора «открывать» для читателя таких людей, какое счастье писать о них!

...Я видел уже не первый сон, когда в номере раздался пронзительный телефонный звонок. В трубке чуть осипший голос Эмилия Михайловича.

— Не разбудил? Простите, что так поздно,— начал он извиняющимся тоном.— А я еще не ложился, перебирал бумаги. И не зря, нашел все-таки тетрадку. С записями воспоминаний Стойко Раткова о его поездке в Одессу. Вам про них я не говорил. Думал: найду — скажу, а то будете попусту волноваться... Заходите утречком завтра. Впрочем, уже не завтра, а сегодня. А пока — спокойной ночи!

Остаток той уральской ночи не был спокойным. Едва дождавшись утра, я поспешил на улицу Сони Кривой.

На столе ученическая тетрадь в зеленой обложке с записями на незнакомом мне сербском языке. Сделаны они были Чоппом много лет назад, со слов Раткова, незадолго до того, как Стойко собрался ехать в родную Воеводину.

Чернила слиняли, буквы местами выцвели.

— Вот все храню... Это молодость моя. Думал написать книгу. Не столько о себе, сколько о своих товарищах — югославянских красноармейцах и о тех, кто был рядом с ними. В газетах и журналах печатался. И книгу, быть может, постараюсь, напишу, но вряд ли ее увижу. А вам эти записи пригодятся.

Уселись поудобнее. Сначала Эмилий Михайлович читал про себя, шевеля губами. Потом вслух, не торопясь, переводил, с комментариями:

— «Родился Стойко Ратков в селе Чуруг, в автономном крае Воеводина, в 1895 году».— Будете писать, не

пропустите этой детали: Стойко родился почти в один день с Октябрьской революцией, только на двадцать два года раньше,— шутливо заметил Чопп, а потом серьезно: — Впрочем, вторично он родился в России. Уже после семнадцатого года. Родился как революционер-интернационалист.

Чтение продолжалось:

— «...Из Москвы в Одессу ехали целой группой: четверо мужчин и две женщины — Жанна Лябурб и одна молоденькая одесситка, которую Жанна называла дочкой.

Отправились в первой половине января [1] девятнадцатого года по Курской дороге. В пути встречались эшелоны с остатками потрепанной немецкой армии, увозившей с Украины уже не сало, не хлеб, а идеи. Большевистские идеи. На дверях теплушек таблички «Харьков — Орел — Брянск — Смоленск — Ковно».

Под Белгородом московский поезд оказался рядом с немецким составом. В окне Ратков увидел знакомого капрала, с которым служил в австро-венгерской армии.

— Я теперь большевик! Еду домой делать революцию! А ты, серб, куда?

— На юг! Не делать, а защищать революцию!..

Потом все чаще и чаще встречались люди в потертых немецких и австрийских мундирах, среди которых было немало желающих «делать революцию у себя на родине».

— Так будет и с французскими солдатами,— говорила Жанна.

— Поверь, Ратков, мои французы побегут обратно куда быстрее, чем немцы, когда мы им откроем глаза и они узнают, зачем их пригнали на Украину.

Сравнительно быстро добрались до Харькова. В освобожденный в начале января город переехали Временное рабоче-крестьянское правительство республики и Центральный Комитет КП(б)У.

В Харькове Ратков, Лябурб, их попутчики должны были получить необходимые документы для поездки в Одессу. Раткова пригласили на митинг, созванный Советом солдатских депутатов Первого корпуса немецкой армии. С ним пошла и Жанна. Там, на митинге, они

---

[1] В материалах югославянской группы об отъезде Раткова сказано: «Выбыл из Москвы 13 января 1919 года».

узнали о зверском убийстве Карла Либкнехта, Розы Люксембург и других немецких революционеров. Всего погибло 34 товарища, а хоронили тридцать трех. Тело Розы Люксембург, сброшенное на дно Ландверского канала, не удалось обнаружить, поэтому вместо гроба несли ее портрет».

Когда Чопп перевел эту запись, я мгновенно представил себе, каково было Жанне услышать в Харькове о гибели Розы.

Познакомились они в Польше в пятом году. Для Лябурб, скромной домашней учительницы французского языка, Роза была тем человеком, с кого надо брать пример. Потом Люксембург схватили, бросили в варшавскую тюрьму, а Жанне пришлось временно покинуть Царство Польское: как политически неблагонадежную, ее выслали за пределы страны.

А когда вышли ленинские «Заметки публициста», Жанны уже не было в живых, и она не могла прочесть, что говорил Владимир Ильич о Розе Люксембург.

Не прощая ей отдельных ошибок, Ленин писал, что Роза Люксембург «была и остается орлом; и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и *полное* собрание ее сочинений... будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира».

Давно ли Жанна в Москве на торжественном собрании, посвященном 25-летию Польской социал-демократии, вместе с Феликсом Дзержинским, Юлианом Мархлевским и другими польскими коммунистами голосовала за то, чтобы послать великой коммунистке Розе, томящейся не в варшавской, а уже в берлинской тюрьме, сердечную поздравительную телеграмму по случаю празднования четвертьвекового юбилея. С того московского вечера прошло всего несколько месяцев, и Роза и ее боевой друг Карл Либкнехт уже мертвы.

Мне вспомнились пророческие слова Либкнехта, которые звучат сегодня как политическое завещание: «...Будем ли мы живы или нет, когда удастся достигнуть цели, все равно — жить будет наша программа; она станет господствующей в мире освобожденного человечества. Вопреки всему!»

— Да вы совсем не слушаете? — нарушил мои раздумья Чопп.— Может быть, вам это и не нужно, не по теме...

Я извинился, сказал, что все, связанное с Жанной и ее товарищами по оружию, меня интересует.

— Тогда слушайте дальше! Тут,— Чопп показал пальцем на начало страницы, где Ратков объясняет, почему они так долго добирались до Одессы.— «Поезда ходили редко. Часами, а иногда и сутками простаивали на станциях и полустанках: то не хватало топлива, то воды. Приходилось растапливать снег, чтобы «напоить» ненасытный котел паровоза. Даже когда удавалось поднять пары, состав продолжал стоять на месте: семафор закрыт, следующая станция не принимает. Горячая Жанна не раз предлагала оставить вагон, пойти по шпалам: «Пускай эта черепаха нас догоняет!..» Ратков считал, что от поезда отрываться нельзя. Кругом шныряют банды разных «батек».

— Плевать нам на них! — кипятилась Жанна.— Пойдем по полотну, сворачивать не будем. Раньше доберемся до Одессы!

Приходилось идти и пешком, обходя линию фронта,— продолжал читать Чопп,— потом снова садиться на попутные поезда, облепленные людьми. Так было до тех пор, пока Ратков и его спутники не услышали разноязычную речь, не увидели Черного моря».

— А когда? В каком месяце, какого числа,— перебиваю я,— говорил Ратков?

— Может, и говорил, но я не записал. Разве это важно?

— Важно, очень важно!..— Я объяснил почему.

— Это моя промашка,— признался Эмилий Михайлович,— можно уточнить, запросить Раткова.

— Я запрашивал, он не помнит.

Опускаю здесь трагические страницы, записанные Чоппом со слов Раткова, в которых подробно рассказывается об аресте и расстреле членов Иностранной коллегии, о деталях его побега. Все записанное Эмилием Михайловичем в основном и главном не расходится с тем, что он, Ратков, говорил Южному ранним утром 2 марта. Но открылись отдельные, новые для меня детали, зафиксированные Чоппом.

Когда на допросе офицер, угрожая револьвером, спрашивал Раткова: «Скажи, где деньги, что ты привез из Москвы?» — тот решительно все отрицал. Но в действительности (и тут надо отдать должное осведомленности контрразведки) Ратков доставил немалую сумму

из кассы ЦК партии для прямой передачи председателю и казначею подпольного обкома Смирнову.

И еще важный штрих. В той же контрразведке Ратков видел нескольких французских солдат. Нет, не охранников, а заключенных. Вели их с допроса. Один поднял руку, приветствуя Жанну. Возможно, они знали друг друга. Ратков не успел об этом ее спросить.

И наконец, деталь, раскрывающая характер Раткова, его преданность и уважение к тем, кто был рядом с ним и погиб за общее дело.

Оказывается, на другой же день после изгнания из Одессы интервентов и белогвардейцев Ратков из Киева примчался в приморский город. Сойдя с поезда, никому не представляясь, он направился на Пушкинскую, 24. Зайдя во двор, остановился у ветхого, неказистого домишки, несколько минут постоял молча у закрытой двери квартиры номер 13. Возможно, он вспомнил тот первомартовский вечер, который стал последним для Жанны и тех, с кем она жила одной семьей, под одной крышей.

...Стойко вышел на улицу, по которой дружно шагал красноармейский отряд, распевая: «Мы, на горе всем буржуям, мировой пожар раздуем...»

— Раздуем! — подхватил Ратков и повернул к вокзалу; прошел мимо Чумной горы, а от нее — прямая дорога к старому кладбищу.

Найдя братскую могилу, где покоятся его товарищи, Ратков опустился на колени и зарыдал.

Мимо проходила пожилая женщина с ребенком.

— Такой большой, а плачет,— укоризненно заметила девочка с косичками.

— Бывает, доченька, такое неутешное горе, когда сильные мужчины не выдерживают, плачут. Должно быть, здесь покоятся близкие, родные ему люди...

— Да, вы не ошиблись.— Ратков поднялся, смахивая слезу.— В этой могиле похоронены люди, с которыми я породнился в Одессе,— мои братья и сестры.

Спрашиваю Эмилия Михайловича:

— Как сложилась дальнейшая судьба Раткова?

Мне показалось, что Чопп отклонился от прямого ответа, поведя рассказ о прославленном югославском партизане Ваве, наводившем страх на гитлеровцев и усташей в горах Югославии; я спрашиваю о Раткове, а он рассказывает о Ваве...

— Вава — имя или фамилия? — спросил я.

— Вава — это и есть Стойко Ратков,— не без гордости за своего товарища подчеркнул Эмилий Михайлович.

И хотя я не сомневался в записях Чоппа, все-таки послал их Раткову. Ждал от ветерана не столько подтверждения их правильности, сколько того, что содержимое зеленой тетради поможет воскресить забытое. Недаром говорят ученые, что память — это свойство мозга хранить информацию о прожитом — пережитом и выдавать ее по требованию.

Ратков долго не откликался. Ожидания и надежды мои уже иссякли.

И вдруг получаю заказную международную бандероль. Знакомый обратный адрес: Югославия, автономный край Воеводина, село Чуруг.

Вначале я обрадовался, подумал: от Раткова. Письма нет. В бандероли — только вырезки из воеводинской газеты «Дневник».

Клише на две колонки: советский посол в Югославии И. А. Бенедиктов вручает Стойко Раткову орден Ленина. Добрая весть о высокой правительственной награде пришла из Москвы с субботы на воскресенье, и эта ночь, как заявил корреспонденту ветеран, была для него самой счастливой.

Другая газетная вырезка оказалась скорбной. Это репортерский отчет о похоронах Стойко Раткова. На краешке газетного листа чьей-то детской рукой тщательно выведено:

«Дедушка Вава уже не может вам ответить. Он умер 28 декабря, на семьдесят третьем году жизни. Его провожало 10 000 человек — почти вся Воеводина».

Ушел из жизни верный помощник Жанны, вошедший в мемуарную литературу под номером одиннадцать.

А что с двенадцатым, будто бы бежавшим в ту кошмарную ночь вместе с Ратковым? О нем Чопп ничего определенного сказать не мог. Слыхать слыхал, что Живанко Степанович в одном вагоне с Ратковым и Лябурб добирался из Москвы в Одессу. Но что произошло с ним потом, одному богу известно.

Через несколько лет после поездки на Урал состоялась новая встреча с одесскими читателями. Разговор, как всегда, был интересным. Я рассказал о загадочном Степановиче. Из зала меня тут же поправили:

— Он — не загадочный... Документы о Живанко есть в научной библиотеке.

— В исторической литературе?

— Нет, в отделе редкой книги.

Каждый раз, бывая в Одессе, я обязательно посещаю научную библиотеку, ее отделы и газетное хранилище. Но чтобы библиотекари собирали документы об участниках гражданской войны, я не слышал.

Но нет правила без исключения. Бывший директор библиотеки, неутомимый краевед В. А. Загоруйко, собирал не только редкие книги, но и все, что относится к участию иностранных пролетариев в борьбе за Советскую власть в Одессе.

Вот, оказывается, почему попали в библиотеку документы о Живанко Степановиче. На одном сохранилась виза, выданная ему сербским посольством в Москве на выезд из России через Одессу. Обращаю внимание на дату: 4 января 1919 года. На отметке об отъезде в Югославию из приморского города стоит 3 февраля 1919 года.

Значит, Чопп записал все правильно: Лябурб, Ратков, Драган и Степанович отправились из Москвы в первой половине января. Прибыли в Одессу в конце месяца или в самом начале февраля.

Это ли не новое свидетельство — пусть не прямое, а косвенное — тому, что Жанна Лябурб находилась в одесском подполье не неделю, а целый месяц.

А Живанко Степанович, как это видно из документов, не бежал из-под расстрела, а только возвращался через Одессу к себе на родину. Там ни на минуту не прекращал революционной борьбы. Его несколько раз арестовывали. В последний — в сорок первом году: сначала бросили в белградскую тюрьму, а потом переправили в гитлеровский лагерь Маутхаузен. Там он был сожжен в печи.

В Югославии в поселке Рум живут две дочери Живанко — Надежда и Ольга, не раз слышавшие от отца о новой России, о Великой Октябрьской социалистической революции и о французской учительнице, чью гибель он глубоко переживал.

Судьба же Вальмана Драгана пока остается неизвестной.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Минута молчания у домика на Пушкинской.— «Вчера командовали вы, сегодня — мы».— Запоздалые признания Ллойд Джорджа.— У французского народа были две легендарные Жанны: Жанна д'Арк и Жанна Лябурб.

I

«Из всех семян, упавших на землю,— говорил Оноре Бальзак,— быстрее всего дает всходы кровь мучеников».

Семена, посеянные Жанной, дали дружные всходы. В марте, когда пуля сразила Лябурб, части Красной Армии вели бой за Херсон, против окопавшихся там белогвардейцев, немцев и греков. Им на помощь были высажены две роты 176-го французского пехотного полка.

На приказ приготовиться к атаке пехотинцы заявили, что они не будут воевать против тех, кто защищает Советскую власть.

Командир полка не настаивал на выполнении приказа: он понимал, что это к хорошему не приведет, да к тому же опасался, как бы солдаты не перешли на сторону большевиков.

События, происходившие в 176-м полку, отражены в архивных документах.

В донесении белогвардейского командования говорилось, что воинская часть входила во французский гарнизон в Одессе «и, пребывая там, подвергалась в течение продолжительного времени настойчивой, умелой и крайне разлагающей пропаганде большевистских агитаторов».

Подумалось: без Жанны здесь не обошлось. Ведь она встречалась с солдатами этого полка, передавала в казармы написанные ею листовки.

С взбунтовавшимися пехотинцами поначалу поступили гуманно: их посадили в Херсоне на пароход и отправили в Одессу. Все, что они увидели в этом городе, все, что слышали от Жанны Лябурб, всем поделились с матросами, как только поднялись на палубу корабля. И это был не единственный случай неповиновения.

В «Записках о гражданской войне» В. Антонова-Овсеенко, который командовал советскими войсками на Украине, приводится сообщение Одесского подпольного обкома: «Политическое положение таково: французские войска агитацию воспринимают хорошо, и уже имеются реальные результаты: они часто отказываются идти на фронт, и французское командование отправляет некоторые ненадежные части обратно».

Другой документ — информационная сводка разведотдела Одесского обкома. В ней упоминается тот же мятежный 176-й французский пехотный полк: «Находящиеся здесь 176-й и 2-й полки почти совсем демобилизованы и, проходя по улицам в порт без оружия для отправки во Францию, кричат: «Адье, рус, мы большевик, домой»».

Одесские старожилы рассказывали, что в конце марта большая группа французских пехотинцев шла по Пушкинской. Кое-кто из обывателей решил: солдаты будут грабить — и тут же с перепугу стали запирать двери, закрывать ставни...

Но что это? Солдаты продолжают идти, не заглядывая ни в один двор, не открывая ни одних ворот. Только подходя к домику на Пушкинской, 24, они замедлили шаг и остановились. Сняли головные уборы, с минуту постояли молча, как бы отдавая долг Жанне, прощаясь с нею. Потом повернули обратно и направились в порт.

Сначала услышанное показалось неправдоподобным. Откуда французские солдаты могли знать адрес дома, где жила Лябурб? Не выдают ли одесские старожилы сочиненную ими же легенду за правду?

Убедиться в том, что это не выдумка, а быль, помогли мне мартовские номера одесских газет. Листая их, я в статьях и хроникерских заметках не раз находил точный адрес последней квартиры Лябурб.

Правда, в газетных публикациях не называлась ее настоящая фамилия, говорилось о неопознанной француженке, тесно связанной с большевиками. Но догадаться было нетрудно: Жанну знали солдаты 176-го полка.

Первыми по призыву Иностранной коллегии отказались стрелять в пролетариев солдаты 58-го пехотного полка. Сохранилась дневниковая запись одного из них: «...мы снова были подняты по тревоге. Опять надо идти в наступление. Все отказываются. «Нет и нет! — кричат

солдаты.— Война России не была объявлена! Перемирие подписано! Мы больше не пойдем!» Эти крики слышались со всех сторон. Командир пришел в ярость, но был вынужден уступить. Солдаты вооружены, и он понимал, что настаивать было бы опасно. Нас заперли в крепость. Стали поименно вызывать каждого; спрашивали, согласен ли он в качестве добровольца сражаться против большевиков. Все отказались. Трое суток полк находился под арестом».

Угрозы не сломили солдат. Они неустанно повторяли: «Нет и нет!», требовали, чтобы их отправили на родину.

Через несколько недель весть о восставших докатилась до Парижа. О ней узнал Марсель Кашен. Выступая в палате депутатов, он заявил: «Эти солдаты (58-го полка) вернулись в свои казармы. Когда на следующий день им приказали возобновить в крупных масштабах наступление, не удавшееся накануне, можете себе представить их настроение. Они отказались выступить. *(Аплодисменты на крайней левой.)* Разве вы, французские депутаты, бросите им здесь упрек за это? Что касается нас, мы твердо заявляем, что они поступили правильно. *(Аплодисменты на крайней левой. Крики. Шум.)*

...Такова будет впредь судьба всех попыток насилия, направленных против народов. Эти последние противопоставят вам свою солидарность, рожденную в нищете и лишениях... Слово за социальной революцией!»

Насилие рождало солидарность. Восстала рота и 7-го саперного полка. Солдаты открыто заявили офицерам — выходцам из буржуазной среды: «Вчера командовали вы, сегодня командуем мы».

По свидетельству солдата этого полка Люсьена Териона, они, уходя из Одессы, «оставили большевикам все материалы: оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, повозки».

Подобно тому как команда французского крейсера, на котором служил матросом нынешний президент ДРВ Тон Дык Тханг, подняла красное знамя в Черном море, так и находившиеся в Одессе вьетнамцы, алжирцы, марокканцы из сводного африканского полка в конце концов отказались воевать за интересы буржуазии.

Одни переходили на сторону Красной Армии, другие сдавались в плен.

Советская власть проявляла к пленным великодушие. Сохранилась записка В. И. Ленина, посланная 3 апреля в Реввоенсовет республики: «12 французских пленных *от холода* страдают. *Одеть* + пища».

Заместитель председателя Реввоенсовета ответил: «Пленных французов кажется до 40 человек. Они получают *красноармейский* паек и солдатское обмундирование. У них есть комиссар, назначенный по соглашению с Народным комиссариатом иностранных дел. Условия жизни у них приличные. Что можно еще сделать?»

На этом письме Ленин наложил резолюцию: «Дайте мне имя, адрес, телефон этого комиссара».

Неудивительно, почему Владимир Ильич при всей своей занятости интересовался условиями содержания французских военнопленных, почему просил сообщить все координаты комиссара. По-видимому, он хотел посоветовать, как лучше воздействовать на французских солдат. Умелой агитации и пропаганде Ленин всегда придавал большое значение. Позже он говорил: «Путем агитации и пропаганды мы отняли у Антанты ее собственные войска. Мы победили империалистов не только при помощи наших солдат, но и опираясь на сочувствие к нам их собственных солдат».

Так было и в Одессе.

II

Бывают же такие совпадения! Буквально в один день, 25 марта 1919 года, в Париже и Москве шел разговор о событиях, разыгравшихся в непокоренной Одессе,— разговор об одном и том же, только с разных классовых позиций.

«Правда» на первой странице поместила некролог о Жанне Лябурб: «Ей принадлежит почетное место в истории русского освободительного движения; французский же пролетариат увековечит это славное имя первой французской женщины-коммунистки, умевшей бороться и умереть за дело революции».

В тот мартовский день прохожие задерживались у большой витрины со свежим номером «Правды», прислушиваясь, о чем горланит мальчишка-газетчик: «Тысячи французов в Одессе перешли на сторону большевиков!», «Читайте про отважную француженку Жанну, погибшую за Советскую власть», «Матросы французского броненосца выбросили офицеров за борт!»...

Не знаю, что в то утро выкрикивали парижские газетчики, но именно в этот мартовский день близ Парижа, в Версальском дворце, в бывшей резиденции французских королей, собрался «Совет четырех» — высший орган парижской Мирной конференции, созванный для выработки договора с побежденными странами, перекраивания карты Европы.

В заседании участвовали главы правительств США, Англии, Франции и Италии. Разговор шел о красной Одессе, о неудавшейся интервенции. Тон задавал американский президент Вудро Вильсон. Он говорил: «Меня поразили в прочитанных нам телеграммах слова: «Население Одессы враждебно и нам». Если это так, то можно задать себе вопрос, зачем удерживать этот остров, окруженный и почти затопленный большевизмом. Это укрепляет меня в моей политике, что надо оставить Россию большевикам... а нам ограничиться тем, что мы будем препятствовать большевизму проникать в другие страны Европы».

В унисон американскому президенту вторил английский премьер-министр Ллойд Джордж: «...Должны ли мы упрямо удерживать Одессу, население которой восстанет... Лучше сосредоточить все наши средства для защиты Румынии и создать наш барьер против большевизма».

Чуть раньше примерно к такому же выводу пришел и генерал д'Ансельм. Пришел после оставления интервентами Херсона и Николаева. Свое поражение он объяснял тем, что «большевистское движение есть чисто народное движение, которому горячо сочувствует вся масса населения; что же касается большевистских войск, то последние по своим высоким боевым качествам напоминают наполеоновские легионы».

Потому-то он не просил подкреплений. Да если бы генерал и потребовал, то откуда было бы Жоржу Клемансо или его союзнику по коалиции Ллойд Джорджу взять свежие силы?

Для уничтожения большевизма, считал премьер-министр Великобритании, необходима армия в миллион солдат. Но как и из кого ее сформировать, когда ни один из западных союзников такой силы дать не может.

Какой миллион, когда и тысячи не соберешь. Ллойд Джордж заявил об этом прямо, жалуясь на одном из заседаний «Совета четырех»:

— Если бы тотчас предложить послать для этой цели в Россию хотя бы тысячу английских солдат, в армии поднялся бы мятеж. То же относится и к американским частям в Сибири, и к канадским, и к французским войскам. Мысль подавить большевизм военной силой — чистое безумие.

Немного понадобилось времени, чтобы расписаться в своем бессилии, признать, что подавление большевизма военной силой — чистое безумие.

А что думал, говорил и писал об этом Ленин? В начале двадцатого года, выступая на беспартийной конференции рабочих и красноармейцев Пресненского района Москвы, Владимир Ильич назвал одну из главных причин вынужденного ухода интервентов:

— ...Потому, что их солдаты, сами рабочие, чем дальше углубляются в Советскую Россию, тем более решительно отказываются воевать против нас.

Ленин делает вывод: «Значит, мы победили не потому, что были сильнее, а потому, что трудящиеся стран Антанты оказались ближе к нам, чем к своему собственному правительству».

III

В те дни сознательные французские пролетарии были ближе к нам, чем к «своему» правительству. Они не раз выражали свою солидарность с борющимся советским народом, приветствовали восставших моряков и солдат, братавшихся с русскими рабочими и крестьянами.

Летописцы запечатлели на страницах французской истории полумиллионную демонстрацию трудящихся Парижа против интервенции, за амнистию тем, кто поднял красное знамя на Черном море; забастовку докеров Марселя, отказавшихся грузить оружие и боеприпасы, предназначенные для белой армии; массовый митинг у Стены коммунаров, состоявшийся 25 мая 1919 года.

Подобно тому как версальцы расстреляли у этой стены последних защитников Парижской коммуны, так и их наследники, спустя несколько десятилетий, у стены старого одесского кладбища убили Жанну Лябурб и тех, кто вместе с ней продолжал дело Парижской коммуны.

О гибели Лябурб московские газеты сообщали в марте, а массовый митинг в Париже состоялся в мае. Каза-

лось, прошло достаточно времени для того, чтобы французский народ узнал о жизни и смерти своей славной дочери. Почему же никто из выступавших у Стены коммунаров не назвал ее имени? Почему в майских номерах парижских газет не было о Жанне ни строчки. Изучив французскую прессу тех дней, историк Л. Зак ответила на эти «почему»: оказывается, весть о зверской расправе в Одессе пришла на родину Жанны не из России, а из Бельгии. Пришла, пробиваясь сквозь санитарные кордоны и цензурные рогатки.

В июне девятнадцатого года брюссельская газета «Интернасьональ коммюнист» сообщила об убийстве Жанны Лябурб. Перепечатывая эту статью, парижская «Ви увриер» призвала своих читателей: «Пусть каждая группа рабочей партии поднимет голос протеста, к которому зовет это убийство! И предупреждаем капиталистическую реакцию, что народ сумеет отомстить в час расплаты, а этот час близок, когда Жорес, Либкнехт, Роза Люксембург, Жанна Лябурб и все наши безымянные мученики подскажут нам, как надо действовать!»

Две газеты — брюссельская и парижская — поставили Жанну Лябурб рядом с Жаном Жоресом, Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. Их судьбы схожи: каждый отдал свою жизнь за дело народа.

Вслед за «Ви увриер» и «Юманите» устами своей корреспондентки Луизы Бодэн, с детства дружившей с Жанной, заявила, что ее школьная подруга пошла на смерть потому, что всеми силами боролась против смерти, которую несла интервенция, боролась за жизнь и счастье людей. Откликнулся и Анри Барбюс. В своей книге «Свет из бездны. К чему стремится группа «Клартэ»?» [1] гневно осудил убийц Жанны.

Ее имя упоминается в сборнике «Факты. Документы. Приговоры», выпущенном парижской секцией Комитета защиты моряков и посвященном восстанию на французском флоте: «Реакционной интервенцией и голодной блокадой Франция опозорила себя перед миром и историей. Но нашлись смелые люди, которые спасли честь французского пролетариата. Это были солдаты и черно-

---

[1] Эта группа, созданная по инициативе Анри Барбюса, включала в себя таких виднейших прогрессивных писателей мира, как Анатоль Франс, Поль Вайян-Кутюрье, Бернард Шоу, Эптон Синклер, Рабиндранат Тагор и другие.

морские матросы. Они отказались объединиться с палачами, с наемными убийцами Жанны Лябурб».

Тех, кто смело пошел за Жанной, кто отказался выполнять роль палачей русской пролетарской революции, правительство Жоржа Клемансо всеми доступными ему средствами пыталось изолировать от французского народа, бросало в тюрьмы, отправляло на каторгу. Об этих мужественных людях с восторгом говорил Ленин: «Имена моряков, которые были в нашем Черном море, связаны во всей Франции с воспоминанием о русской революции; французские рабочие знают, что те, кто отбывает теперь каторгу во Франции, подняли восстание в Черном море, не желая быть палачами русских рабочих и крестьян».

Французский народ не молчал, не сидел сложа руки. На репрессии французского правительства против тех, кто «не желал быть палачами», он ответил мощными демонстрациями, штурмом военно-морских тюрем в Тулоне, Бресте, Тулузе, требованиями «Долой правительство Жоржа Клемансо!».

Случилось то, о чем Марсель Кашен предупреждал правителей Франции с трибуны палаты депутатов: «Но как бы вы ни относились к русской революции, спешите отозвать оттуда свои войска. Если вы этого не сделаете, французские солдаты скоро воспримут идеи большевизма, идеи революции, если еще не восприняли их, и, вернувшись сюда, поступят так же, как поступали немецкие солдаты, побывавшие в России в последние годы.

Таков будет неминуемый результат любых попыток учинить насилие над волей народов. Народы поймут, что лучшее средство в борьбе против вас — это солидарность тех, кто терпит нужды и приносит жертвы».

Пролетарской солидарности посвящен марш «Привет, привет вам, черноморские моряки». Он исполняется на мотив популярной песни «Привет, привет вам, солдаты 17-го полка»[1]. Это была песня — отклик на бурные события, происходившие в 1907 году на юге Франции, где против своих угнетателей поднялись крестьяне-виног-

[1] В книге «О Ленине» Н. К. Крупская вспоминала о парижском периоде жизни, о том, как Владимир Ильич любил напевать припев популярной песни о 17-м полку, отказавшемся стрелять в стачечников: «Привет, привет вам, солдаты 17-го полка».

радари. Для усмирения «бунтовщиков» правительство Клемансо направило 17-й линейный пехотный полк. Прибыв на место, разобравшись в обстановке, солдаты отказались стрелять в крестьян. Началось братание.

Помнится, Жан Жорес как-то сказал: когда вы усмиряете пролетариат в одном месте, он подымается в другом; когда вам кажется, что вы его повсюду усмирили, он соберется с силами для новых требований и нового утверждения своих прав. Вы, может быть, достигнете минутного успокоения, вы никогда не достигнете покорности.

Через двенадцать лет восстали уже не крестьяне-виноградари, а солдаты и матросы. Морякам посвятил свой марш Поль Вайян-Кутюрье:

Однажды дошло до французской эскадры,
Что надо на красных пойти в поход,
И каждый должен вписаться в кадры
Карательных войск наших господ.
Но моряки — пролетарии моря
Сказали: «Мы не хотим воевать,
Одесса от нас не увидит горя,
Не будем в наших братьев стрелять!»
Припев:
Привет вам, привет, черноморцы боевые,
Привет вам, привет, рубахи голубые!
Капитализм на коммунизм вас не подымет, нет!
Черноморцы, слава вам,
Привет вам, привет!
На мачте взвивается красное знамя,
Впустую приказы начальства звучат,
И рядом с рабочими-большевиками
Матросы французского флота стоят.
Картечи для красных у нас не найдется.
Мы пушки и ружья решили беречь.
Но в битве, которая скоро начнется,
Ударит по барам морская картечь.
Припев.
Тиранам, что залиты кровью народной,
Зачинщикам четырехлетней войны
Матросы не выдали гордой, свободной
Надежды рабочих — Советской страны.
Матросы нас всех поведут за собой.
Бессмертна примера моряцкого сила.
Вперед же, Париж! Угнетенные, в бой!
Ведь время боев, наконец, наступило! [1]

«Время боев» продолжалось и после того, как генерал д'Ансельм вынужден был покинуть Одессу, а его

---

[1] Перевод с французского Бориса Слуцкого.

эскадре пришлось перейти с внутреннего рейда на внешний. Во Францию вернулась сначала лишь часть моряков. Вернулись, чтобы твердо заявить: «Мы не хотим воевать, Одесса от нас не увидит горя, не будем в наших братьев стрелять!»

В этих песенных строчках — труды Жанны и ее товарищей, словом своим убедивших матросов в братьев не стрелять!

Песню Поля Вайяна-Кутюрье очень любил Альберт Жозеф, старейший советский диктор. Он много лет вел радиопередачи на Францию. Однажды после выступления по радио остановил меня в коридоре Всесоюзного комитета по радиовещанию и телевидению:

— Слышал, интересуетесь Иностранной коллегией,— спросил Жозеф.— А известно ли вам, кто заменил Лябурб? — И, не ожидая ответа, выпалил: — Капитан Жак Садуль! Я встречался с ним, слушал его речь.

— В Одессе? — уточнил я.

— Да.

О том, что Садуль после гражданской войны жил еще какое-то время в России, известно. Окончательно порвав с французским правительством, он остался в Москве. По этому поводу белоэмигрантская газета «Дни», выходившая в Париже, не без ехидства вопрошала: «Кто же платит жалованье г. Садулю?» Злопыхателям за Садуля ответил Всероссийский староста. Со страниц «Известий ВЦИК» Михаил Иванович Калинин заявил, что Садуль открыто перешел на сторону Советской власти, т. е. рабочих и крестьян, оставив обеспеченное положение, не думая о карьере.

«Не надо быть коммунистом, чтобы понять, что таких идеальных людей во всем мире можно пересчитать по пальцам. И неужели вы рабочих и крестьян считаете такими глупцами, не могущими понять, что Садули и Домбали [1], остающиеся в Советской республике, являются процентом от европейских рабочих за наши жертвы и победу.

---

[1] Томаш Домбаль — деятель польского и международного крестьянского движения. В 1919 году избирался депутатом польского сейма. С его трибуны открыто выступал против похода шляхетской Польши на Советскую Россию. За это подвергался арестам. С 1923 года жил в нашей стране, считая ее своей второй родиной.

Если Антанта возьмет на себя расход, я предложил бы сделать общероссийское голосование среди самых медвежьих углов: сделать ли почетным гражданином РСФСР Садуля или любого сотрудника «Дней» вплоть до бабушки Брешковской[1]. В результате я не сомневаюсь. Попробуйте такое же голосование произвести во Франции, хоть бы в Париже, и у меня нет сомнения — французский пролетариат примет с распростертыми объятиями честного благородного француза. За Садуля мы в долгу перед французским пролетариатом. Будем надеяться, что при первых благоприятных условиях он будет нами возвращен французским рабочим с накопленным революционным опытом в Советской республике».

Французское правительство, обвинив Садуля в измене, отдало его под суд. Трижды военный трибунал заочно приговаривал капитана к смертной казни, и каждый раз парижский пролетариат выступал в защиту его. Во время выборов свыше сорока тысяч парижан вписали фамилию «Садуль» в избирательные бюллетени кандидатов в депутаты французского парламента, выражая тем самым горячие симпатии к нему.

В двадцать четвертом году Садуль вернулся на родину. Французский пролетариат, как и предсказывал М. И. Калинин, «принял с распростертыми объятиями честного благородного француза».

В четвертый, и последний, раз трибунал разбирал его дело. Теперь уже не заочно, а очно. Мужественный революционер опроверг все предъявленные обвинения, и трибунал вынужден был оправдать Садуля.

Прошло еще несколько лет. Советский народ, его Красная Армия воздали должное французскому капитану: в ознаменование десятой годовщины Великого Октября Реввоенсовет СССР наградил Жака Садуля орденом Красного Знамени. В приказе РВС говорилось, что он награждается как верный друг Октябрьской революции в ее наиболее тяжелые дни.

Высокая награда была вручена на Всемирном кон-

---

[1] Е. Брешко-Брешковская — одна из организаторов партии эсеров, представляла ее правое крыло. Позже, эмигрировав во Францию, выступала за подготовку интервенции против Советской России. Участвовала в парижской белоэмигрантской газете «Дни».

грессе друзей СССР членом Реввоенсовета Андреем Бубновым.

«Бубнов надевает орден Красного Знамени настоящему, живому Жаку Садулю, тому самому Садулю, который приехал в Россию капитаном французской армии, а уехал борцом рабочего класса,— отмечала газета «Красная звезда».— Ему свистел, хрипел и хрюкал весь буржуазный мир. Тень виселицы знало это жизнерадостное и живое лицо — и вот ему рукоплещет пролетариат всего мира».

И хотя на Всемирном конгрессе друзей СССР Одесса не упоминалась, Жозеф был точен в своей информации. Действительно, в апреле девятнадцатого года вместе с нашими войсками в город у Черного моря вошел и Жак Садуль, став членом Иностранной коллегии. Правда, условия работы изменились: листовки, адресованные французским матросам, печатались не глубоко под землей, а в обычных типографиях, не при свете чадящих фонарей, а при электричестве. И распространялись не на берегу, не в тавернах и клубах, а скрытно доставлялись на утлых лодчонках и рыбацких шаландах на французские корабли, маячившие перед непокоренной Одессой.

Сохранилось воззвание, подписанное Жаком Садулем и Иваном Клименко. Этот документ был написан на другой день после вступления в город Красной Армии и послан как бы вдогонку вынужденным покинуть город французам: «Товарищи, чтобы увезти вас в Россию, четыре месяца назад ваши генералы обманули вас еще раз. Они заставили вас поверить, что вас позвал на Украину весь народ, что вы пришли сюда не для того, чтобы возобновить новую войну, а «чтобы восстановить порядок, чтобы очистить Россию от некоторых преступных банд, которые под именем большевиков терроризируют города и села».

Теперь вы знаете цену этого обмана. «Бедные люди, которых надо спасать»,— это богачи, ваши эксплуататоры. «Банды преступных большевиков, которых надо уничтожать»,— это рабочие и крестьяне Украины, ваши братья. Вы знаете сегодня, за кого и против кого Фош и Клемансо вынуждают вас сражаться так далеко от Франции».

Жозеф слушал выступление Садуля на пленуме городского Совета. Ему особенно запомнилось то место,

когда капитан говорил о товарище Жанне, чье правдивое слово действовало на солдат и матросов сильнее пушек. Жак рассказал, как дружно они работали в Москве, в клубе и редакции еженедельника, носивших одно название — III Интернационал. Вспомнил, как искренне, по-детски Жанна радовалась, когда в редакцию — она помещалась тогда во втором доме Советов — пришло сообщение: в Архангельске взбунтовалась часть морской пехоты, прибывшая из Салоник. Это были первые французские пролетарии, наотрез отказавшиеся выступать против таких же русских пролетариев.

«Молодцы! Молодцы! — повторяла Жанна, хлопая в ладоши.— Настоящие потомки парижских коммунаров! Честное слово, товарищи, они вернутся домой большевиками!..»

Мгновенно представилось мне, как бы порадовалась Жанна при виде красных бантов у французских солдат и матросов!

Покидая город, они прошли мимо здания бывшей думы, на котором алел флаг Советов. Подымая кверху приклады винтовок, они пели «Марсельезу» и, не таясь, открыто выкрикивали: «Да здравствуют большевики!»

Как и в Москве на VIII съезде партии, где выступал Садуль с сообщением о гибели Жанны, так и в Одессе участники пленума городского Совета, после того как было произнесено ее имя, в едином порыве поднялись с мест, воздав должное Лябурб.

Прошло много лет. В один из погожих июльских дней к могиле Жанны пришли трое: мужчина, женщина и подросток с большим венком из роз и гвоздик.

Это был Морис Торез, Генеральный секретарь Коммунистической партии Франции. Он пришел сюда, чтобы поклониться Жанне. Пришел не один, вместе с женой Жаннетт Вермерш, членом Политбюро ФКП, и с сыном.

Возложив венок, Торез несколько минут постоял у могилы, как бы ведя с первой французской коммунисткой безмолвный диалог.

* *
*

Повесть о пламенной Жанне создавалась не один год и не только за рабочим столом. Наоборот, иногда к нему не подходишь по нескольку дней, не берешься за

перо. Но думы о героине постоянно и повсюду не покидают тебя: в московских архивах и одесских музеях, на сопках Заполярья и кораблях Тихоокеанского флота, на встречах с читателями, краеведами, следопытами...

Когда работа над рукописью о Жанне подходила к концу, позвонили из Комитета молодежных организаций СССР. Неокрепший бас сообщил, что в Москве гостит большая французская делегация.

Завтра наши гости посетят Центральный музей В. И. Ленина, встретятся со старыми большевиками. Приезжайте, пожалуйста, расскажите о Лябурб. О ней молодежь Франции мало знает, а многие, к нашему удивлению, даже и не слышали. Ждем в двенадцать ноль-ноль...

В просторном зале царило оживление: юные парижанки, марсельцы, лионцы, жестикулируя и громко смеясь, вспоминали забавные случаи из своего путешествия. Но как только в президиуме появились старые большевики, шум сразу пошел на убыль.

Я говорил последним и, не скрою, опасался, сумею ли донести до уставшей аудитории правду о Жанне Лябурб, заденет ли, взволнует ли юные сердца мой рассказ?

Пока студентка из Института иностранных языков не спеша переводила сказанное, я посмотрел на первые ряды у трибуны, занятые экспансивными парижанками. Девушки сидели притихшие, задумчивые, как тогда и мы, полтавские школьники, впервые услышавшие от учительницы об одесской трагедии, о гибели француженки.

Я говорил не только о Лябурб. Рассказал о двух героических Жаннах, в разные эпохи и в разных странах отстаивавших честь Франции. Отстаивавших жизнью и смертью своей: одна смело взошла на пылающий костер под Орлеаном, другая бесстрашно погибла в оккупированной Одессе.

После встречи многие разошлись по залам музея. Те, кто задержался, образовали вокруг меня живое кольцо, забросали вопросами. Студентка едва успевала переводить: «Когда Жанна из Франции попала в Россию?», «Сколько ей было лет?», «Жив ли кто-нибудь из ее друзей?», «Как их найти, по какому адресу можно писать?..»

Ответив на вопросы, я направился к выходу. У две-

ри догнала смуглая, с вьющимися волосами девушка и, волнуясь, на ломаном русском языке затараторила:

— Месье, можньо, пожалюйста. Жанна там...— Кивком головы она показала на второй этаж и, взяв меня под руку, потянула туда.

Вот и зал гражданской войны. На стенде рядом с Бела Куном, Джоном Ридом, Ярославом Гашеком, Олеко Дундичем, Михаем Бужором, Каролем Сверчевским, Пау Ти-саном — воинами-интернационалистами — висел портрет Жанны Лябурб. Единственная женщина среди мужчин.

И вновь перед глазами возникло здание полтавской трудшколы, длинный коридор, портреты воинов-интернационалистов: девять мужчин и одна женщина. Но тогда нам было известно только ее имя.

Недаром говорится, что все начинается с детства. Так с урока истории, с газетной заметки, с беседы большевика-подпольщика началось мое знакомство с Жанной Лябурб — короткое, мимолетное. Не все в отсеках памяти сохранилось, но узелок был завязан. Развязка же пришла, когда время высеребрило волосы. Незнакомая Жанна стала знакомой, близкой, дорогой.

На длинном поисковом пути, с его многочисленными, нередко запутанными тропами и тропинками, с которых легко сбиться, я не переставал думать о том желанном дне, когда смогу представить на суд читателей доказательства того, что у дружественного нам французского народа была не одна, а две легендарные Жанны: Жанна д'Арк и Жанна Лябурб.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дунаевский
Александр Михайлович

ЖАННА ЛЯБУРБ —
ЗНАКОМАЯ И НЕЗНАКОМАЯ

Заведующий редакцией
А. И. Котеленец

Редактор
Л. И. Стебакова

Младший редактор
И. А. Дегтярева

Художественный редактор
Г. Ф. Семиреченко

Технический редактор
О. М. Семенова

Сдано в набор 29 октября 1975 г. Подписано в печать 14 января 1976 г. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 9,24. Учетно-изд. л. 9,38. Тираж 200 тыс. экз. А 00009. Заказ № 151. Цена 34 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

34 коп.
ИПЛ